ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ПИСЬМЕННОСТИ и ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

ДО XIV ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

Вячеслава Александра Мацѣевскаго.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Петръ Дубровскій.

МОСКВА.

1846.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ПИСЬМЕННОСТИ и ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

ДО XIV ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

Вячеслава Александра Мацѣевскаго,

ДОКТОРА ПРАВЪ И ПРОФЕССОРА,

ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Петръ Дубровскій.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1846.

По опредѣленію Общества 1-го іюня, 1846 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА ЧЛЕНУ

И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ

ГРАФУ

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ,

съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ

посвящаетъ

Переводчикъ.

ОТЪ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Безъ сомнѣнія, Русскимъ читателямъ будетъ пріятно ознакомиться съ любопытнымъ сочиненіемъ одного изъ первыхъ ученыхъ Польскихъ, извѣстнаго своими важными трудами, какъ всей Славянщинѣ, такъ и чужеземцамъ. Представляя мой переводъ, я долженъ замѣтить, что онъ оконченъ подъ рукою самаго автора, который, можно сказать, былъ свидѣтелемъ моего труда и сообщалъ мнѣ, частями, подлинникъ въ то время, какъ онъ печатался.

Этотъ *Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія Славянскихъ народовъ* заключается во второмъ томѣ *Записокъ объ исторіи письменности и законоположенія Славянъ,*

изданныхъ въ Варшавѣ, 1859 года, и служащихъ дополненіемъ къ исторіи Славянскаго законоположенія. Вскорѣ приступлю къ переводу окончательной части сихъ записокъ, содержащей въ себѣ извлеченія изъ рукописи двухъ первыхъ томовъ исторіи Славянскаго законоположенія, вновь передѣланныхъ.

Варшава.

1830 года.

ИСТОРІЯ

ПИСЬМЕННОСТИ и ОБРАЗОВАНІЯ

СЛАВЯНЪ

ДО XIV ВѢКА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Между древними народами Греки наиболѣе распространили у себя просвѣщеніе, по той причинѣ, что они умѣли разумно присвоитъ себѣ науки и искуства образованныхъ народовъ древняго міра, умѣли понять ихъ въ духѣ своей народности и, наконецъ, основательно и изящно развить ихъ. Также одни только Греки, между древними народами, умѣли возбудить во всемъ древнемъ мірѣ любовь къ Эллинской чужеземщинѣ и желаніе проникнуться новой мыслію о людскости и справедливости Они же привели на новое поприще Европейской жизни народы, до тѣхъ поръ живіпіе уединенно, окруживши ихъ цѣпію общественности, въ то время неизвѣстной древнему міру, и соединивъ эту цѣпь звеньями новой гражданственности. Есть надежда, что Славянскіе народы, при возобновленіи Европейскаго просвѣщенія, вѣроятно, сыграютъ, хотя, можетъ быть, и не столь блистательную, роль, тѣмъ болѣе, что разныя поколѣнія этого великаго народа, умѣли до сихъ поръ удачно образовать свою словесность въ разныхъ нарѣчіяхъ, и поставили ее на такую степень, что она уже безопасно можетъ существовать сама собою и постепенно развиваться въ духѣ Славянской народности. Ежели Славяне такъ счастливо будутъ продолжать, какъ начали, то можетъ случиться, что у нихъ словесность болѣе будетъ развита въ народномъ духѣ, нежели у прочихъ Европейцевъ. Это можетъ возбудить въ чужеземцахъ желаніе узнать основательно нашу словесность, ближе разсмотрѣть нашу народность и даже полюбить то, чѣмъ они прежде пренебрегали.

Невольно радуешься, замѣчая не столько успѣхи, сколько перемѣны, происшедшія до сихъ поръ въ ученой жизни почти всѣхъ Славянскихъ народовъ, хотя и должно сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя племена, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, будучи въ упадкѣ, не могутъ наровнѣ съ другими способствовать усовершенствованію своего просвѣщенія. Но обращая вниманіе на Славянъ Греческаго исповѣданія, которые разширили у себя поле наукъ, можно, по крайней мѣрѣ, радоваться, что, если у однихъ Славянскихъ народовъ остановился ходъ наукъ, за то у другихъ онѣ подвигаются впередъ быстрыми шагами. То, что имѣютъ одни, можетъ быть полезно другимъ; и многоплеменный народъ выигрываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ шире онъ распространяетъ и обогащаетъ свою *общность* (цѣлый кругъ). Распространеніе мысли о всеобщемъ Славянскомъ просвѣщеніи должно вести за собою слѣдствіе, что и словесность отдѣльныхъ народовъ не можетъ остаться въ забвеніи; если же всѣ пле-

мена будутъ итти неровными шагами, то можетъ случиться, что тѣ, которыя остались назади, подвинутся впередъ и сравняются съ другими. Мы сами свидѣтели величайшихъ перемѣнъ въ просвѣщеніи Славянскихъ народовъ. Уже поэзія получила новую жизнь у Славянъ; уже они начинаютъ постигать значеніе исторіи. Даже философія, будучи душею, какъ той, такъ и другой, хотя слабо, однако-жь замѣтно начинаетъ у насъ показываться. Все это намъ подаетъ надежду, что наше просвѣщеніе вновь оживетъ и будетъ пользоваться долгою жизнію; замѣтимъ, что мы начинаемъ уже выходить изъ заблужденія, въ которое ввело насъ когда-то вліяніе чужеземщины.

Стремясь къ этой цѣли, мы должны поступать благоразумно и осторожно: должны, какъ нѣкогда двухголовое божество Латиновъ, обращаться и къ прошедшему, и къ будущему; вникая же въ исторію своего просвѣщенія, изслѣдовать ее исторически, чтобы глубоко обнять мыслію ходъ и назначеніе наукъ. Такимъ образомъ, Славянамъ предстоитъ путь гораздо обширнѣйшій того, по которому они до сихъ поръ слѣдовали: они должны итти по немъ, обращая взоры не на облака, но на землю; должны искать средствъ для объясненія исторіи отечественнаго просвѣщенія не въ мечтаніяхъ, но въ памятникахъ языка; принимая же просвѣщеніе въ духѣ народности, свободной отъ предразсудковъ, не все порицать и не все хвалить свое. Наконецъ, Славяне должны стараться о томъ, чтобы зерно, выходящее изъ нравственнаго образованія народа, изъ его просвѣщенія, вновь возраждающагося, не погибло, но показалось бы наружу и не оставалось въ землѣ. Славяне должны слѣдить свое просвѣщеніе многостороннимъ образомъ. Сперва имъ должно узнать и изслѣдовать ея источники; потомъ разсмотрѣть, достаточно ли они исчерпаны, и съ какой пользою. Собственно на этомъ, то есть. на познаніи источниковъ, основывается ясность предмета, котораго если не изслѣдуетъ писатель, то не разовьетъ и не усовершенствуетъ ни одной отрасли наукъ, ни къ одной не будетъ привязанъ постоянно, какъ ребенокъ, ежеминутно хватающійся за новую игрушку.

Въ исторіи просвѣщенія должно обращать вниманіе не на одну только словесность, но и на вліяніе оной на нравственное образованіе народа. Второе есть слѣдствіе перваго и тѣсно съ нимъ связано, ибо все то мертво, что не проявляется въ своихъ слѣдствіяхъ. И такъ необходимо знать, какое вліяніе произвели науки и искуства на благосостояніе народа. Изображая исторію законодательства Славянъ, я старался показать и то, и другое, со всѣми подробностями и, сколько возможно было, представилъ гражданскую жизнь Славянъ. Въ этомъ же очеркѣ заключается ихъ ученая и домашняя жизнь. Чтобы вознаградить теперь прежній недостатокъ, я обширнѣе поговорю объ этомъ. соображаясь съ источниками, которые мнѣ до сихъ поръ случилось открыть. Сперва я укажу, какъ далеко подвинули этотъ предметъ ученые, разбиравшіе его прежде меня.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИСТОРІЯ ПИСЬМЕННОСТИ И ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУСТВЪ, И ВЛІЯНІЕ НА НИХЪ ЧУЖЕЗЕМЩИНЫ.

ГЛАВА I.

ПИСАТЕЛИ И ХОДЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

Источники исторіи законодательства Славянъ и памятники словесности, приведенные мною въ особенныхъ спискахъ, суть также источники исторіи просвѣщенія Славянъ. Исторія Славянской письменности была представляема сперва отдѣльно, потомъ вообще. Въ Польшѣ въ первый разъ такого рода сочиненіе издалъ г. Бентковскій, послѣ него Лелевель [1] представилъ обширнѣйшій очеркъ Польской словесности и показалъ, что до напечатанія первой Польской книги, или до 1522 года, Итальянцы, Французы, Нѣмцы и другіе иностранцы имѣли большое вліяніе на распространеніе въ Польшѣ просвѣщенія западной Европы.

Послѣ явился г. Юнгманнъ съ исторіею народной Чешской словесности, которая служитъ дополненіемъ такой же исторіи г. Добровскаго[2], прежде еще написанной понѣмецки. Г. Гречь въ послѣдствіи написалъ исторію Русской словесности. Когда никто не являлся съ подобными сочиненіями, отдѣльно представляющими предметъ, то г. Шафарикъ издалъ всеобщую исторію просвѣщенія Словянскихъ народовъ. Сочиненіе г. Лукашевича о Польской словесности есть самое новѣйшее [3].

Предоставляя знатокамъ судить о моихъ усиліяхъ въ этомъ дѣлѣ, замѣчу, что, хотя я имѣлъ въ виду собственно Славянскую письменность, однако же не желалъ и не могъ оставить безъ вниманія сочиненій, изданныхъ въ Польшѣ и о Польшѣ на иностранномъ, то есть, на Латинскомъ языкѣ. Памятники исторіи, касаясь древности и припоминая намъ прошедшіе вѣка, убѣждаютъ насъ, что Славяне были въ близкихъ сношеніяхъ съ своими сосѣдями и, по большей части, подвергались ихъ вліянію относительно просвѣщенія. Такимъ образомъ, кто только пишетъ о просвѣщеніи Славянскихъ народовъ, хотя и долженъ имѣть въ виду отечественную словесность и все свое, однако жь не можетъ совершенно оставить безъ вниманія ничего чужеземнаго. Ибо оно принесло намъ много добра, а зло, причиненное имъ, не столько должно приписать ему самому, сколько естественному порядку вещей.

Какъ для здороваго все здорово, такъ и просвѣщеніе никогда не развращаетъ умовъ, но исправляетъ ихъ, только надобно умѣть

[1] Tygodnik wileński, 1816 г. Т. I.

[2] Geschichte der boehm. Sprache und aeltern Literatur. Prag. 1818.

[3] Rys dziejów piśmiennictwa Polskiego. Kraków. 1836.

обходиться съ нимъ и благоразумно имъ пользоваться. Оно — подобно электрической искрѣ, которую мудрецъ похитилъ у громовъ небесныхъ помощію науки и искуства. Оно приноситъ ему счастіе, смотря по тому, какъ онъ съумѣетъ совладать съ нимъ.

Сама природа такъ устроила, что человѣкъ безъ человѣка, а народъ безъ народа, не могутъ обойтиться; также точно и каждый народъ, желающій распространить кругъ своего просвѣщенія, долженъ ознакомиться съ просвѣщеніемъ другихъ народовъ, чтобы лучше понять собственное и болѣе оцѣнить его. Слѣдовательно, сама природа мудро управляетъ человѣкомъ, ускоряя или замедляя шаги его, подвигая его впередъ или останавливая, пока не наступитъ опредѣленное время дѣйствовать ему.

Когда раздѣлилась католическая Церковь, то и народы Славянскіе раздѣлились во всѣхъ отношеніяхъ; одни изъ нихъ подвинулись въ просвѣщеніи, другіе отстали, къ бо́льшему для себя счастію, какъ показало время, которое все обнаруживаетъ. Чехи и Поляки, сдѣлавшись участниками римско-католической Церкви, а вмѣстѣ и западнаго просвѣщенія, только тогда истинно просвѣтились, когда начали надлежащимъ образомъ понимать чужеземное; занимая у него хорошее, а именно изслѣдывая тѣже самыя пути, по которымъ оно достигло основательнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ Чехи и Поляки, положивши у себя основаніе чужеземному просвѣщенію, ревностно взялись за народную словесность, въ XIV, XV, XVI вѣкахъ, и опредили въ этомъ Славянъ Греческаго исповѣданія, имѣвшихъ мало сношеній съ Западомъ. Политическія причины препятствовали Полабскимъ (надъ Лабою) Славянамъ и Словакамъ слѣдовать тѣмъ же путемъ къ просвѣщенію, потому что первымъ Нѣмцы насильно привили свое просвѣщеніе, заимствованное у Запада, а Мадьяры, совершенно олатинившись, уничтожили у себя Славянскую народность и подвинули назадъ ея просвѣщеніе.

Вся Европа съ сожалѣніемъ смотрѣла на Славянъ Греческаго исповѣданія, что они упорно придерживаются устарѣлой Византіи и принимаютъ образованіе отъ Цареграда, уже почти упавшаго, а не отъ Запада, блиставшаго Римскимъ просвѣщеніемъ. Но такъ какъ болѣзнь часто укрѣпляетъ тѣло, возвращая ему свѣжія силы, изнуренныя продолжительнымъ здоровьемъ, такъ какъ притѣсненія и бѣдствія, постигшія не-онѣмечившійся народъ Славянскій, не искусили его лакомою пищею чужеземцевъ и не пріучили нѣжиться на ихъ мягкомъ ложѣ, то Русскіе и Сербы, испытавши продолжительную борьбу, дождались времени, въ которое легко могутъ усвоить и упрочить образованіе, только надобно умѣть искренно взяться за дѣло. Прежде всего должны вознаградить потерянное, а именно — близко познакомиться съ настоящимъ образованіемъ западной Европы и научиться черпать изъ первобытныхъ источниковъ, основательно изслѣдовавши древнюю письменность. Не все старое бываетъ слабымъ, и не все юное бодрымъ. Древній міръ Азіи и Африки былъ наставникомъ Грековъ и Римлянъ, тѣмъ же онъ будетъ и для насъ,

пока мы совершенно не разовьемъ своего образованія, научаясь отъ чужеземцевъ, но не подражая имъ, хваля ихъ книги, но не жизнь, управляясь собственнымъ, но не ихъ, разумомъ.

ГЛАВА II.

СЛАВЯНСКІЯ ПИСЬМЕНА.

Греки свидѣтельствуютъ [4], что древнимъ Славянамъ извѣстно было письменное искуство, а монахъ Храбръ, жившій въ X. вѣкѣ, сказалъ [5], что они во времена языческія писали рунами. Тоже самое повторяетъ и одинъ изъ древнихъ Русскихъ лѣтописцевъ, а новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ это преданіе о первоначальныхъ письменахъ у Славянъ. Въ первомъ томѣ исторіи законодательства Славянъ (стр. 60) я обратилъ вниманіе на открытую г. Кухарскимъ надпись, вырѣзанную на металлѣ Славянскими рунами. Также недавно г. Коларъ открылъ руны [6] на Польскомъ нарѣчіи, изсѣченныя на каменномъ Бамбергскомъ истуканѣ, представляющемъ Чернобога. Это открытіе объясняетъ многія явленія въ исторіи Славянской письменности. Оно подтверждаетъ преданіе Дитмара [7] о надписяхъ названій Славянскихъ боговъ. Это преданіе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Славяне, даже жившіе надъ Лабою и, слѣдовательно, вдали отъ Цареграда, колыбели своего образованія, имѣли собственныя письмена уже во времена языческія. Это же бросаетъ большой свѣтъ на слова въ жизнеописаніи св. Кирилла (изъ библіот. Хиляндарскаго монастыря), въ которомъ говорится, что уже до Кирилла и Меѳодія Славяне имѣли письмена [8].

Эти письмена, должно быть, отличались отъ Латинскихъ, когда ихъ употребляли для надписей на языческихъ истуканахъ; впрочемъ, тамошніе Славяне должны были знать также и Латинскія буквы, потому, что они, по свидѣтельству того же Дитмара [9], пѣли *киріе элейсонъ*, написанное у нихъ Латинскими буквами. Даже можетъ быть, что эту пѣснь написалъ для нихъ, собственными ихъ буквами, Нѣмецкій миссіонеръ. Такъ или не такъ, но нѣтъ сомнѣнія, что тѣ ошибаются [10], которые утверждаютъ, будтобы Краинцевъ и Полабскихъ Славянъ научили письменамъ западные миссіонеры. Если съ двухъ противоположныхъ концовъ Славянскихъ поселеній, изъ-за Карпатъ и съ Лабы, имѣемъ мы свидѣтельство объ употребленіи письменъ нашими предками, еще язычниками; если тоже самое подтверждаетъ и Русская исторія, то можно заключить, что Славяне, жившіе въ срединѣ надъ Вельтавою (Молдавою) и Вислою, знали письмена уже въ глу-

4 *Chroricon* paschale, p. 45, изданіе, Нибура; *Галлъ* въ Beytraege, и т. д. стр. 57.

5 Карамзинъ, I. прим. 260.

6 Описаны Шафарикомъ въ Časop. XI. стр. 17 и слѣд.

7 Дитмаръ, 6. 151. inferius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis.

8 Являй буквы во вашъ языкъ, его же не бѣ исперва, было, но токмо во первая лѣта, бывша и сіи исперва писмены пишуще бесѣды своя славили Бога.

9 Стр. 40. hic, ut sibi commissos eo facilius instrueret, Sclavonia scripserat verba, et eos Kirieleison cantare rogavit.

10 На пр., Hanka von Hankenstein, въ прим. къ Евангелію, стр. 48.

бокой древности, и что Гаекъ говоритъ правду, передавая намъ извѣстіе о надгробіи Любуши, высѣченномъ на твердомъ камнѣ по повелѣнію супруга ея, Премысла.

Кириллъ и Меѳодій, нашедши эти письмена недостаточными для перевода Евангелія и другихъ духовныхъ книгъ, занялись исправленіемъ оныхъ уже въ 855 году, слѣдовательно, до своего прибытія въ Паннонію, и справедливо называются изобрѣтателями полной Славянской азбуки, но не изобрѣтателями самыхъ письменъ, какъ ошибочно допускаютъ нѣкоторые писатели; потому что, какъ мы уже сказали выше, Славянамъ съ давнихъ временъ извѣстно было письменное искуство. До Кирилла и Меѳодія, уже въ IV вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Улфила (Ulfilas) также составилъ полную азбуку для Готовъ, жившихъ въ Мизіи и Ѳракіи, прибавилъ къ руническимъ письменамъ сѣверныхъ Германцевъ буквы, взятыя изъ Греческой и Латинской азбуки. Эту Кирилловскую азбуку, какъ мы обыкновенно для краткости называемъ ее, употребляли вездѣ, гдѣ только была Славянская Церковь, на Руси, за Карпатами и въ Чехіи, о чемъ свидѣтельствуютъ историческіе памятники, которые мы привели въ первоначальной исторіи Христіанства у Славянъ. Когда, по причинамъ, тамъ же изложеннымъ, Славянская Церковь и Кириловскія письмена въ послѣдствіи были устранены отъ богослуженія, то гораздо позднѣе, уже въ XI вѣкѣ, изобрѣтены были новыя Глаголитскія письмена, начало которыхъ легковѣрные новѣйшіе изслѣдователи относятъ ко временамъ св. Іеронима. Ложность этого доказалъ г. Добровскій. Г. Копитаръ противурѣчилъ ему, отстаивая древность Глаголитскихъ письменъ и относя ихъ ко временамъ предъ-Кириловскимъ; но г. Шафарикъ ясно доказалъ ему его ошибку [11].

Кирилловскія письмена не только быстро распространились почти во всѣхъ Славянскихъ земляхъ, но попали даже къ, непріязненнымъ востоку, Франкамъ. Доказательствомъ этому Евангеліе, писанное частію Кирилловскими, а частію Глаголитскими буквами [12], которое, вѣроятно, досталось Франціи въ XI вѣкѣ изъ Россіи и, по своей древности, такъ уважалось, что Французскіе короли, коронуясь въ Реймсѣ, присягали на немъ. Этотъ важный памятникъ, пропавшій во время Французской революціи, теперь найденъ снова. Однако жь, несмотря на первенство Кирилловской азбуки предъ Глаголитскою, сперва начали печатать книги Глаголитскими буквами. Ибо первый Глаголитскій служебникъ напечатанъ былъ въ 1483 году, неизвѣстно гдѣ. Кирилловскими буквами въ первый разъ напечатали въ Краковѣ псалтирь [13] въ 1491 году. Древнѣйшимъ памятникомъ Глаголитскихъ письменъ почитается рукописная псалтирь 1220 года. Г. Копитаръ издалъ еще древнѣйшія, относящіяся къ XI вѣку. Есть древнія рукописи, писанныя Кирилловскими буквами, относящіяся къ XI вѣку, а къ самымъ древнѣйшимъ принадлежитъ переводъ

11 Объ этомъ упомянуто было въ первоначальной исторіи Христіанской Церкви у Славянъ.

12 Glagolita Cloz. P.. X.

13 Шафарика Geschichte, S. 13. Бандтке Истор. I. стр. 141.

съ Греческаго на Славянскій языкъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, изданный г. Калайдовичемъ, также Евангеліе, переписанное въ XI вѣкѣ съ перевода Св. Писанія Кирилла и Меѳодія для Новгородскаго посадника, Остромира. Этотъ списокъ г. Востоковъ почитаетъ третьею или четвертою копіею съ перевода Славянскихъ апостоловъ [14]. Г. Штраль (Strahl) [15] несправедливо замѣтилъ, что у профессора Баузе (Bause), въ Москвѣ, было печатное Евангеліе, безъ означенія мѣста и года, на которомъ написано, что оно переведено Кирилломъ и Меѳодіемъ. Г. Калайдовичъ доказалъ [16], что это замѣчаніе сдѣлано было на заглавіи книги Сопиковымъ.

ГЛАВА III.

ВЗГЛЯДЪ НА СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ.

Разсмотрѣвши памятники Церковнаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій, можно сказать, что онъ, нося на себѣ отпечатокъ совершеннѣйшаго въ древности языка, какимъ былъ Греческій, превышаетъ его во многихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, Славянскій языкъ отличенъ отъ Германскаго, хотя и занялъ отъ него много словъ, по причинѣ близкихъ сношеній съ Готами въ древнѣйшія времена. Чѣмъ древнѣе какое либо Славянское нарѣчіе, тѣмъ оно болѣе имѣетъ Готскихъ словъ, и на оборотъ: чѣмъ древнѣе какое либо Германское нарѣчіе, тѣмъ болѣе оно имѣетъ Славянскихъ словъ. Въ Кирилловскомъ Церковномъ, въ древне-Сербскомъ и въ нынѣшнемъ Болгарскомъ нарѣчіяхъ есть много Готскихъ словъ [17]. Ихъ можно узнать по твердости, стеченію согласныхъ, не перемѣшанныхъ съ гласными (а именно полусогласныхъ: r, l) которыя такъ непріятно звучатъ по Славянски [18]. Нашъ языкъ отличается отъ Германскаго тѣмъ, что онъ неподчиненъ рабски словосочиненію, но свободенъ, какъ языкъ Греческій, и даже богаче и точнѣе его. Онъ иногда пѣвучъ и строенъ, не смотря на стеченіе въ немъ шипящихъ согласныхъ и носовыхъ гласныхъ, въ произношеніи же исчезаетъ эта шероховатость словъ посредствомъ присоединенія гласныхъ. Не всегда эти гласныя изображались на письмѣ, но ихъ то ставили, то опять выпускали. Такъ Чехи въ XI вѣкѣ писали [19] Brennaz, Zribin, Plzn, а въ XIII вѣкѣ: Brnas, Srbjn, Plzn. По мнѣнію г. Востокова, носовыя гласныя ѫ (ą), ѧ (ę), принадлежатъ языку Церковному; нѣкогда они были общи всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, и сохранились теперь въ Краинскомъ и Польскомъ языкахъ (ибо другіе Славяне двугласными au, eu, давно уже выражали носовыя гласныя, да и теперь еще выражаютъ); эти гласныя придали языку Славянскому такую же звучность, какую теперь имѣетъ утонченный Французскій языкъ.

---

14 Карамз. I. прим. 261. Шафарика Geschichte, S. 127.

15 Das gelehrte Russland. Leipz 1828, S. 8.

16 Въ прим. къ Іоанну Экзарху Болгарскому, стр. 89.

17 Шафар. Славян. древн. I. стр. 348.

18 Коларъ, *Wýklad*, стр. 389.

19 Палацкій, *Casopis*, X. стр. 337.

Въ недавнее время гг. Экономидъ (Ekonomides) [20] и Данковскій [21] предложили вопросъ: Славянскій ли языкъ образовался по Греческому, или Греческія нарѣчія образовались по Славянскимъ? Какой бы ни былъ, со временемъ, положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы ни сколько не ошибемся, если скажемъ, что нарѣчія Славянскія богаче Греческихъ, по выраженію и свойству языка. Двойственное число, которое есть и въ Греческомъ, мы измѣняемъ и по родамъ, чего вовсе нѣтъ въ Греческомъ языкѣ. Спряженіе Славянскихъ глаголовъ гораздо совершеннѣе, нежели Греческихъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ не новѣйшій языкъ Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ, составленный по образу другихъ Европейскихъ, но угасающее или еще одушевленное слабымъ дыханіемъ жизни нарѣчіе Лужичанъ и Краинцевъ. Славянскіе филологи могутъ еще черпать это сокровище своего слова изъ жизни, а не изъ книгъ, что принуждены дѣлать изыскатели древне-Греческаго языка; они могутъ очистить наши нарѣчія отъ чужеземщины, которую мы сами вмѣшали въ нихъ, не зная и не умѣя цѣнить богатства своего языка.

Тотъ очень ошибается, кто думаетъ, что языкъ Церковный былъ первобытнымъ, общимъ языкомъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, что всѣ они говорили на немъ уже въ IX вѣкѣ, пока изъ него, на подобіе ручьевъ, не проистекли отдѣльныя нарѣчія и, усилившись съ теченіемъ времени, не составили особенныхъ рѣкъ; смотря по тому, какъ политическое значеніе и благосостояніе народовъ доставляли средства распространять между ними просвѣщеніе. Кто вникалъ въ полическую исторію Славянъ, тотъ сознается, что они уже говорили на особенныхъ нарѣчіяхъ даже въ V вѣкѣ, какъ только появились на позорищѣ міра подъ собственнымъ и, съ тѣхъ поръ, общимъ названіемъ; что же касается до языка Церковнаго, то онъ, въ этомъ отношеніи, сдѣлался всеобщимъ или (употребляя нынѣшнее выраженіе) дипломатическо-церковнымъ [22], подобно Саксонскому нарѣчію у Нѣмцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ Мартынъ Лютеръ перевелъ на немъ Св. Писаніе. Если бы Славянская Церковь совершенно распространилась, то языкъ Церковный, въ отношеніи ученомъ и политическомъ, имѣлъ бы первенство предъ прочими Славянскими нарѣчіями, какъ это сдѣлалось съ Саксонскимъ въ Германіи, въ XVI вѣкѣ. Хотя чрезъ это и замедлилось тѣсное соединеніе Славянъ, однакожь тоже самое разнообразіе, причиною котораго было разнобразіе ихъ просвѣщенія, очень много способствовало ихъ нравственному образованію, самопознанію и уразумѣнію той мысли, что они должны быть братьями, какъ по слову, такъ и по чувствамъ, не смотря на то, что ихъ раздѣляютъ религія, просвѣщеніе и правленіе.

Входя въ подробности и спрашивая о свойствахъ каждаго нарѣчія въ древнѣйшихъ временахъ, мы не знаемъ, что̀ отвѣчать, за неимѣніемъ источниковъ, гораздо древнѣйшихъ, нежели тѣ, которые мы

20 Раковецкаго Pism. rozmait. I. Варшава, 1834.

21 Matris Slavicae filia erudita vulgo lingua graeca. Posonii, 1830

22 Шафарикъ въ предисл. къ св. соч. Serbische Lesekoerner. Pesth. 1835.

привели выше, говоря о письменахъ Славянскихъ.

Правда, М. П. Катанчичъ [23] въ надписи на камнѣ 295 года по Рождествѣ Христовомъ, и даже въ Овидіи [24] замѣчаетъ древнѣйшій слѣдъ Славянскаго языка; но эту надпись вольно читать всякому, потому что ее никто не понимаетъ. Мнѣ кажется также, что и слова Римскаго поэта каждый можетъ перетолковать по своему и вывести изъ нихъ все, что захочетъ. Отдѣльныя слова, дошедшія до насъ [25] изъ III, VI и VIII вѣковъ по Рождествѣ Христовомъ, вырѣзанныя на монетахъ и сохранившіяся у Греческихъ грамматиковъ и лѣтописцевъ, суть слѣдующія: *tsiern* вмѣсто чернь, *скала*, *рогозъ*, *подрпъга*, (*ръзати*). Гораздо болѣе словъ находится у Византійскихъ лѣтописцевъ, а именно у Константина Багрянороднаго [26]; но сомнѣваемся, можно ли имъ вѣрить съ дипломатической точностью, особенно, если мы знаемъ, что Греки, а позднѣе народы Римскаго и Германскаго поколѣній, немилосердно искажали Славянскій языкъ. По тѣмъ источникамъ, которые приведу ниже, смѣло можно угадать свойство отдѣльныхъ нарѣчій, которыя, должно быть, уже въ X вѣкѣ [27] значительно были развиты, потому что тогда начинали пускаться даже въ грамматическія изслѣдованія, въ чемъ убѣждаетъ насъ переводъ грамматики Дамаскина, сдѣланный І. Экз. Болгарскимъ, въ VIII вѣкѣ.

Шлецеръ [28] замѣчалъ вообще о языкѣ Славянскомъ, что онъ совершеннѣе всѣхъ Европейскихъ языковъ, и что прежде всѣхъ пріобрѣлъ это совершенство. Въ каждомъ народно-Славянскомъ словѣ скрывается глубокая мысль, которая живыми красками изображаетъ намъ характеръ и занятія народа. Особенно это замѣтно въ именахъ, даваемыхъ при крещеніи и кончащихся, обыкновенно, на *богъ*, *боръ*, *хвалъ*, *далъ*, *данъ*, *даръ*, *гнѣвъ*, *гость*, *край*, *милъ*, *міръ*, *мысл*, *плугъ*, *полкъ*, *радъ*, *славъ*, *витъ*, *вой* (что видно изъ собранія Славянскихъ именъ г. Владибоя Воеводскаго) [29]. Въ этихъ словахъ виденъ набожный образъ мыслей народа, который любилъ щедрость, гостепріимство, свое отечество и земледѣліе, любилъ славу и міръ, но никогда не забывалъ мстить врагу, нарушавшему его спокойствіе. Языкъ, въ которомъ мысль, разумъ, судъ и мудрость, какъ замѣчаетъ Дурихъ [30], играли главную роль, а повелительныя наклоненія и прошедшія времена глаголовъ [31] имѣютъ глубокое значеніе, — такой языкъ свидѣтельствуетъ, что народъ, говорящій на немъ, любитъ приказывать и получать приказанія, мысленно обращаться къ прошедшему, чтобы разгадать будущее, и что не только быстро обнимаетъ предметы, но можетъ и основательно судить объ нихъ, испытуя ихъ умомъ. Чтобы то былъ за народъ, который всегда удерживалъ бы въ границахъ свой живой характеръ? Какой бы онъ имѣлъ языкъ,

---

23 Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum. Zagrabiae. 1795. стр. 50—65.
24 Ex Ponto, V. 23.
25 Шафар. Древн. I. стр. 206, 262. Glagolita Cloz. стр. LXXVI.
26 Гл. 9, 34. de administrando imperio.
27 Калайд. стр. 167. и слѣд.
28 Колара *Wýklad*, стр. 37.
29 Варшавск. календарь 1829 и слѣд.
30 Стр. 70.
31 Слова Ганки де Ганкенштейна, стр 53 и слѣд.

если бы ему можно было образовать его такимъ же образомъ, какъ образовали свой языкъ давніе сосѣди его, Греки? Какая бы была у него письменность, если бы судьба не дала ему возможности постепенно образовать и развить ее? Для будущаго изыскателя нашего слова открывается обширное поле, которое призываетъ его, чтобы онъ, съ исторической точки зрѣнія смотря на языкъ Славянскій, изучилъ свойство этого великаго древа, начиная съ корня и до сердцевины, чтобы обратилъ вниманіе не только на его пень, но и на сучья, вѣтьви и даже листья. Прежде всего должно изслѣдовать источники нашего слова и замѣчать, какіе вытекли изъ него ручьи, чтобы узнать цвѣтъ и вкусъ той воды, которая разлилась по неизмѣримому морю нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій.

Обращая вниманіе на памятники языка Закарпатскихъ Славянъ, мы уже указали на древній памятникъ Краинскаго нарѣчія, то есть, на, такъ называемый, *кодексъ Фризингенскій*, изданный гг. Кеппеномъ [32] и Копитаромъ [33]. Онъ есть произведеніе Авраама, епископа Краинскаго, который сообщилъ его Бозону, епископу Межиборскому въ 970 году, какъ сочиненіе духовнаго содержанія, назначенное для утвержденія въ вѣрѣ новообращенныхъ Полабскихъ Славянъ. Часть этого сочиненія, начинающагося словами *Ecce bi* (если бы, ежели бы), извѣстна была и на Руси еще въ 960 году, и послана была туда, какъ догадывается г. Копитаръ [34], кн. Ольгѣ, когда она уже была христіанкой. На языкъ Сербскій, уже чрезвычайно образованный въ глубокой древности, особенное вниманіе обращаетъ г. Шафарикъ и намѣренъ издать древніе его памятники. Достойно замѣчанія, что уже въ XIV вѣкѣ пренебрегали этимъ языкомъ. Сербскій переводчикъ Властара называетъ свой отечественный языкъ простонароднымъ (*простаческій языкъ*), а новѣйшіе Сербскіе ученые назвали его *пастушескимъ* языкомъ [35]. Между памятниками этого языка первое мѣсто занимаетъ лѣтопись подъ названіемъ *Родословъ*, которая находится теперь еще въ рукописи. Она написана Сербскимъ архіепископомъ, Даніиломъ, 1272—1336 г. Этотъ архіепископъ, какъ очевидецъ, описалъ въ своей лѣтописи исторію четырехъ Сербскихъ царей: Уроша, Драгутина, Милутина и Дечанскаго [36]. Въ языкѣ нынѣшнихъ Подунайскихъ Нѣмцевъ, также Угровъ, есть много памятниковъ Славянскаго языка, ибо первые, особенно же Ракосы (*Ракушане*, теперь *Вѣнцы*), первоначально были Славянами, и съ теченіемъ времени онѣмечились, сохранивши [37], однако, много народно-Славянскаго въ своемъ характерѣ и языкѣ; другіе же уже во времена Гельмольда [38], употребляя одинъ языкъ и одну одежду съ Славянами, или лучше сказать, гово-

32 Въ собр. Словен. памяти. С.-Петерб. 1827.
33 Glagolita Clozianus.

34 Glag. Cloz. стр. XLI, XLIV.
35 *Сопiярски и говедарски*, Шафар. въ предис. къ Serbische Lesekörner.
36 Шафар. Geschichte, стр. 207.
37 Hanka de Hankenstein, стр. 55.
38 l. 1. Ungaria a caeteris Slavis nec habitu nec lingua discrepat.

ря такимъ же языкомъ, какъ и нынѣ, очень много сохранили въ немъ Славянскаго. Достойны замѣчанія и языкъ и народъ Мадьярскій. Съ давнихъ временъ имѣя сношенія съ Славянами, онъ не только любилъ говорить на ихъ языкѣ, но и на языкѣ другихъ своихъ сосѣдей, особенно Хазаровъ. Онъ не забывалъ этого обычая, но еще болѣе въ немъ утверился, когда перешелъ съ Кавказскихъ горъ за Карпаты. Это было причиною, что бо́льшимъ разнообразіемъ отличился языкъ, на которомъ онъ говорилъ, нежели гражданскія постановленія, на которыхъ зиждилось его государство. Коренныхъ словъ въ его языкѣ считается четыре тысячи шесть сотъ шестдесятъ восемъ; изъ нихъ тысяча восемъ сотъ девяносто восемъ Славянскихъ; девять сотъ шестдесять два Мадьярскихъ, прочія чужеземныя: Европейскія, Греческія, Латинскія, Нѣмецкія и Итальянскія. Наименѣе въ немъ словъ Французскихъ и только четыре Еврейскихъ [39]. По сю сторону Карпатъ наиболѣе развились нарѣчія Русское и Чешское. Ихъ можно отличать по разнымъ памятникамъ ихъ словесности. Русскій языкъ, образуясь по языку Церковному, замѣнялъ древле-Славянскія слова новыми, о чемъ ясно говоритъ Іоаннъ, составитель сборника, во второй половинѣ XI вѣка. Отсюда произошло различіе выраженій въ Церковныхъ Русскихъ книгахъ. Когда въ XV вѣкѣ, въ княженіе Іоанна Васильевича, хотѣли исправить книги, то въ Русской Церкви возникъ расколъ. Впрочемъ, ни Варяги (изъ языка которыхъ сохранилось въ Русскомъ нарѣчіи едва нѣсколько словъ, какъ то: Тіунъ, Вирникъ) [40], ни Татары не произвели на него сильнаго вліянія; но Поляки, побратимцы Малороссіянъ, по причинѣ давнихъ съ ними сношеній, произвели то, что Малороссійское нарѣчіе много заняло отъ Польскаго [41].

Хотя Нѣмцы имѣли сильное вліяніе на Чеховъ (уже Забой въ Краледворской рукописи жалуется, что чужеземецъ, вторгнувшись въ Чешскія владѣнія, даетъ имъ приказанія на чуждомъ языкѣ), однако жь Чешскій языкъ немного потерпѣлъ отъ нихъ, пока Чехи сами не стали онѣмечиваться.

Первые слѣды этого языка видны въ древнихъ памятникахъ X и XI вѣковъ. Кромѣ памятниковъ, уже приведенныхъ мною въ семъ сочиненіи, заслуживаетъ вниманіе *Отче нашъ*, также слова, выбранныя изъ древнихъ грамотъ и лѣтописей въ исторіяхъ литературы Чешской гг. Дубровскаго и Юнгмана. Эти памятники писаны Латинскими буквами, а писанные Кирилловскими были истреблены, о чемъ уже упомянуто въ первоначальной исторіи Христіанской Церкви. Впрочемъ, той же участи подверглись и памятники Чешской словесности, писанные Латинскими буквами; выскабливали писанное по Чешски и на выскобленномъ пергаминѣ писали по-Латыни. Какъ въ новѣйшее время обогатили древнюю Греческую и Римскую словесность лохмотьями изодранныхъ рукописей; такъ теперь г. Ганка

39 Steph. Leschka Elenchus, Gregorii Dankowszky Magyaricae linguae Lexicon.

40 Ист. Лит. Рус. Греча

41 Тамъ же.

открываетъ въ переплетахъ старыхъ книгъ древніе памятники Чешской словесности. Вотъ какому забвенію обречены были эти драгоцѣнные памятники варварствомъ позднѣйшихъ просвѣщенныхъ вѣковъ! Тоже самое должно сказать о словесности и ея памятникахъ у Полабскихъ Славянъ. Въ XII вѣкѣ, въ Дѣвинѣ, переводили съ Славянскаго языка на Нѣмецкій, истребляя подлинникъ для сбереженія перевода [42]. Изо всей Полабской словесности до насъ дошла одна только рукопись, заключающая въ себѣ собраніе нѣкоторыхъ словъ (г. Кухарскій видѣлъ ее во время своего путешествія). Правда, мы имѣемъ еще народныя пѣсни тамошнихъ Славянъ [43], но Нѣмцы такъ исказили ихъ своимъ правописаніемъ, что трудно въ нихъ добраться до смысла, а тѣмъ болѣе отгадать по нимъ духъ языка.

ГЛАВА IV

ПОЛЬСКОЕ НАРѢЧІЕ ВЪ X—XIV ВѢКАХЪ.

Было Польское нарѣчіе, которымъ говорили на Лабѣ и которое существовало въ этѣхъ странахъ еще въ XV вѣкѣ, какъ замѣчаютъ Польскіе лѣтописцы [44]. Нѣтъ сомнѣнія, что въ древнія времена тамъ было въ употребленіи Польское нарѣчіе, потому что въ тѣхъ странахъ жили народы изъ поколѣнія Лехитовъ; а въ Рунической надписи [45], найденной тамъ, обнаруживается Польскій языкъ; кромѣ того, слова, разсѣянныя въ древнихъ хроникахъ X и слѣдующихъ вѣковъ, ясно доказываютъ, что въ то время уже существовало тамъ Польское нарѣчіе, что оно было самостоятельнымъ и различалось отъ Чешскаго и Русскаго, какъ въ правописаніи, такъ въ произношеніи и даже въ выраженіи. Безъ сомнѣнія, оно не возникло здѣсь въ новѣйшія времена но существовало, вмѣстѣ съ народомъ, въ древнѣйшія предъ-историческія времена, потому что оно уже гораздо прежде составляло отдѣльный отъ Чешскаго и Русскаго языкъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ памятники древняго Чешскаго языка, сохранившіеся въ отрывкахъ Евангелія Св. Іоанна, въ Судѣ Любуши и, наконецъ, въ остаткахъ Чешскаго языка [46]. Сравнивши съ ними, также съ Русской Правдой и Несторомъ, памятники тогдашняго Польскаго языка, мы можемъ вывести заключеніе, подобное предыдущему. Но гдѣ же искать этихъ памятниковъ? Гдѣ же доказательства для подтвержденія нашего мнѣнія, если Поляки не имѣютъ полныхъ, обширныхъ памятниковъ древнѣе XIII и XIV вѣковъ? Этихъ доказательствъ надобно искать въ лѣтописяхъ, также въ древнихъ государственныхъ

42 Časopis, VI. 3 стр. 351, 352.

43 Beytraege и т. д. I. стр. 140, 141.

44 Длугошъ, I. стр. 66. Nec alia lingua nisi polonica seu slavonica licet corrupta et in pluribus mutata.

45 На Бамбергскомъ истуканѣ, о которомъ говорено было выше, въ примѣчаніи.

46 Заключаются въ исторіи Чешской литературы Юнгманна, также въ предисловіи къ первой части древне-Чешской поэзіи (Starobylá skladanie), изд. Ганкой.

актахъ, слѣдуя по пути, проложенному г. Шафарикомъ [47], въ исчисленіи словъ Полабскихъ Славянъ, употреблявшихъ Польское нарѣчіе. Дополняя его изслѣдованіе въ этомъ отношеніи, замѣтимъ, что источникъ, изъ котораго онъ черпалъ, довольно чистъ, и что надобно только умѣть имъ воспользоваться; тогда мы можемъ получить понятіе о первобытномъ языкѣ Польскихъ предковъ. Правда, тѣ, которые намъ оставили сіи памятники, будучи чужеземцами, часто неправильно писали Польскія слова; притомъ они, по большей части, не знали Славянскаго языка; изображая же слова его Латинскими буквами, не умѣли ясно передать ни силы, ни звуковъ Польскаго языка. Однако, трудно допустить, чтобы всѣ слова, приведенныя Польскими лѣтописцами, худо были написаны. Эта догадка подтверждается даже самимъ Дитмаромъ, изъ лѣтописи котораго видно, что онъ нѣсколько знакомъ былъ съ Славянскимъ языкомъ [48]. Такъ какъ правописаніе этихъ словъ несогласно съ правописаніемъ тогдашнихъ Нѣмецкихъ нарѣчій (въ чемъ убѣждаетъ насъ грамматика оныхъ, изданная Я. Гриммомъ), то я думаю, не безъ основанія, что лѣтописцы, употребляя сіи слова, писали букву за буквою; какъ обыкновенно теперь это дѣлаютъ иностранцы, основательно понимающіе дѣло. Изъ этого можно заключить, что Польскія слова, которыя употреблены лѣтописцами и различаются въ правописаніи, произношеніи и выраженіи отъ современныхъ имъ Чешскихъ и Польскихъ, доказываютъ самостоятельность Польскаго нарѣчія уже въ X и XI вѣкахъ. Для краткости я не указываю на тѣ мѣста, гдѣ лѣтописцы употребили то или другое слово; ихъ можно видѣть изъ указателей на лѣтописи Дитмара и Галла, изданныя Вагнеромъ и Бандтке.

Древне-Славянское *cz* (ч) Поляки, какъ и теперь, писали уже въ X и XI вѣкахъ; напротивъ того Чехи, о чемъ свидѣтельствуютъ отрывки изъ Евангелія Св. Іоанна и любовной пѣсни [49] подъ Вышеградомъ, сперва выражали это ч буквами *ch*, а уже гораздо позже нынѣшнимъ способомъ. На Болгарскомъ истуканѣ написано *Czarny Bug* [50], Дитмаръ писалъ *czizani*, *Czocini*, *Zarnowiecz*, но Вацерадъ [51], также Галлъ, въ словахъ *Spiczimir*, *Gdech*, *Kamencez*, писали то *ch*, то *cz*. Сказанное нами выше [52], можетъ служить доказательствомъ тому, что вмѣсто *ś*, *ź*, *ż* Поляки писали *sz*, также и тамъ, гдѣ *s* надобно было произносить остро или двойственно; между тѣмъ какъ Чехи еще въ XI вѣкѣ не знали этого правописанія, и послѣ уже Польское *sz* выражали буквами ss. Основываясь на томъ, что иностранцы Славянское *z* выражали въ IX и XI вѣкахъ Латинскимъ *s*, Поляки тоже послѣдовали имъ въ этомъ и стали писать *z* вмѣсто *s* въ словахъ *misl*, *slaw*. Отсюду произошло неправильное правописаніе словъ: *Zwatozlawus*, *Bolezlawus*, вмѣсто *Swatoslawus*, *Boleslawus*. До-

---

47 Шафар. Древн. I. стр. 925—929.

48 Шафар. Древн. I. стр. 867—870.

49 Starobylá skládanie. I. стр. XVI.

50 См. перев. Шафар. въ *Časop*. XI. стр. 46.

51 Въ словѣ *chuprini*, чуприна.

52 У Дитмара въ назв. Buszin, Gaszwa, Ruszia, Ruszi.

вольно странно, что Поляки вмѣсто *sz* стали послѣ употреблять Чешское *ss* [53]. Древніе Чехи не знали согласной *rz* [54], и только въ XII стол. [55] приняли ее отъ Поляковъ. Послѣ согласной *k* Поляки писали *i* также, какъ и теперь, [56], но Чехи еще въ XI вѣкѣ писали уже *y* (ы) вмѣстѣ *i*, какъ доказываетъ Юнгманнъ (стр. 5—27); также Судъ Любуши. Съ нынѣшнимъ правописаніемъ буквы *y* Дитмаръ частію соглашается, а частію ему противурѣчитъ, употребляя тамъ *i*, гдѣ теперь Поляки пишутъ *y* [57]. Тоже самое встрѣчаемъ и у Галла [58]. Изъ правописанія Дитмара и Галла невидно, гдѣ именно они употребляли *i*, *j*, *y*; у Чеховъ [59] *ie* вмѣсто *e* явилось гораздо позже, а въ Польшѣ оно или выражалось, или предразумѣвалось уже во времена Дитмара [60] и Галла, что доказываютъ названія Nakiel, Kozle, хотя Дитмаръ и Галлъ (какъ сейчасъ скажемъ о томъ) писали только *e* тамъ, гдѣ, по правиламъ тогдашняго произношенія, должны бы были поставить *ie*, и гдѣ Чехи писали j.

Также находится большое различіе между нарѣчіями Чешскимъ и Польскимъ въ произношеніи согласныхъ, гласныхъ и двугласныхъ. Прежде, какъ показываютъ отрывки изъ Евангелія Св. Іоанна, и Чехи, и Поляки употребляли g; потомъ первые (что̀ видно изъ Суда Любуши) стали употреблять *h* вмѣсто *g*, но послѣдніе удержали прежнее произношеніе. Замѣчательно, что ни Дитмаръ, ни Галлъ, не приводятъ ни одного названія, начинающагося буквою h, и что названіе древняго города Гнѣзна оба пишутъ чрезъ g (Gnesnensis, Gnesin, Gnezna), а другой ясно говоритъ, что названіе этого города происходитъ отъ *гнѣзда* (gniazda). Впрочемъ, судя по пѣсни, извѣстной подъ названіемъ Суда Любуши, Чехи, уже въ XI вѣкѣ иначе писали это слово [61], хотя въ произношеніи его и подобныхъ ему словъ и приближались [62] къ Полякамъ, смягчая выговоръ буквой *i*. Основываясь на томъ, что я сказалъ выше о различіи Чешскаго и Польскаго *e*, *ie*, не сомнѣваюсь также, что и въ тѣхъ словахъ Поляки выговаривали *e* мягко, гдѣ, по правописанію Галла, надобно было бы допустить твердое произношеніе [63]. По крайней мѣрѣ въ словахъ *Kamenecz*, *Meczslavus* можно допустить мягкое произношеніе; тоже можно сказать и о другихъ, подобнаго рода, словахъ. Дитмаръ говоритъ *Kamin* (Caminizi), а не *Kamen*, какъ въ Судѣ Любуши [64] и у Галла, въ названіи же Мечислава прибавляетъ *i*, называя Польскаго князя *Miseco*;

---

53 Палацкій, Časop. X. стр. 337.

54 У Дитмара и Галла, въ словахъ: *Morzini*, *Drzu*.

55 Ист. Юнгм. стр. 5, также предисл. къ Starobylá skládanie I. стр. XII.

56 У Дитмара *Wallibiki*, — *wali byki*.

57 Названія селеній и лицъ: *Brisnici*, *Zyroslaus*, *Vui*.

58 Въ именахъ лицъ *Woyslavus*, также въ назв. замковъ и рѣкъ: *Wysegrad*, *Bytom*, *Wysle*.

59 Юнгманнъ, стр. 23.

60 Въ назван. *Diedisi*, *Milzienti*, *Liesca*, *Odilien*.

61 Gore ptencem, k nimze zmija wnori, въ Судѣ Любуши.

62 У Дитмара *Belegori*, *Beleknegini*, гдѣ Нѣмецъ по ошибкѣ написалъ *e* вм. *ie*; въ Судѣ Любуши — ot Liubice biele.

63 *Gnewomir*, *Kamenez*, *Meczslavus*, *Medzyrzecz*, *Velun*.

64 Ot Kamena mosta.

напротивъ того, и въ древле-Славянскомъ языкѣ (какъ видно изъ словаря г. Копитара и изъ Суда Любуши) слово *mecz* выговаривалось твердо, *mecz* (мечъ). Если же Дитмаръ пишетъ *gniew*, вмѣсто *gnew* (въ словѣ *Stoignew*), то этого нельзя почитать ошибкой противъ правописанія, но скорѣе вольностью въ правописаніи, которое позволяло писать *i* предъ *e*, или опускать его, тѣмъ болѣе, что въ разговорѣ всегда смягчалось *e*. Иначе трудно было бы понять, зачѣмъ Дитмаръ здѣсь написалъ *e* твердое, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ онъ же употребилъ *ie* мягкое [65]. Поляки также мягко произносили гласную *o*, какъ и теперь произносятъ, потому что въ Рунической надписи на истуканѣ, и у Галла, поставлено *bug* вмѣсто Чешскаго [66] *bog*, *boh*, по прежнему и новѣйшему ихъ правописанію. Даже, относящееся къ отдаленнымъ временамъ, древнее названіе Поляковъ *Bulane* [67] вмѣсто *Pulanie*, *Pulane*, и у Дитмара *Selpuli*, показываютъ, что слово *pole* (поле) произносилось съ мягкимъ *o* или *u*; напротивъ того Чехи [68] уже въ XI вѣкѣ произносили *o* вмѣсто *u* (у). Чехи перестали употреблять носовыя гласныя въ XI вѣкѣ. Правда, въ отрывкахъ изъ Евангелія Св. Іоанна написано ę, но тамъже ą выражено двоегласной *au*, какъ въ Судѣ Любуши и въ отрывкахъ изъ государственныхъ актовъ XI в., гдѣ древне-Славянское и Польское слово *святой* (święty) выражено по Чешски *swaty*. Такъ и въ древней пѣсни (въ Судѣ Любуши) написано *swau wodu*, *swate*, вмѣсто swą wodą, święte; между тѣмъ въ Фульденской лѣтописи подъ 872 г., у Дитмара, Галла и въ позднѣйшей лѣтописи [69] написано *Zwentislaw*, *Suentepulk*, *Wonclawa*, *Swantobor*, *Swantopole*, *Swantopethre*, *Szwantopethre*; это ясно показываетъ, что Полабскіе Славяне и Поляки произносили ą, ę также, какъ и теперь [70].

Въ лѣтописи Галла находятся слова, свойственныя только Польскому языку. Въ наименованіи Польскаго князя, Земовита (Ziemowit), которое онъ приводитъ, замѣтно слово *mówić* (говорить), на что обратилъ уже вниманіе Богухвалъ [71]. Это слово — Польское, потому что Чехи (въ Судѣ Любуши) и прочіе Славяне употребляли *говорить* (howoriti). Слово *mluviti* Чехи въ послѣдствіи заняли у Поляковъ. Тоже самое должно сказать о словахъ *bróg*, *ceber*, *łowia* [72], *śledź* [73], *ciosna* (пограничный знакъ), *czarnina*, *przewłoka* [74]. Прочее покажетъ намъ

---

65 О чемъ было выше, и въ *Riedegost*.

66 Въ отрывкахъ изъ Евангелія Св. Іоанна и въ Судѣ Любуши.

67 Шафар. Древн. I. стр. 173.

68 Если только пѣснь *Oldrich* въ Краледворской рукописи, гдѣ есть выраженіе *Поляны*, точно древняго происхожденія, какъ утверждаетъ Палацкій въ Gesch. I S. 259.

69 Vita S. Stanis. I. стр. 335—336.

70 Шафар. Древн. I. стр. 870—927.

71 Sommersbeg, II. стр. 19—37. Semovit, dicitur jam loquens Однако жь г. Шафар. въ Древн. (I. стр. 732.) утверждаетъ, что это названіе состоитъ изъ древле-Славянск. *vit* (побѣдитель) и неизвѣстнаго теперь слова *Semi*.

72 У монаха Брунвильскаго; см Лейбница Script. rer. Brunsw. I. стр. 320. Лѣтоп. Угор. и Чешск. стр. 104.

73 *Szlesz* у Богухвала, мнѣ кажется потому, что около *Шлезвига*, у Галла *Seleucia*, ловили этого рода рыбу, какъ свидѣтельствуетъ Гельмольдъ, II. 12.

74 1250 г. у Щигельскаго стр. 413.

будущій изыскатель Славянскихъ языковъ, когда исторически объяснитъ постепенное образованіе Польскаго языка и отношенія его къ языку Нѣмецкому, изъ котораго перешло много словъ въ Славянскій, и наоборотъ, изъ Славянскаго въ Нѣмецкій. Такъ, на прим., *die List*, есть Нѣмецкое [75], а Готское слово *chlaibs* (хлѣбъ) взято у Славянъ. Будущій изыскатель Польскаго языка объяснитъ также, какъ разсматривали его уже въ древнѣйшія времена. Одинъ ученый въ старинной лѣтописи [76], разсуждая о словѣ *Станиславъ*, говоритъ, что оно означаетъ человѣка (состоящаго) въ славѣ, стремящагося къ славѣ, и котораго хвала основывается только на славѣ. Ученые, разсматривая Польскій языкъ, обратятъ вниманіе на связь его съ Малороссійскимъ нарѣчіемъ и покажутъ его отношенія къ Чешскому языку [77].

Съ Польскимъ языкомъ, особенно правописаніемъ его въ XIII и XIV в., знакомитъ насъ псалтирь Маргариты, произведеніе разныхъ временъ, относящееся частью къ XIII, а частью къ первой половинѣ XIV в. Потомъ заслуживаютъ вниманіе памятники Польскаго языка 1386 и слѣдующихъ годовъ, найденные въ Сѣрадскомъ архивѣ; также два отрывка 1388—1396 годовъ, которые г. Голембёвскій когда-то выписалъ изъ рукописей Варшавской библіотеки; наконецъ, заповѣди изъ рукописи [78] 1399 г., сообщенныя г. Хлендовскимъ г. Кеппену для изданія. Съ особеннымъ вниманіемъ разбиралъ я два первые памятника, т. е., псалтырь Маргариты и памятники Польскаго языка, найденныя въ Сѣрадскомъ архивѣ, также разсматривалъ правописаніе Польскаго языка XIII и XIV в. Въ этихъ памятникахъ особенно замѣчательно правописаніе. Вникнувши въ него, можно убѣдиться, что въ то время употребляли *c* вмѣсто *k*, и писали *c* твердое и мягкое [79]; твердое *c* смягчали двойной буквой *cz*, впрочемъ, не всегда, ибо часто передъ гласными *i*, *y* не употреблялось такое смягченіе, а писали какъ и теперь *s*, *c*, на прим.: [80] *bolesci*, *obrocy*, *swatlosci*, *syly*, вмѣсто *boleści*, *obróci*, *światłości*, *siły*. — Такъ какъ въ то время не знали смягчительныхъ знаковъ, то и должны были *c* смягчать согласною *cz*, и потому Польскій языкъ, съ перваго взгляда, кажется шероховатымъ, между тѣмъ какъ причиною этому тогдашнее странное правописаніе. Именно, въ неокончательномъ наклоненіи, также въ словахъ, имѣющихъ гласныя передъ *c* и послѣ *c*, употребляли такое шероховатое правописаніе; на прим., писали [81]: *przebiwacz*, *serczu*,

---

75 Отсюда, по лѣтописямъ, произошло названіе Польск. *Лешковъ* или *Лестковъ*; ибо слово *хитрый* въ древне-Славянскомъ языкѣ, какъ утверждаетъ Добровскій (Cyrill. und Meth. стр. 129, изъ прим. къ Остр. Еванг.), означало человѣка пронырливаго и оборотливаго.

76 Vita S. Stan. стр. 326.

77 Дитмаръ названіе *Болеславъ* переводитъ *maior laus*, въ чемъ явно замѣтно Славянское *болій* (Рус. *большой*) и *слава*; напротивъ, позднѣйшій лѣтописецъ (vita S. Stan. стр. 376) ошибочно произвелъ это слово отъ *боли* и *славы*. Только послѣ Кадлубка лѣтописцы стали писать *Bolezlavus* вм. *Bolislavus* (Starze pieniądze w Trzebuniu, стр. 60, соч. Лелевеля).

78 Собр. Славян. памятн. стр. 92.

79 *Owce*, *cedri* въ Псал. Марг. стр. 41, 47.

80 Псалт. М. стр. 27, 30, 43, 51.

81 Псалт. М. стр. 3, 35, 39.

czeleza, *potocz*, вмѣсто *przebiwać*, *serci*, *cielca*, *potoc*. Привыкнувши къ такому правописанію, ему ошибочно слѣдовали даже въ словахъ, не требующихъ смягченія, и писали [82]: *wisocze*, *ulicz*, *czali*, вмѣсто *wysoce*, *ulic*, *cały*; или смягчали такимъ образомъ *c* предъ согласными и писали [83]: *weczmach*, вмѣсто *wećmach*; или, наконецъ, ставя *s* передъ гласною, которой предшествовало *cz* [84], означая тѣмъ, что должно произносить *c*, а не *ć*. Слѣдовательно, г. Копитаръ [85] ошибается, утверждая, что Поляки въ то время вмѣсто *c* употребляли *cz*. Мы уже показали, что они употребляли такое правописаніе только для смягченія *c*. Въ послѣдствіи оставили эту шероховатость, и потому-то въ прочихъ мѣстахъ псалтири Маргариты, также въ позднѣйшихъ памятникахъ, замѣтны слѣды гладчайшаго правописанія [86].

Согласную *s* [87] употребляли вм. *z* и, на оборотъ, *z* вм. *s*. Обѣ [88] этѣ согласныя, будучи соединены и написаны разъ какъ *ss*, а разъ какъ *sz*, были мягкія, если находились передъ гласною, и твердыя, если находились послѣ гласной. Какъ *cz* дѣлалось мягкимъ, если находилось передъ гласною или послѣ оной, такъ и *sz* было мягкимъ, если находилось передъ гласною или послѣ оной; такимъ образомъ писали [89]: *sziano*, *syano*, *siano*, *prosby*, *naszy*. Также точно ошибочно употребляя *cz* вмѣсто *c* въ концѣ словъ безъ смягченія, *z* вмѣсто *sz* въ концѣ словъ, произносимыхъ твердо [90].

Хотя правописаніе согласныхъ, нѣкоторымъ образомъ, было приведено въ порядокъ, однакожъ часто ошибались, слѣдуя въ этомъ словопроизношенію или правописанію иностранныхъ языковъ, а именно Латинскаго и Нѣмецкаго. Такъ писали: [91] *bødz*, вмѣсто *bącz*, (нынѣшнее *bać*) *lichfa*, *lichwa*, *lichwgeszczy* вмѣсто *ieździcy*, *lut* вм. *lud*, *czloweg*, вм. *czlowick*, *kxęgach* вм. *księgach*, *poclon*, *rozquiraieczy*, *loos*, *pokuschene*, вм. *pokłon*, *roskwierający*, *los*, *pokuszenie*; послѣ буквы *t*, особенно на концѣ слова, ставили *h* и писали: *newinowath* вм. *niewinowat*; также безъ надобности удвояли согласныя и писали: *opprawił* и т. д. Въ Псалтири Маргариты разъ только поставлено *ł* (на стр. 8) въ словѣ *pokusił*; впрочемъ, между *l* и *ł* не было никакого различія въ правописаніи, хотя въ произношеніи оно и наблюдалось, такъ точно какъ теперь у Русскихъ. Даже, согласно съ нынѣшнимъ обыкновеніемъ, *ł* произносили какъ *w*.[92].

Въ правописаніи гласныхъ особенно замѣчательно то, что теперь постоянно начали употреблять *o* вм. *u*, пиша *bóg*, а не *bug*. Что касается до прочихъ гласныхъ, то надобно замѣтить, что всѣ онѣ, и простыя, и носовыя, смягчались въ произношеніи прибавленіемъ бу-

---

82 Пс. М. стр. 9, 17, 54.
83 Пс. М. стр. 48.
84 *Czso*, вм. *co*, въ Пс. М. стр. 4, 6, и въ Памятн. Польск. языка.
85 Въ прим. къ Пс. М. стр. 12.
86 *Krzescanska*, *krzyscyanska* Пс. М. стр. 72.
87 *Sakon*, *wozk*, Пс. М. стр. 36, 37.
88 *Szemye* вм. *ziemie*, *wesza*, *boszi*, *mфszem*, вм. *wieda*, *boży*, *mężem*, Пс. М. стр. 59, 1, 7, 9.
89 *Prośby*, *nasi*, Пс. М. стр. 40, 59, 62. 10, 11.

90 *Taco gim bog pomoz*, въ Памяти. Польск. языка 1386. г.
91 Пс. М. стр. 5, 7, 11, 12, 15, 30, 40, 67, 71, 84, 91, также памятникъ Польск. языка. 1386 г.
92 Пс. М. стр. 23. *wyszedw*, вм. *wyszedł*.

квы *i* передъ *a* и *e*, и то не всегда. Такимъ образомъ писали: *pacz*[93] и *piacz*, *wek*[94], *wyck*, *penc*, *pyene*[95]. Даже смягчали *e*, предшествуемое поднебною согласною *l*, что теперь уже не употребляется: *alie* вм. *ale*[96]. Носовыя сласныя ą, ę, выражались однимъ знакомъ *ф*. Хотя Псалтирь Маргариты сначала постоянно наблюдаетъ такое правописаніе, однако жь далѣе отступаетъ отъ онаго и изображаетъ упомянутыя гласныя буквы согласными, придавая имъ одинаковое произношеніе, т. е., носовыя гласныя ą, ę. выражая буквами *on*[97]. Въ началѣ XV в., по свидѣтельству Памятниковъ Польскаго языка, буквы, ą, ę, съ черточкою внизу (*a/*) означали ą, ę. Нельзя допустить, чтобы ą, ę, уже во времена древнѣйшія, имѣя отдѣльное, свойственное только имъ, произношеніе, потеряли его послѣ. Даже самая Псалтирь Маргариты очевидно показываетъ, что въ то время, когда вообще писали *an*, то ę и ą прозносили различно, отличая первое отъ втораго звукомъ *e*, что также доказываютъ и Памятники Польскаго языка 1417 года[98].

Труднѣе всего опредѣлить правописаніе гласныхъ *i*, *y*, равно какъ и такъ называемой нынѣ нами согласной *j*. Памятники языка Польскаго 1386 г. показываютъ намъ, что *j* составляло часть гласной *y* и соединялось съ *i*, а соединенное съ гласной *i* образовало *y*; въ такомъ видѣ оно нерѣдко замѣняло *i*, а для лучшаго опредѣленія того иногда удвоялось, т. е., что оно означаетъ *j*, а не *i*, или *y*. Отсюда понятно, почему въ Псалтыри Маргариты[99] стоитъ *y* вм. *ij*, употребленнаго въ Памятникахъ Польскаго языка 1386 и слѣдующихъ лѣтъ, почему въ этой Псалтыри стоитъ[100] *nye* вм. *nie*, *zabya* вм. *zabyja*, *neprziaczoli*, *neprziiaccle*, вм. *nieprzyjacioly*, *nieprzyjaciele*; напослѣдокъ, почему въ этомъ памятникѣ[101] и Памятникахъ языка Польскаго 1386 г. и др. пишутъ *y* вм. *i*, т. е., употребляя эту гласную вм. союза, начинаютъ и оканчиваютъ ею выраженіе. Зная все это, легко отгадаемъ также, почему упомянутые памятники одно и тоже выраженіе изображаютъ[102] *i*, *y*, *j*, или *g*, замѣняющимъ иногда одну изъ этѣхъ гласныхъ. Отсюда понятно, что *j*, будучи частью гласной *y*, вовсе не есть согласная, какъ вообще утверждаютъ нынѣ, но напротивъ гласная.

Теперь разсмотримъ части рѣчи и особенно покажемъ, въ чемъ онѣ сходны съ нынѣшнимъ употребленіемъ языка, и въ чемъ отъ него отступаютъ.

Существительныя мужескаго и средняго рода склоняются одинакимъ образомъ. Особенное вниманіе заслуживаютъ падежи: дательный, винительный, творительный

93 *Śpiewać*, Пс. М. стр. 4, 51.
94 *Wiek*, Пс. М. стр. 11, 54.
95 *Pienie*, Пс. М. стр. 55, 56.
96 Памятн. Польск. языка 1386 г.
97 *Mansz*, *Swanty*, вм. *mąż*, *swięty*, Пс. М. стр. 79, 72.
98 Пс. М. стр. 72. написано: *smeszayancz* вм. *zmieszając*, а въ Памятн. Польск. языка, 1417 г. *pienandzy*, *pyenyandze*, *pijenandzmi*.

99 Пс. Мар. стр. 23. пишетъ *wysszedw*, Памятникъ 1387 г. *wijssedl*.
100 Пс. Мар. стр. 59, 1, 3, 4.
101 Памятн. яз. Польскаго 1386 г.: *y obesil*, *ycy*, вм. *i obwiesil*, *icy*.
102 Пс. Мар. стр. 13, 15, 16, 18, 29, 41: *nemilosciwi* и *nemilosciwy*, *sini* и *syni*, *neprawy* и *prawi*, *prawdy* и *prawdi*, *moya*, *wyimi*, *twoje*, *weky* и *weki*, *byczowani* и *biczowan*.

и предложный числа единственнаго, также именит. и родит. множ. ч. Дательный падежъ оканчивается[103] на *u* или на*owi*, какъ то: *duchu*, *gospodnu* (отъ *gospodzin*, *pan*) *bogu*, *ludu*, *duchowi*, *bogowi*. Винительный падежъ не измѣняется[104] даже въ существительныхъ одушевленныхъ. Будучи поставленъ съ управляемымъ предлогомъ, онъ иногда измѣняется, а иногда не измѣняется. Во множ. ч. онъ также склоняется, какъ и теперь[105]. Творит. под. оканчивается[106] на *em.*, во множ. ч. на *mi*; предложный[107] на e или *u*, во множ. ч. на *jach*. Именит. пад.[108] множ. числа всегда окан. на *owie* въ именахъ существительныхъ рода мужеск. или сред. одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Родит.[109] падежъ оканчивается на *ych*.

Родит. под. един. ч. существительныхъ женскаго рода[110] оканчивается на *sci* или *i*. Винительный падежъ[111] не измѣняется.

Двойственное число[112] встрѣчается часто.

Личное мѣстоименіе[113] въ творительномъ падежѣ множ. числа имѣетъ *nay* вмѣсто *nami*. Особенно замѣчательна большая неисправность языка въ склоненіи существительныхъ, также въ измѣненіи прилагательныхъ[114] по родамъ и степенямъ. Встрѣчаются также и областныя выраженія. Въ Псалтири Маргариты вездѣ писано *pan*, хотя также встрѣчается (на 78 стр.) выраженіе *poncy*, или *pani*, какъ говорятъ теперь; это слово явно показываетъ, что тогда въ Польшѣ произносили его также, какъ теперь произносятъ поселяне, т. е., вмѣсто *pan* говорятъ *pan*.

Въ глаголахъ замѣчательно повелительное наклоненіе[115], оканчивающееся на гласную. Двойственное число[116] играетъ здѣсь главную роль и употребляется гораздо чаще, нежели въ существительныхъ и прилагательныхъ. Причастія[117], такъ какъ и теперь, выражаются кратко, безъ гласной буквы на концѣ; способъ же выраженія въ глаголахъ очень близокъ къ Славянскимъ нарѣчіямъ. Я опускаю древле-Славянское употребленіе вспомогательнаго глагола[118], которое г. Борковскій[119] почитаетъ Нѣмецкимъ, но прошу замѣтить[120] выраженіе *ne iest*, вм. *nie masz*.

---

103 Пс. М. стр. 2, 7. 8, 15, 27.

104 Пс. М. стр. 16: *poleczam duch moy*; стр. 81: *Bo yakob wybral sobe pon*; Памяти. Польск. 1386 г. языка: *Zalowal na Adama o wol.*

105 Пс. М. стр. 16: *w rocze twogi poleczam, swedzeni we pkel* (w pieklo), *jadl chleby moje.*

106 Пс. М. стр. 20, 23, 61: *Panem, ksedzem, dzedziczmi.*

107 Пс. М. стр. 1, 3, 5, 6, 13, 61: *w bodze* (w Bogu), *w coszczele*, *w panye*, *w przewinstwe moiem* (w przewinieniu mojém), *ku panu*, *za bogu*, *w bogoch* (w bojach).

108 Пс. Мар. стр. 27, 28, 22, 35, 40: *bogowe*, *wolowe*, *baranowe*, *skopowye*, *neprzyaczelowe*, *oczczowe*, *pagorcowe*, *ostrowowe.*

109 Пс. Мар. стр. 37: *chodzęcych.*

110 Пс. Мар. стр. 5, 7, 20, 40: *lecz* (zdrada) *lsey*, *gorzcosci*, *dzedzini*, *pichi*, *lichoti:*

111 Пс. Мар. стр. 8: *usta gich mwila pich.*

112 Пам. Польск. яз. 1386 г.: *dwa kopa.*

113 Пам. польск. языка 1417 г.: *przed nay*, *przed nami.*

114 Пс. М. стр. 13, 20, 10: *nauczy cyche drogam swim. Ani iesm widzal prawego odrzuczowna. Słotczey sza nad mod.*

115 Пс. М. стр. 3, 4: *Sodze* вм. *sądź*, *kazni* вм. *kaźń*, *wwedzy* вм. *wwiedź.*

116 Пс М. стр. 27, 47, 49, 50, 51: *jesta*, *czalowalesta*, *mdlesta*, *przeydzeta*, *zgineta.*

117 Пс. М. стр. 72: *Uczynon*, *stworzon*, *porodzon.*

118 *Ja iesm wolal* и т. д.

119 Въ предисл. къ псалт. Маргар. стр. XI.

120 Пс. М. стр. 17.

Дѣлая сіи замѣчанія, я имѣлъ въ виду показать только самостоятельность Польскаго языка, также представить въ главныхъ чертахъ отношенія нынѣшней рѣчи къ прежней; и потому предоставляю другимъ дальнѣйшія изысканія въ Польскомъ языкѣ и историческое объясненіе духа и силы его. Въ заключеніе скажу, что въ Польскомъ языкѣ нѣтъ постояннаго правописанія; и неудивительно, потому что Польскій языкъ, подобно прочимъ живымъ языкамъ, тоже развивается, образуется и измѣняется; слѣд., подвергаясь измѣненіямъ, онъ еще не конченъ и не можетъ имѣтъ постоянныхъ правилъ, особенно въ правописаніи, пока будетъ жить. Только за гробомъ есть вѣчная и постоянная жизнь; только языки мертвые восходятъ на степень совершенства; и если бы кто захотѣлъ болѣе развивать и образовывать его, то, по справедливости, заслужилъ бы названіе варвара. Такимъ образомъ Греческій и Римскій языки имѣютъ теперь постоянное правописаніе, котораго не имѣли при жизни, и, какъ свидѣтельствуютъ находимые теперь памятники Греческ. и Римск. языковъ, до самой смерти измѣнялись, къ худу или къ добру; но ни одинъ изъ живыхъ языковъ не имѣетъ постояннаго правописанія, хотя въ нихъ и болѣе положительности, нежели въ Славянскихъ, потому что Европейскіе ученые, слѣдуя историческо-философическимъ путемъ, глубоко ихъ обсудили. Они показали Славянамъ, какъ должно поступать къ достиженію цѣли. Такъ какъ каждый вѣкъ и каждый народъ имѣютъ свой духъ, и каждое созданіе, одаренное разумомъ, не можетъ обойтись безъ мысли, то очень естественно изслѣдовать, какимъ образомъ предки наши смотрѣли на отечественный языкъ, какое имѣли объ немъ понятіе, и какъ образовывали его постепенно. Вникнувши въ остатки Польскаго языка X и XII в., а потомъ внимательно разсмотрѣвши памятники XIV, которые частью принадлежатъ и къ XIII в., мы убѣждаемся, что Польскій языкъ почти въ каждомъ вѣкѣ значительно совершенствовался. Они ясно показываютъ, что уже въ XIV вѣкѣ Польское правописаніе находилось на нѣкоторой степени совершенства, но, имѣя правила, не придерживалось оныхъ. Подробно, совершенно и, по крайней мѣрѣ на сей разъ, вѣрно означить эти правила, подтвердить высказанное объ этомъ мнѣніе выводомъ, основаннымъ на исторіи, есть дѣло глубокого языкознанія. По всей справедливости мы должны ожидать этого отъ нынѣшнихъ изыскателей Польскаго языка. Но когда же они удовлетворятъ нашему желанію?

ГЛАВА V.

ПОЭЗІЯ И ЕЯ ПАМЯТНИКИ.

Пѣсни лучше всего выражаютъ чувства народа, яснѣе рисуютъ черты его характера, живѣе показываютъ его воображеніе и образъ мыслей. Пѣсни Славянскихъ народовъ набожно грустны и часто исполнены любовныхъ выраженій. Онѣ показываютъ намъ народъ, который, возносясь мыслью на небо, любилъ отрывистыя слова и выражалъ ими свое остроуміе, относя сатиры и къ себѣ, и

къ другимъ; такимъ образомъ онъ болѣе смѣшилъ и забавлялъ, нежели сердилъ.

Славянинъ высоко цѣнилъ свои пѣсни, говоря, что божество для того вдохновило ими сердца дѣвицъ и юношей, чтобы народный языкъ не потерялъ своей свѣжести, чтобы народъ, угнетенный несчастіемъ, не упалъ духомъ, чтобы юноши и старцы сохранили живость чувствъ, заботясь какъ о пѣсняхъ, такъ и о музыкѣ, ихъ неотступной спутницѣ [1]. Хотя и упадала письменность Славянскихъ народовъ, однако жъ поэзія снова пробуждала ее къ жизни, придавала новыя силы слабѣющему языку народа и вызывала изъ груди поэта то высокія, то простыя пѣсни, смотря по тому, былъ ли онъ вдохновеннымъ свыше, или только простымъ слагателемъ стиховъ, какъ выражались Чехи XII — XIV в. [2]. Онъ всегда пользовался высокимъ уваженіемъ не только у соотечественниковъ, но и у чуждыхъ народовъ, селившихся на Славянской землѣ, какъ любимецъ неба, которое вдохнуло ему вѣщія пѣсни. Атилла, этотъ бичъ Божій, посланный для наказанія Рима, грабившаго міръ, этотъ опустошитель роскошныхъ Закарпатскихъ странъ, оканчивалъ свои пиры, слушая пѣсни пѣвцевъ. [3] У Русскихъ язычниковъ [4] ни одна забава не обходилась безъ пѣнія и плясокъ, а во времена Христіанскія пѣсня и звуки гуслей [5] означали семейную радость. Также и у Чеховъ, безъ сомнѣнія во времена языческія, пѣлись пѣсни, которыя раздавались еще въ XII в, и потомъ въ XIII перенесены были на бумагу творцомъ Краледворской рукописи. Еще въ позднѣйшее время прославлялись храбрыя дѣянія Угорскихъ рыцарей, о которыхъ пѣли пѣсни въ селахъ [6], а во всѣхъ Славянскихъ земляхъ и теперь даже народъ поетъ древнія пѣсни, между тѣмъ какъ почти вся Европа забыла свои народныя пѣсни.

Въ народныхъ пѣсняхъ выражается печаль, которая столь свойственна Славянскимъ народамъ, потому что во все продолженіе ихъ жизни они испытали жестокость судьбы. Въ нихъ замѣтна тоска о чемъ-то лучшемъ, тревога сердца и стремленіе къ чему-то небесному; народъ вѣрилъ, что оно избавитъ его, и онъ гнался за нимъ, какъ за призракомъ, но напрасно. Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ есть отпечатокъ того нѣжнаго чувства, которое такъ сильно выражается даже въ самой простой пѣсни. Почти у всѣхъ народовъ и во всѣ времена согласились, что пѣсня, неимѣющая этого свойства, не Славянская; всѣ же Славянскіе народы убѣждены, что поэзія непремѣнно должна отличаться этимъ, если хочетъ быть истиннымъ выраженіемъ народности; иначе она недоступна будетъ для Славянскаго сердца и не можетъ нравиться. Славянинъ всегда изливалъ грустныя и нѣжныя чувства своего сердца, обращалъ ли

1 *Zpěwanky Kollara* I. стр. 59, 63, 64.

2 Вацерадъ, v. *vates*, *carmina*,—Bohemar. 69.

3 Priscus, у Визант. I. стр. 45.

4 Несторъ у Шлец. II. стр. 125.

5 Евангел. Остр. у Добровск. Cyrill und Meth. стр. 129.

6 Credite garrulis cantibus joculatorum et falsis fabulis rusticorum, qui fortia facta et bella Hungarorum usque in hodiernum diem oblivioni non tradunt. Notarius въ Schwandtn. I. pag. 27.

онъ свои пѣсни къ Высочайшему существу, воспѣвалъ ли богатырскіе подвиги или обряды, пѣлъ ли любовныя пѣсни, разсматривалъ ли человѣка, нравственно и сатирически (вотъ на сколько родовъ можно раздѣлить пѣсни Славянскаго народа въ этомъ періодѣ). Въ своихъ пѣсняхъ онъ приготовилъ богатый запасъ для будущихъ геніевъ, которымъ предстоитъ создать народную поэзію. Уже явились ихъ посланники. Уже за Карпатами, въ Россіи и въ Польшѣ, голосъ вдохновенныхъ поэтовъ превысилъ простыя сельскія пѣсни. И такъ есть надежда, что явятся художники, которые въ эпическихъ и драмматическихъ произведеніяхъ (ибо они первенствуютъ въ мірѣ поэзіи, не имѣющемъ ни начала, ни конца) въ народномъ духѣ настроютъ и священную арфу, и свѣтскую лиру, согласуя гармоническія пѣсни съ любомудріемъ, развитымъ также въ духѣ народности.

Я исчислю здѣсь по времени народныя пѣсни, раздѣляя ихъ на особенные роды:

1. *Набожныя пѣсни.*

Первые слѣды набожныхъ пѣсней мы находимъ въ Чехіи, которыя относятся къ самымъ языческимъ временамъ. Онѣ показываютъ, что и въ Польшѣ пѣлись подобныя же пѣсни. Пѣсню о Маранѣ (Marzana) [7], богинѣ смерти, дошедшую до насъ въ отрывкѣ, пѣли тоже въ Польшѣ во время Бѣльскаго, слѣд., въ XVI в. [8]. Въ Краледворской рукописи есть мѣста набожныхъ пѣсней [9] почти такого же содержанія, какъ знаменитая церковная Чешская пѣснь: [10] „*Hospodi, pomiluy ny!* Изъ позднѣйшихъ временъ заслуживаетъ вниманія пѣснь о Св. Вячеславѣ [11], хотя мы не знаемъ ни времени, когда она сочинена, ни ея первообраза: слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что она дошла до насъ совершенно въ другомъ видѣ. Въ собраніи древнихъ Чешскихъ стихотвореній [12] есть много набожныхъ и нравственныхъ пѣсней, также историческихъ духовныхъ разсказовъ или легендъ [13], которыя важны въ эстетическомъ отношеніи. Въ пѣсни подъ названіемъ: *Dewatero radostj Swaté Marie* замѣчательны выраженія: „Марія родила сына безъ всякаго страданія; какъ цвѣтокъ, издающій благоуханіе, ни мало не вредя себѣ." А въ пѣсни „*Plác Swaté Marie*" такъ сказано о Іисусѣ Христѣ: „Цвѣтокъ прекраснѣйшій, украшеніе всѣхъ цвѣтовъ."

Есть [14] важныя свидѣтельства о пѣсняхъ, сочиненныхъ въ Польшѣ въ честь Бога; но онѣ не дошли къ намъ. Сочинителемъ этѣхъ пѣсней былъ Янъ Лодзя, епископъ Познанскій, человѣкъ пріятный въ обществѣ, любившій веселіе и музыку, но преданный наслажденіямъ

7 Истр. Юнгм. стр. 27., безъ сомнѣнія не такимъ языкомъ, какимъ она была написана въ первый разъ.

8 *Śmierć wieje się po płotu*, и т. д.

9 Въ пѣсни *Ярославъ* стихъ: *Wstan o Hospodine w hněwě swojem!*

10 Находится и *въ Русской правдѣ*, изд. Раковецкимъ, II стр. 258.

11 *Swatý Wáclawe! wéwodo czeské zemie, Kněže nász!*, и у Бенеша *de Weitmil* въ S. R. B. II. стр. 396.

12 *Starobylá skládanie.*

13 Особенно замѣчательными показались мнѣ *десять заповѣдей*,—сочиненіе, важное для описанія нравовъ того вѣка.

14 Архид. Гнѣзн. у Соммерсб. II. стр. 81. Длуг. I. стр. 1078.

и провождавшій жизнь, неприличную духовной особѣ [15]. Онъ сочинилъ пѣснь на успеніе пр. Дѣвы, начинающуюся словами: *Salve salutis ianua*; другую на Крещеніе Господне, которая начинается такъ: *Lux clarescit in via*; третью пѣснь онъ сочинилъ въ честь св. Войтѣха; первое слово каждаго стиха начиналось буквой, взятой изъ имени и фамиліи поэта, такъ что все вмѣстѣ составляло: *Янъ Прелатъ Познанскій*; четвертую пѣснь онъ написалъ о Св. Петрѣ, которая начиналась такъ: *Tu es Petrus*; пятую составилъ о Св. Павлѣ. Лѣтописцы разсказываютъ, что этѣ пѣсни пѣлись въ Польской церкви [16]. Они разсказываютъ также, что за сочиненіе этѣхъ пѣсней Познанскій Соборъ, забывая грѣшную жизнь поэта, всегда съ благодарностію вспоминалъ имя Лодзи [17].

Теперь нѣтъ и слѣда пѣсней *бичевниковъ*, пѣтыхъ во время духовныхъ процессій два раза въ день. Потеряна также пѣснь о страданіяхъ Господнихъ, сочиненная Яномъ, игуменомъ Витовскимъ, неотступнымъ товарищемъ въ трудахъ Владислава Локетка; ее пѣли въ Польшѣ во время поста [18]. Самая псалтирь Маргариты не иное что, какъ длинныя набожныя пѣсни, отличающіяся силою и красотою языка, хотя въ нихъ и трудно замѣтить достоинства поэзіи, какъ въ сочиненіи, переведенномъ съ чужеземнаго языка. Иногда въ ней встрѣчаются довольно странные стихи, съ непріятно-звучащимъ окончаніемъ [19]. Впрочемъ замѣчательны въ этомъ сочиненіи нѣкоторыя слова, теперь уже забытыя, въ которыхъ виденъ отпечатокъ вдохновенія.

2. *Пѣсни историческія, героическія и обрядныя.*

До нашихъ временъ дошло только нѣсколько историческихъ пѣсней, относящихся къ этому періоду; впрочемъ, у насъ много есть героическихъ пѣсней, описывающихъ историческія происшествія. При описаніи источниковъ перваго тома исторіи Славянскаго права, я привелъ историческую пѣснь, называемую *Судомъ Любуши*, также отрывокъ изъ пѣсни о *правахъ челяди или роди*, находящагося въ состояніи нераздѣльнаго владѣнія подъ начальствомъ одного лица. Она помѣщена въ изданіи Краледворской рукописи. Г. Ганка далъ ей названіе *Сейма*, и отдѣлилъ ее отъ пѣсни, называемой *Судомъ Любуши*, хотя въ самой рукописи она и не раздѣлена; но какъ она имѣетъ связь съ этою пѣснею, то потому г. Сѣменьскій, въ Польскомъ переводѣ [20], не безъ основанія соединилъ обѣ пѣсни въ одну. Наконецъ, третью историческую пѣснь о приключеніи Штемберга, относящуюся къ концу XIV в., приводитъ г. Палацкій [21]. Четвертая подъ названіемъ:

15 Sed lubricum carnis ardenter agebat, bene litteratus et bene natus, qui etsi pro tempore solatiis et hilaritati operam daret, singulariter tamen Virgini Beatae devotis famulabatur obsequiis.

16 Quam Ecclesia Polonica post completionem Primae canere consuevit.

17 Magnum sui monimentum apud Ecclesiam Posnaniensem reliquit.

18 Лукашевича *Rys dziejów*, стр. 7.

19 *Ne iest kto bi uczinil dobrego, ne iest asz do iednego*, Пс. М. стр. 7.

20 Краледв. рукопись, *въ Судѣ Любуши.*

21 Časop. I. стр. 17.

Тристрамъ относится къ XIII в. и занимаетъ весь четвертый томъ древнихъ Чешскихъ стихотвореній (Starobylá skladánie).

На берегахъ Велтавы мы находимъ также древнія героическія пѣсни, которыя, по счастливому случаю, частью въ цѣлости, частью въ отрывкахъ, дошли до нашего времени. Равнодушіе позднѣйшихъ вѣковъ обрекло ихъ на истребленіе. До сихъ поръ мы находимъ остатки этѣхъ пѣсней на обрывкахъ старыхъ бумагъ, или на переплетахъ; нѣкоторые отрывки изъ оныхъ удалось спасти почтенному В. Ганкѣ [22]. Длугошъ разсказываетъ [23], что послѣ смерти Мечислава, нерадиваго Польскаго короля, Чехи, ворвавшись въ Гнѣздненскую церковь, начали въ ней плясать и пѣть свѣтскія пѣсни; другой, гораздо древнѣйшій лѣтописецъ [24], повѣствуетъ, что въ 1158 г. въ Прагѣ раздавались героическія пѣсни Г. Юнгманъ относитъ къ языческимъ временамъ героическія пѣсни, находящіяся въ Краледворской рукописи, подъ названіемъ: *Забой, Честмиръ*, и мнѣніе это вообще теперь почитается справедливымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ г. Палацкій [25], защищая эти стихотворенія отъ нападеній г. Добровскаго, доказалъ, что сочиненіе пѣсней: *Честмиръ* и *Забой*, собственно, относится къ языческимъ временамъ, а пѣснь *Олдрихъ* и *Яроміръ* къ XI в. Мнѣ кажется, этѣ пѣсни имѣютъ одну участь съ пѣснею о *полку Игоревѣ* о чемъ подробнѣе ниже. Наконецъ, Палацкій думаетъ, что пѣснь, приписанная королю Вацлаву, перседена съ Нѣмецкаго. Въ подлинности другихъ пѣсней, заключающихся въ этой рукописи, онъ не сомнѣвается, но упоминая о каждой особенно, этотъ ученый вовсе пропустилъ пѣснь подъ Вышеградомъ и, какъ видно, подозрѣваетъ подлинность оной, что несправедливо. Этѣ пѣсни имѣютъ чрезвычайное достоинство и въ эстетическомъ отношеніи. Особенно замѣчательны описанія, а именно въ пѣсни *Ярославъ*, на пр.:

Krutý žel tu teskné srdce rwáše,	Тяжкая горесть терзала смутное сердце,
Trapná žižň utrobu kruto smáhše,	Мучительная жажда сушила внутренности,
Sprahlým hrdlem lzali rosnú trávu.	И засохшій языкъ пилъ росу изъ травы.
Далѣе, въ томъ же мѣстѣ:	
Wznide chřest i drnket ostrých mečew,	Раздался трескъ и стукъ острыхъ мечей,
Wznide siket kalený'ch střel strašný,	Поднялась страшная туча каленыхъ стрѣлъ,
Lom oščepów, rachet kopí bystrých.	Ломаются пики, трещатъ быстрыя копья,
I by klánie, i by porúbánie,	И была битва, и была сѣча;

22 Časop. III. 3. стр. 56 и слѣд.
23 I. стр. 196.
24 Ист. Юнгм. стр. 17.

25 Wiener Jahrbücher, XLVIII. стр. 138—169, а теперь въ Gesch. von Böhm. стр. I. 158—259.

I by lkánie, i by radowánie;
Krew sě walé jak bystriny dščewy,
Mrch tu lžeěše jak w lese driewie.

Sěmu hlawa na dwě rozčepena,
Sěmu srubeně stě ruce obě,
Sěn sě kotě s oře přes druhého,
I sěn zeřiwý swé wrahy mláti,
Jak po skalách luto bůřa dřewa;
Sěmu w srdce po jilce meč wtasi,
I sěmu Tatarín ucho střieže.

И было рыданіе, и было весслie,
Кровь текла, какъ потоки дождя;
Трупы лежали, какъ въ лѣсу деревья;
У одного надвое разсѣчена голова,
У другаго отрублены обѣ руки,
Тотъ упалъ съ лошади, катясь по трупамъ,
А тотъ съ бѣшенствомъ сокрушаетъ враговъ,
Какъ лютая буря сокрушаетъ деревья на скалахъ;
Одному вонзился мечь по самую рукоять,
А другому Татаринъ отсѣкъ ухо.

Эта же высокая пѣснь не менѣе удивительна и по своимъ сравненіямъ:

Tu sě prwý boj w hromadu srazi:
Střely dščichu jako přiwal s mraków,
Oščepów lom jako rachot hroma,
Blsket mečew jako oheń bůře.
Obě straně jarobujnú silú
Druha druzě postúpati bráni.

Толпы вступаютъ въ первый бой;
Какъ изъ дождевой тучи падаетъ градъ стрѣлъ,
Копья трещатъ, какъ грохотъ грома,
Мечи сверкаютъ, какъ пламень бури;
Съ обѣихъ сторонъ грозная и стремительная сила,
Одна другой заступаетъ дорогу.

Тамъ же:

Rozkacen hna, jako lew drážliwý,
Když mu teplú krew sě udá zřieti,
Kehdy nastřelen za lowcem žene:
Tako wzluti sě wz Tatary trči.

Онъ мчится въ бѣшенствѣ, какъ алчный левъ,
Который почуялъ вблизи теплую кровь
И преслѣдуетъ охотника, его подстрѣлившаго;
Такъ онъ врывался въ толпы Татаръ.

Ни Греки, ни, подражатели ихъ, Римляне, ни Итальянцы, которые подражали и тѣмъ и другимъ, ни Оссіанъ, разукрашенный Макферсономъ, не представляютъ столь высокихъ красотъ поэзіи въ XIV в. Неизвѣстный Чешскій поэтъ, котораго Гаекъ, по догадкамъ, назвалъ Далемиломъ, представилъ въ историческихъ пѣсняхъ важнѣйшія происшествія Чеховъ и облекъ въ поэтическую одежду почти всю Чешскую исторію. Послѣ него многіе покушались на подобныя произведенія, описывая турниры и походы Чешскихъ королей, однако жъ

никто съ нимъ не сравнился [26]. Богухвалъ сохранилъ для насъ отрывокъ изъ пѣсни, кажется, относящейся еще ко временамъ языческимъ, но, къ сожалѣнію, она приведена на Латинскомъ языкѣ. Одинъ изъ нѣмецкихъ Князей, плѣненный красотою Ванды, дочери Кракуса, пѣлъ, что она силою своихъ прелестей въ состояніи покорить своей власти море, землю и небо [27]. Изъ временъ Христіанскихъ мы имѣемъ достовѣрнѣйшіе слѣды народной поэзіи. Галлъ разсказываетъ [28]: когда умеръ Болеславъ Храбрый, то печаль народа столь велика была, что нигдѣ нельзя было услышать дѣвическихъ пѣсенъ (cantilena puellaris) и по всему краю раздавалась только хвалебная пѣснь умершему королю. Папроцкій говоритъ [29], что долго послѣ смерти Болеслава пѣли жалобныя пѣсни, сочиненныя ему въ похвалу. Тотъ же Галлъ разсказываетъ, что въ память побѣдъ Болеслава Кривоустаго сочинена была пѣснь, (in proverbium cantilena componitur), въ которой сравнивалась храбрость Поляковъ съ храбростію ихъ въ древнихъ и новыхъ временахъ. Наконецъ, онъ привелъ пѣснь, въ которой Нѣмцы славили низость своего вождя и мужество Польскаго. Обѣ этѣ пѣсни также дошли до насъ на Латинскомъ языкѣ, но, безъ сомнѣнія, Галлъ слышалъ ихъ на языкѣ отечественномъ отъ старыхъ Поляковъ, которыхъ, какъ самъ говоритъ, распрашивалъ онъ о древней исторіи Польскаго народа.

Въ Польшѣ воспѣвали каждое важнѣйшее происшествіе и передавали его бумагѣ для лучшаго сохраненія въ памяти. Длугошъ разсказываетъ [30]: когда изъ Скалки перенесли тѣло Епископа Станислава въ церковь св. Вацлава въ Краковѣ, то на гробѣ вкратцѣ изображена была въ стихахъ жизнь этого святаго. Длугошъ [31] также свидѣтельствуетъ, что, когда король Премыславъ убилъ супругу свою, Лундгарду, то еще въ XV в. пѣли пѣснь на Польскомъ языкѣ [32], въ которой представлено, какъ несчастная княгиня просила своего супруга о пощадѣ и умоляла отослать ее въ домъ родителей въ одной только рубашкѣ и лохмотьяхъ.

Хотя Русь, какъ мы уже сказали, уже во времена языческія имѣла свои пѣсни, однако жь до насъ не дошелъ ни одинъ памятникъ. Только XIV в. представляетъ намъ такого рода памятники, да и тѣ принадлежатъ Преддѣпровской или древней Руси, — въ Русскихъ же Заднѣпровскихъ поселеніяхъ вовсе нѣтъ народныхъ пѣсенъ. Пѣснь о полку Игоревомъ, написанная неизвѣстнымъ, гораздо позднѣе лѣтописи Нестора и его продолжателей, не по оригиналу, который погибъ во время Московскаго пожара въ 1812 году, но по

26 Добровскій, Geschichte, стр. 143—148.

27 Wanda mari, Wanda terrae, Wanda aëri imperet, Богухв. у Соммерс. II. стр. 21.

28 Стр. 80, 81, 192, 273.

29 Во вступленіи къ гербамъ Польскаго рыцарства.

30 I. стр. 313.

31 I. стр. 831.

32 Carmina publica usque in nostram aetatem decantata, vulgaria ab agrestibus rudiler composita.

самой пѣсни можно заключить, что она написана Польско-Русскимъ нарѣчіемъ и, безъ сомнѣнія, явилась тогда, какъ вліяніе Польши на Русь болѣе и болѣе начинало обнаруживаться (о чемъ подробно было сказано въ первоначальной исторіи Церкви). Это видно, какъ замѣчаютъ Русскіе ученые, изъ Польщизны, встрѣчающейся въ этой пѣсни, особенно изъ техническихъ выраженій, какъ-то: кметъ, ратай, совершенно чуждыхъ Русскому языку; * наконецъ, изъ самаго Нестора, котораго сочинитель этой пѣсни переписалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, замѣнивши древній языкъ новѣйшимъ [33]. Однакожь эта пѣснь, сочиненная міряниномъ, какъ замѣчаетъ Карамзинъ [34] (ибо духовный не сталъ бы воспѣвать религіозныхъ понятій и обычаевъ языческихъ), навсегда останется загадкою. Кто такой и гдѣ образовался ея творецъ, который такъ умѣлъ всмотрѣться въ древнія языческія времена, перенестись въ нихъ, завладѣть ими силою мысли и языка до такой степени, что заставилъ сомнѣваться современныхъ Русскихъ критиковъ, не произведеніе ли это новѣйшихъ временъ, искусно поддѣланное для того, чтобы оно, какъ необыкновенное явленіе, блистало на пустой, впрочемъ древней, Польско-Русской поэзіи? Однакожь, если въ Краледворской рукописи христіанскій поэтъ (что особенно замѣтно по слову *обѣтъ*, употребл. въ пѣсни Забой) могъ мысленно перенестись въ языческія времена и возбудить такія же сомнѣнія въ ученомъ Чешскомъ критикѣ, то почему бы и около Кіева въ XII или XIII в. не могъ явиться поэтъ и забряцать на Польско-Русскій лютнѣ, тамъ, гдѣ еще до сихъ поръ народъ поетъ, хотя и простыя, пѣсни, но которыя краснорѣчиво доказываютъ пѣсенность Польско-Русскаго народа? Тамъ, говорю, гдѣ издавна обитали Поляки, поколѣніе Ляховъ, во всей Польшѣ, или, какъ начали позднѣе называть ее, во всей разбросанной Лехіи, тамъ, гдѣ еще во времена Нестора, пѣли *бѣсовскія* пѣсни, не отличавшіяся, впрочемъ, такою ученостію, какъ пѣснь о полку Игоревѣ, творецъ которой проникнутъ былъ Эллинско-Скандинавскою поэзіею, и въ которой особенно замѣчательны жалобы Ярославны, заклинающей вѣтеръ, по обычаю Скандинавскихъ женъ:

„О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? и проч.

Как бы то ни было, если у Грековъ, сосѣдей Славянъ, поэзія могла начать свое блистательное по-

---

33 На пр, Слова Нестора, у Шлец. II. стр. 153.

34 III. прим. 262.

* Слово о полку Игоревѣ писано вовсе не Польскорусскимъ языкомъ, а Южнорусскимъ своего времени, и г. сочинитель ошибается, чтобы въ вѣкъ появленія онаго Поляки имѣли сильное вліяніе на яз. Южнорусскій; наоборотъ, Руские имѣли это вліяніе на Польскій до самаго XVI ст, какъ показываютъ памятники Польскаго языка, особливо Статутъ Литовскій и др. Что до словъ *кметъ* и *ратай*, то они могли показаться Польскими только тѣмъ, кои плохо знакомы съ языкомъ Южнорусскимъ, Польскимъ, Древнебулгарскимъ и друг. Славянскими нарѣчіями. Живое Польскорусское нарѣчіе, равно какъ и Польскорусскій народъ существуютъ только въ воображеніи людей, знающихъ то и другое единственно по слуху и отзывамъ полуневѣждъ. *Примѣч. О. Б.*

прице древними пѣснями, собранными въ одно цѣлое, и составить изъ нихъ Илліаду и Одиссею, то почему же и неизвѣстный пѣвецъ похода Игорева не могъ собрать въ одно цѣлое древнихъ народныхъ пѣсенъ о войнахъ съ язычниками, примѣнить къ нимъ народныя воспоминанія о любимыхъ древнихъ пѣвцахъ (изъ которыхъ упоминается здѣсь Боянъ), запѣть рапсодическую пѣснь, странную смѣсь высокихъ и простыхъ мыслей, дикихъ и нѣжныхъ чувствъ, выраженныхъ то на древнемъ, то на новомъ языкѣ, смотря по тому, случалось ли ему встрѣчать старое или новое, которое онъ не рѣшался совершенно внести въ свое произведеніе? Не такъ ли, по свидѣтельству самихъ же Грековъ, сдѣлали собиратели Гомеровскихъ рапсодій? То они восхищаютъ слушателей своими высокими пѣснями, то, задремавши надъ лирою, наскучаютъ грубыми, плоскими шутками и простонароднымъ языкомъ.

Несторъ и Косма (Kosmas) говорятъ, что Славяне при религіозныхъ обрядахъ и всякаго рода празднествахъ пѣли пѣсни, которыя мы называемъ обрядными. Онѣ относятся къ глубокой языческой древности, что доказываютъ отрывки изъ оныхъ, также выраженія, разсѣянныя въ пѣсняхъ, измѣнившихъ теперь свой наружный видъ, потому что иногда ихъ передѣлывали въ Христіанскія пѣсни или подновляли ихъ языкъ, соотвѣтственно тому, какъ одни поколѣнія передавали эти памятники новымъ поколѣніямъ, сохраняя нѣкоторыя древнія выраженія, теперь непонятныя даже для тѣхъ, которые умѣютъ смотрѣть на эти памятники съ исторической точки зрѣнія. Сюда принадлежатъ пѣсни, находящіяся въ собраніи г. Вацлава изъ Олеська [35] и названныя *Гаилками*, въ которыхъ слова: *Zelman*, *Halu*, *Did*, *Lada*, указываютъ на неизвѣстные теперь памятники язычества; сюда также должно причислить пѣсни, названныя г. Войцицкимъ обрядными, гдѣ слова: Leluja, Kolęda, относятся къ тѣмъ же временамъ; наконецъ, богатое собраніе пѣсенъ г. Колара (цѣлыхъ и въ отрывкахъ) изъ баснословныхъ временъ, указывающихъ на религіозныя понятія, обряды и обычаи нашихъ предковъ когда они были еще язычниками. Эти памятники не столь важны для историческихъ выводовъ, которые должны основываться на дипломатической точности, сколько для письменности, объясняющей предположеніями отдаленную Славянскую древность. До сихъ поръ нѣтъ еще никого, кто бы покусился подобными выводами объяснить древнія времена, покрытыя глубокимъ мракомъ, никого, кто бы силою своего генія доискивался правды въ томъ, что мы почитаемъ сказками, часто не имѣющими здраваго смысла. Представить предметъ такъ, чтобы онъ былъ правдоподобенъ, зависитъ отъ истолкованія онаго; сказка, выведенная на эту дорогу, также будетъ говорить чувству, какъ и историческая истина.

3. *Пѣсни любовныя.*

Хотя въ этомъ періодѣ дошли до насъ только Чешскія любовныя пѣсни, однако жъ, судя по сход-

---

35 Pieśni ludu galicyjskiego, polskiego i ruskiego.

ству гражданской и частной жизни Славянскихъ народовъ, которое замѣтно даже въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ, мы безошибочно можемъ заключать, что подобныя пѣсни, которыми гордятся Чехи, имѣли всѣ Славянскіе народы. Впрочемъ, думая такъ, мы вовсе не утверждаемъ, чтобы въ каждомъ Славянскомъ обществѣ безъ исключенія, писали ихъ такимъ образомъ. Кто только броситъ взглядъ на любовныя Чешскія пѣсни этого вѣка и сравнитъ ихъ съ тѣми, которыя народъ Славянскій пѣлъ въ слѣдующемъ періодѣ, тотъ согласится, что онѣ, получивши начало свое въ высшемъ классѣ народа, гдѣ болѣе было просвѣщенія и образованныхъ чувствъ, перешли потомъ и къ низшему классу; напротивъ того, пѣсни, сложенныя простымъ народомъ, проникая въ господскіе домы и тамъ же будучи измѣнены прикрасами, опять возвращались къ народу и пѣлись имъ. Такъ народныя пѣсни, передѣланныя нынѣшними поэтами, переходятъ изъ устъ въ уста и нравятся тѣмъ болѣе, что онѣ отличаются новыми красотами: такимъ образомъ перешла къ народу пѣсня, сочиненная королемъ Вацлавомъ и послѣ переведенная Нѣмецкими Минезингерами на ихъ языкъ; также пѣсня подъ названіемъ *Олень*, найденная отдѣльно отъ Краледворской рукописи, въ другой рукописи, которая старше ея стами годами [36]; въ ней особенно замѣчательны слѣдующіе стихи:

Zewzněchu mutno žalostní lesi,
Wyrazi z junoše dušu, dušicu,
Sě wyletě pěkným táhlým hrdlem,
Z hrdla krásnýma rtoma!

Печально распространяется лѣсная глушь,
Изъ юноши исходитъ душа, душечка,
Исходитъ прекраснымъ ровнымъ горломъ,
Изъ горла прилестными устами.

Aj tu ležie! Teplá krew
Za dušicú teče, za otletlú:
Syrá země wielú krew pije.
I by w každej děwě po žalním srdéčce.

Тамъ онъ лежитъ! Теплая кровь
Течетъ въ слѣдъ за душею, за жизнію,
Сырая земля пьетъ кипящую кровь,
И каждая дѣва сокрушалась сердцемъ.

Такъ *Людиша* и *Люборъ*, *Збыгонь*, *вѣнокъ*, *ягоды*, *роза*, *кукушка*, *оставленная*, *живоронокъ*, сдѣлались настоящими народными пѣснями. Въ любовной пѣсни подъ Вышеградомъ особенно замѣчателенъ конецъ:

I když wsě milost budie, wšeliký žiwok
Welím snaženstwiem jejie želie.

Любовь пробуждаетъ всѣхъ и все, что только живо чувствуетъ ея заботы, чувствуетъ и ея горести.

Достоинства Славянской любовной поэзіи выражаются во всей силѣ даже въ историческихъ и богатырскихъ пѣсняхъ, какъ, на пр., въ пѣсни *Забой*:

Otčik zaide k otcem,
Ostawi w dědině dietky swoje
I swoje lubice, i neřeče nikomu:
Baťo! ty mluwi k něm oteckými slowy."

Пошелъ отецъ къ отцамъ;
Оставилъ дома своихъ дѣтей

---

36 Истор. Юнгм. стр. 25.

И свою милую, и не сказалъ никому:
,,Братъ! Говори съ ними отеческими словами.

Любовныя пѣсни, помѣщенныя въ собраніи древнихъ Чешскихъ Стихотвореній (Starobylá skladánie) также въ *Временникѣ* [37], хотя и не безъ достоинствъ, однако жъ не могутъ сравниться съ первыми.

4. *Пѣсни нравственныя и сатирическія, театръ.*

Сатира всегда соединяетъ въ себѣ остроуміе съ изяществомъ, и если не переступаетъ назначенныхъ ей предѣловъ, то служитъ для разума тѣмъ же, чѣмъ печаль для сердца; остроуміе придаетъ ей силу, а изящество нѣжность.

Исторія письменности всѣхъ народовъ показываетъ, что сатира играетъ важную роль въ просвѣщеніи народовъ и въ ихъ гражданской исторіи; и если она уважается гдѣ нибудь за свою скромность, то, безъ сомнѣнія, тамъ народъ стоитъ на высокой степени просвѣщенія: любя слушать правду, онъ обнаруживаетъ этимъ, что не хочетъ коснѣть въ заблужденіяхъ, но, позволяя указывать на свои недостатки, уже готовъ ихъ сбросить.

Славяне выражали правду по образцу другихъ просвѣщенныхъ народовъ, съ цѣлію исправить нравы, облекая въ поэзію нравственную науку. Такъ было у Чеховъ, которыхъ пѣсни такого рода дошли до насъ и заключаются въ III томѣ древнихъ стихотвореній (Starobylá skladánie). Въ семъ же періодѣ у нихъ сочиняли также апологи или басни. Смѣло можно сказать, что послѣ любовныхъ пѣсенъ, это другой родъ поэзіи, въ которомъ такъ блистательно отразился геній Славянскихъ народовъ. Къ XIII в. относятся, изъ оригинальныхъ сочиненій: басня о *Лисицѣ и Кувшинѣ* (Starobylá skladánie), а изъ переводныхъ: апологи какого-то Кирилла [38].

Сатиры сочинялись въ Чехіи и въ Польшѣ; изъ нихъ заслуживаютъ вниманіе: *Сатира на сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ* (Starobylá skladánie), также нравственно-сатирическая пѣсня *объ удовольствіяхъ бѣдности* (wesele chudiny), въ концѣ которой заключается [39] пѣсня *о человѣческихъ слабостяхъ* [40]. Она занимаетъ средину между сатирою и наукою о нравственности. Въ Польшѣ славилась сатира на Нѣмцевъ, дошедшая до насъ въ Латинскомъ переводѣ [41].

Вотъ она:

Est Alemanorum cura,
Ut, quocunque veniunt,
Semper volunt primi esse,
Et nulli prorsus subesse,
Ad haec sic se muniunt:
Illos habent ipsi mores;
Per hos acquirunt favores.
Primo se humiliant,
Mox eorum ducunt natas,
Suas ipsis prius datas,
Et sic se conciliant.
Sed sub dolo fit hoc totum,
Cum se bene facit notum,
Jam palpat ulterius.
Ad patronum vadit ille,
Offert sibi grossos mille,
Ut fiat Sudarius.

37. *Časopis*, I. стр. 4. стр. 3. и слѣд.

38 См. *Slawin*, изд. Ганкою, стр. 162.
39 Časop. I. стр. 20.
40 Časop. I. 3. стр. 9.
41 Miscellanea Cracoviensia I. стр. 33.

Mox adhuc sudat diatim,
Ut sit heres villae statim,
Datis nummis pluribus.
Sic villae fit Advocatus,
Qui in sporta sit portatus,
Exclusis haeredibus.
Sic Bohemi sunt delusi,
De bonis suis detrusi
Ab ipsis Teutonicis.
Et jam, qui perierunt,
Sua bona expenderunt,
In caligis et tunicis.
Гдѣ бы Нѣмцы ни явились,
Цѣль одна у нихъ всегда:
Чтобъ господствовать надъ всѣми;
До другихъ имъ дѣла нѣтъ;
О себѣ такъ не забудутъ;
Этимъ средствомъ-то у всѣхъ
Входятъ въ милость незамѣтно:
На ихъ лицахъ видъ смиренья....
Смотришь—дочерей вельможъ
Въ жены прочутъ, и за нихъ же
Дочерей своихъ даютъ;
Но какъ только чрезъ пронырство
Всѣ помѣхи устранятъ,
Такъ сейчасъ же выше лѣзутъ;
И вотъ Нѣмецъ ужъ къ вельможѣ
Съ златомъ кошелекъ несетъ;
Въ городѣ главой быть хочетъ;
И какъ только принялъ власть,
Ужь сейчасъ вновь замышляетъ
Туже свой карманъ набить,
Чтобы послѣ посмѣлѣе
Вытѣснить самихъ вельможъ
И хозяиномъ остаться.
Такъ и Чехи черезъ Нѣмцевъ
Потеряли безвозвратно
Все имущество свое.
Кто такъ Нѣмцевъ надѣляетъ,
Тотъ всегда наслѣдство тратитъ
И на обувь, и на платье.

Мы имѣемъ древнее, именно относящееся къ IX в. [42], свидѣтельство объ играхъ, но не знаемъ, какъ онѣ отправлялись. Впрочемъ, извѣстно, что мѣстомъ игръ и всякихъ увеселеній были на Поморьѣ, такъ названныя, Контины, гдѣ также сохранялось все нужное для пиршествъ и битвъ [43]. Изъ словъ Космы [44] можно заключать, что Славянамъ уже во времена языческія извѣстны были Театральныя увеселенія. Онъ разсказываетъ, что Чешскіе поселяне въ третье или четвертое воскресенье послѣ Пасхи приносили жертвы богамъ еще въ 1092 г., въ рощахъ, надъ источниками, также въ лѣсахъ, именно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, обыкновенно, они хоронили мертвыхъ. Послѣ похоронъ они уходили на распутія и отправляли странныя игры, чтобы этимъ успокоить тѣнь умершаго. Они жалобно пѣли и, надѣвши маски, бѣгали по разнымъ мѣстамъ.

Это, какъ мнѣ кажется, было причиною, что и во времена христіанскія у Славянскихъ народовъ рано начались театральныя зрѣлища. Ихъ раздѣляли на печальныя (niecnoty) и на *пѣснотворы* (такъ Чехи называли трагедію и комедію). Оба эти драматическіе рода были подобны нынѣшнимъ операмъ [45]. Какъ Чешская, такъ и Польская, словесность имѣетъ памятники драматической поэзіи (см. Starobylá skladánie). Особенно заслуживаютъ вниманіе, такъ названный, Гробъ Господенъ и продавецъ мастикъ. Первая драма представляетъ важный предметъ въ родѣ кантаты: въ ней поютъ Іерусалимскія жены,

---

42 Въ упомянутомъ государственномъ Болгарскомъ актѣ 866 г.

43 Vita S. Otton. III. 31. Дитм. стр. 151.

44 Стр. 197, 198.

45 Вацерадъ, см. *tragedia*, Rozkoch. 256.

отыскивая Христа, лежащаго въ гробѣ. Въ другой драмѣ представлено плутовство продавца мастикъ на ярмаркѣ и его шута. Оба шарлатанствомъ и обманами привлекаютъ къ себѣ народъ, который, покупая у нихъ разныя лекарства и мази, выслушиваетъ отъ обоихъ наставленія и замѣчанія въ сатирическомъ родѣ, и, въ свою очередь, также отвѣчаетъ на нихъ сатирою. Въ этой пьесѣ много есть грубыхъ и грязныхъ шутокъ; но цѣлое искусно примѣнено къ мѣстности и тогдашнимъ обычаямъ.

Театръ и въ Польшѣ принадлежалъ къ любимымъ увеселеніямъ. Онъ былъ тамъ извѣстенъ въ древнѣйшія времена. Кадлубекъ свидѣтельствуетъ [46], что вельможи, опечаленные смертію Казиміра Справедливаго, представили діалогъ, чтобы развеселить себя. На сценѣ явились: *веселость*, *печаль*, *свобода*, *благоразуміе* и *справедливость*; онѣ славили добродѣтель умершаго Монарха и утѣшали другъ друга, припоминая себѣ его доблести (veteris lege viri). Веселость, которая оживляла народъ при жизни добраго короля, жалуется въ семь діалогѣ на печаль, что она и ее хочетъ унести съ собою въ гробъ, причинивши смертъ отцу народа [47]. Изъ этого виденъ характеръ народа, который, въ самыя горестныя минуты своей жизни, никогда не упадалъ духомъ и старался разсѣять веселою мыслію печаль своей души. Важныя извѣстія о Польскомъ театрѣ въ царствованіе Казимірова наслѣдника, т. е., Лешка Бѣлаго, находимъ въ письмѣ Папы Иннокентія III къ Генриху, Архіепископу Гнѣздненскому [48]. Папа жалуется, что Поляки часто даютъ въ церквахъ театральныя зрѣлища, выводя на сцену замаскированныя лица, и что иногда даже сами духовные (діаконы, пресвитеры и поддіаконы) выставляютъ себя предъ народомъ, забывая святость свой обязанности. Длугошъ [49] также сообщаетъ намъ важныя извѣстія о Польскомъ театрѣ. Мы узнаемъ отъ него, что въ Польшѣ представляли на сценѣ произшествія, обращавшія на себя всеобщее вниманіе народа. Онъ разсказываетъ, что въ присутствіи короля Премыслава пѣли ему въ укоръ, какъ онъ умертвилъ свою жену, Лундгарду, и что изъ этого произшествія сдѣлана была драматическая пьеса и представлена на театрѣ [50].

ГЛАВА VI.

ПРОЗА И ЕЯ ПАМЯТНИКИ.

Языкъ стихотворный есть выраженіе чувствъ, врожденное каждому народу и, обыкновенно, предшествующее прозѣ, которая быва-

46 II. стр. 94.

47 Rebus nihilominus secundis indulgent, et sic mixta est moerori jucunditas, quae sese a moerore raptam ad ejus pertrahi connubium conqueritur hoc modo.

48 У Нар. IV. стр. 339.

49 I. стр. 832.

50 Suum facinus publico et vulgari carmine in suum dedecus audiebat cantari, quod etiam in nostram usque aetatem constat pertigisse, nostrique saeculi illud concinnunt theatra.

етъ плодомъ размышленія, въ чемъ убѣждаетъ насъ исторія просвѣщенія народовъ.

Переходя отъ поэзіи къ прозѣ, я пересмотрю теперь ея памятники у Славянскихъ народовъ, а именно: Священное Писаніе, Житія Святыхъ и Проповѣди, Исторію или Лѣтописи, Клехды (сказки?) или повѣсти о важнѣйшихъ происшествіяхъ своего и чужеземнаго міра, наконецъ, народныя поговорки и пословицы.

1. *Св. Писаніе, Житія Святыхъ и Проповѣди.*

Древнѣйшій памятникъ Славянской письменности есть Священное Писаніе, котораго списокъ, какъ выше было сказано, относится къ XI в. Впрочемъ, у насъ есть древнѣйшіе списки духовныхъ твореній, именно, относящіеся къ X в. Это переводы Іоанна, Экзарха Болгарскаго, Греческихъ произведеній духовнаго содержанія; они началомъ своимъ обязаны Симеону, князю Болгарскому (младшему сыну Михаила, перваго Христіанскаго князя у Болгаровъ), который любилъ духовныя и свѣтскія науки и находилъ особенное удовольствіе въ чтеніи св. Іоан. Златоуста и другихъ [1]. Какъ видно, Славяне (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) сначала не имѣли полнаго перевода Св. Писанія; ибо до сихъ поръ мы не встрѣчали рукописи, которая заключала бы въ себѣ цѣлое. Только въ XV и XVI в. вышли полные переводы Св. Писанія, хранящіеся теперь въ Синодальной Московской библіотекѣ [2]. Поляки и Чехи, должно быть, уже въ древнія времена читали на отечественномъ языкѣ Псалтырь и Житія Святыхъ. Въ школахъ найболѣе учили юношество пѣть Псалмы и другія набожныя пѣсни. Такъ св. Вячеславъ и Войтѣхъ, первый въ Будцѣ, другой въ Дѣвинѣ (Магдебургѣ), учились пѣть псалмы Давида, о чемъ свидѣтельствуютъ легенды, описывающія жизнь этихъ святыхъ мужей. Въ послѣдствіи [3] были посылаемы въ монастыри Королевскія дочери, чтобы научиться тамъ пѣть псалмы.

Въ Польшѣ, какъ говоритъ г. Лелевель (въ Виленскомъ еженедѣльникѣ), съ незапамятныхъ временъ читали житія Святыхъ, особенно св. Войтѣха, потомъ св. Станислава, которые были покровителями Великой и Малой Польши. ВъЧехіи найболѣе читали жизнь св. Прокопія, основателя Славянскаго монастыря на Сазавѣ; размышляли о страданіи Господа, описанномъ стихами; также житія лицъ, играющихъ главныя роли въ Новомъ Завѣтѣ, какъ-то: Маріи Магдалины, св. Доротеи и св. Ансельма. Всѣ эти творенія находятся въ собраніи древнихъ Чешскихъ стихотвореній (Starobylá skladánie).

Русскіе князья любили бесѣдовать съ духовными, которые объясняли имъ божественное и свѣтское ученіе; таковымъ былъ въ XI в. князь Святославъ, котораго богатое книгохранилище доставило матеріалы чернецу Іоанну для составленія *сборника* [4].

1 Калайд. стр. 14, 15.

2 Калайд. стр. 97.

3 По словамъ Космы, стр. 81.

4 Калайд. стр. 104. Сочинитель ошибается. Этотъ сборникъ есть просто переводъ

Сюда должно причислить также Константина и Владиміра Всеволодовичей. Ярославъ Владиміровичь приказывалъ переводить на Славянскій языкъ много книгъ, а переведенныя переписывать въ нѣсколько рукъ для наставленія (это его слова) православныхъ. Св. Евфросинія, дочь Полоцкаго князя, занималась днемъ и ночью переписываніемъ церковныхъ книгъ. Княжна Верхуслава была знаменитою покровительницею ученыхъ [5]. Особенное вниманіе заслуживаетъ Владиміръ Всеволодовичь, Мономахъ, который, въ правоученіи своимъ сыновьямъ, данномъ передъ смертію [6], оставилъ намъ прекрасный памятникъ благочестивыхъ чувствъ тогдашняго вѣка, приносящихъ честь тому, кто былъ одушевленъ ими. „Не постъ (говоритъ онъ), монашество спасаетъ насъ, но благодѣяніе. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, ибо жизнь и душа Христіанина— священны. Я не давалъ бѣдныхъ и вдовъ въ обиду сильнымъ, самъ смотрѣлъ за церковью и за божественнымъ служеніемъ.“ Въ собраніи Россійскихъ сочиненій XII в. есть много проповѣдей, отличающихся высокимъ краснорѣчіемъ: *ни одинъ народъ не можетъ похвалиться подобнымъ памятникомъ отечественнаго просвѣщенія въ семъ вѣкѣ.*

Сколь прекрасна Чешская словесность въ поэтическомъ отношеніи, столь бѣдна прозою, послѣ которой осталось намъ только немного памятниковъ, помѣщенныхъ въ собраніи древнихъ Чешскихъ стихотвореній (Starobylá skladánie). Памятникомъ такого рода есть письмо съ неба, въ которомъ приказывается платить духовенству десятину и налагается проклятіе на каждаго, кто только осмѣлится не вѣрить, что это письмо написано на небѣ рукою св. Петра. Сюда же относится отрывокъ изъ объясненія на Св. Писаніе, замѣчательный по способу выраженія того вѣка: „Часто Богъ даетъ людямъ богатство въ наказаніе, чтобы они валялись въ немъ, какъ въ грязи нечистыя свиньи; и въ семъ отношеніи Богъ поступаетъ съ ними, какъ хозяинъ съ теленкомъ. Онъ утучняетъ вола, чтобы послѣ убить его.“ Далѣе проповѣдникъ обращается къ дѣтямъ съ слѣдующими словами: „Милыя дѣти! Многіе бѣдняки подходятъ къ Господскому столу и не хвалятъ его, какъ свиньи, которыя, нажравшись и не поблагодаривши Господа Бога, отходятъ отъ корыта. Есть люди, которые, молясь Богу, просятъ Его, сами не зная о чемъ; они подобны безумцамъ, строющимъ *за́мки на льду*. Ледъ разстаетъ и за́мокъ, выстроенный на немъ, разрушится; такъ и эти безумцы погибнутъ, когда явится къ нимъ смерть. Другіе просятъ Бога, чтобы простилъ имъ грѣхи, и все грѣшатъ по прежнему: они подобны человѣку, который тонетъ въ рѣкѣ, положивши себѣ за пазуху камни, и кричитъ: „Помогите мнѣ: меня тянетъ ко дну.“

Какъ же различны этѣ проповѣди отъ церковныхъ словъ Кирилла Туровскаго! Какая просто-

---

съ Греческаго подлинника, какъ доказалъ уже г. Востоковъ въ своемъ Описаніи Румянцевскаго Музея. *Примѣч. О. Б.*

5 Ист. Лит. Греча; также Каченовскій въ приб. стр. 408.

6 Въ, такъ названной, Духовной Мономаха, у Карамз. Т. II.

та и вмѣстѣ возвышенность мыслей въ этѣхъ послѣднихъ. Особенно поразительны слѣдующія мѣста въ его постныхъ проповѣдяхъ [7]: „Пойдемъ (говоритъ онъ) и упадемъ къ ногамъ всемогущаго Бога; окропимъ тѣло Его драгоцѣннымъ миромъ, то есть, вѣрою и любовію. Да возрадуемся при воскресеніи Господа Бога, какъ радуется семейство прибытію отца, возвращающагося домой изъ далекаго путешествія. Будемъ размышлять о жизни и страданіяхъ Іисуса, чтобы чтить его добродѣтели, какъ пророки и дѣеписцы обыкновенно размышляютъ о дѣяніяхъ великихъ людей, чтобы послѣ достойно могли прославлять ихъ!"

2. *Исторія или лѣтописи.*

Наши предки очень любили исторію, самую труднѣйшую, прекраснѣйшую и вмѣстѣ наставительную отрасль словесности; у нихъ даже очень рано явились люди, которые исключительно посвятили себя этому занятію. Не удивительно, что они остановились на однихъ лѣтописяхъ; ибо только теперь Славянскіе народы немного подвинулись въ искуствѣ писать исторію. Впрочемъ, достойно замѣчанія, что у Славянъ очень рано явились писатели, пытавшіеся смотрѣть на исторію съ критической точки зрѣнія. Такъ въ 890 г., монахъ Ремигій разбиралъ происхожденіе Угровъ [8] и опровергалъ ложныя мнѣнія другихъ объ этомъ предметѣ. Хотя самъ онъ судилъ не лучше ихъ и обнаружилъ, что вмѣшался не въ свое дѣло, однако жь, ссылаясь въ своихъ изысканіяхъ на Виргилія и свидѣтельства стариковъ, показалъ, что онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о древней словесности и историческихъ изслѣдованіяхъ. Въ началѣ X в. въ Болгаріи разсуждали о происхожденіи Болгарскаго народа и старались доказать, что древніе Мирмидоняне, которыми предводительствовалъ Ахиллесъ подъ Троею, были Гунны и Болгары [9]. Несторъ, украшеніе отечественной Славянской письменности, черпалъ извѣстія, необходимыя для объясненія первоначальной Русской исторіи, изъ древнихъ, особенно Византійскихъ, лѣтописей, также разыскивалъ отечественныя преданія, расспрашивая объ этомъ чернеца Іоанна; такъ въ послѣдствіи и Кадлубекъ представилъ разговаривающими Іоанна и Матѳея. Косма гораздо лучше, чѣмъ Несторъ и Кадлубекъ, написалъ первоначальную исторію Чеховъ. Хотя онъ часто писалъ съ пристрастіемъ, однако жь зналъ историческое искуство, умѣлъ отличать басни отъ истины, не всему довѣрялъ, что узнавалъ отъ стариковъ, не все принималъ за правду, что находилъ въ писменныхъ, но не государственныхъ, памятникахъ. Онъ все облекъ въ прекрасную одежду и придалъ ей очаровательный колоритъ, занявши его у Римскихъ писателей, отличавшихся наибольшимъ вкусомъ. Я намѣренъ говорить о нашихъ лѣтописяхъ вообще и притомъ кратко, не вдаваясь въ историческія изысканія, тѣмъ болѣе, что источники нашей первоначальной исторіи объяснены учеными критическими труда-

7 Стр. 8, 10, 74.
8 У Фейера, V. 1. стр. 279, 281.
9 Ист. Троп, у Кал. стр. 181.

ми Шлецера, Лелевеля и Палацкаго; слѣдовательно, имѣя въ виду только языкъ нашихъ лѣтописцевъ, также ихъ искуство писать исторію, я опускаю остальное и вмѣстѣ съ этимъ долженъ замѣтить, что стремленіе къ изысканію источниковъ теперь чрезвычайно сильно обнаруживается въ Россіи. *И кому же приличнѣе исключительно заняться исторіею, какъ не тѣмъ, у которыхъ есть лѣтописи на народномъ языкѣ, и притомъ написанныя въ томъ вѣкѣ, когда почти вся Европа писала свои лѣтописи на чужомъ языкѣ?* Народамъ, умѣющимъ цѣнить достоинство такого рода памятниковъ, не достало бы словъ оцѣнить Нестора, котораго историческимъ изслѣдованіемъ занимался Шлецеръ, но еще многое осталось недоконченнымъ; именно, онъ вовсе опустилъ изъ виду филологическія изъясненія на Нестора. Русскіе ученые должны пополнить этотъ недостатокъ и опередить въ исторической критикѣ ученаго Нѣмца.

Гельмольдъ говоритъ, что старцы у Полабскихъ Славянъ сказывали на память всю народную исторію. Какъ видно, онъ заимствовалъ у нихъ все, что помѣстилъ въ своемъ описаніи древней Славянской исторіи. Уже въ XV в. Длугошъ собиралъ извѣстія отъ старцевъ, которые въ молодости сражались съ непріятелемъ. Онъ говоритъ, что, если бы не пользовался сими источниками, то многія происшествія описалъ бы также сухо и недостаточно, какъ его предшественники [10]. Тоже говоритъ и Галлъ (Gallus) [11], который, взявшись писать Польскую исторію, по совѣту епископовъ и высшихъ чиновниковъ, а именно канцлера Михаила, пользовался извѣстіями старыхъ людей и древними отечественными лѣтописями (cronicae annales Polonorum). Подобными же источниками пользовался Богухвалъ (Польскій дворянинъ герба Косы, а потомъ епископъ Познанскій): онъ также, какъ самъ говоритъ [12], слушалъ разсказы старыхъ людей и читалъ народныя лѣтописи, хранившіяся въ церковныхъ архивахъ. Другіе разбирали надгробные памятники, на которыхъ, обыкновенно, вкратцѣ изображали исторію умершей особы. Подобный памятникъ, хотя и изъ позднѣйшихъ временъ, приводитъ Накѣльскій [13]. Это, — надгробный памятникъ славному Краковскому епископу, Мускатѣ, поставленный въ 1320 году, въ Краковѣ. Къ сему же роду принадлежали лѣтописи, или, какъ ихъ называли, Церковные Каталоги. Прекрасный памятникъ оныхъ находимъ въ собраніи Соммерсберга, изъ XI в. (Жизнеописанія Вратиславскихъ епископовъ). Отрывки изъ другихъ Церковныхъ каталоговъ приводитъ Папроцкій, на 421 стр. Эти источники, также архивы Польскихъ королей, папа приказалъ разобрать коммисарамъ, назначеннымъ для изслѣдованія жизни епископа и мученика, Станислава, когда онъ долженъ былъ причислить его къ лику Святыхъ [14]. Кадлубекъ [15],

10 Гельмольдъ, I. 16. Длуг. I. стр. 1011.

11 Стр. 26, 130, 219.

12. У Соммерсб. II. стр. 20.

13 Miechovia, стр. 247.

14 Chronic. princ. Polonor. у Штенцеля, I. стр. 99. Длугошъ, I. стр. 479, 715.

15 Кадлубекъ, I. стр. 9.

также позднѣйшіе лѣтописцы, всѣ безъ исключенія, черпали изъ этихъ и многихъ другихъ источниковъ, какъ показываютъ то лѣтописи, недавно изданныя г. Штенцелемъ.

Въ Польшѣ любили разсуждать объ исторіи, особенно о народной, и читать ее въ училищахъ и палатахъ вельможъ, какъ говоритъ Галлъ [16]. Тоже самое, во многихъ мѣстахъ, повторяетъ Длугошъ; труды же новѣйшихъ изыскателей отечественной исторіи, особенно Лелевеля и Осолинскаго, совершенно объяснили этотъ предметъ. Достойно замѣчанія, что въ то время, когда одни Польскіе лѣтописцы любили выписывать изъ Латинскихъ писателей, имъ знакомыхъ, другіе, именно, писавшіе послѣ Богухвала, обращали вниманіе болѣе на отечественныхъ, чѣмъ на чужестранныхъ, писателей. Галлъ преимущественно придерживался одного, т. е., Саллюстія, и по его образцу излагалъ разговоры, влагая ихъ въ уста особамъ, которыхъ онъ выводилъ на сцену, и даже часто дословно выписывалъ цѣлыя мѣста изъ Римскаго историка, заставляя князей Польскихъ произносить ихъ. У него Казиміръ I [17] по ученому обращается къ войску; Збигнѣвъ точно такъ возмущаетъ Вратиславянъ противъ Сецѣха, какъ нѣкогда Катилина своихъ сообщниковъ противъ Римской аристократіи [18]. Наконецъ, Галлъ, оцѣняя достоинство своего разсказа о дѣяніяхъ Сецѣха, сравниваетъ его съ исторіею Югурты, искусно написанною Римляниномъ [19].

До сихъ поръ еще не сдѣлано ни шагу къ объясненію Закарпатскихъ лѣтописей, а Сербскія даже не напечатаны. И потому тѣ, которые занимаются исторіей Закарпатскихъ Славянъ (а ихъ довольно), пишутъ ее такимъ же образомъ, какъ нѣкогда писали въ Польшѣ до Нарушевича, въ Россіи до Карамзина, а у Чеховъ до изысканій Палацкаго. Всегда скорѣе кто-нибудь найдется написать исторію, нежели критически изслѣдовать ея источники.

Лѣтосчисленіе въ Славянскихъ лѣтописяхъ различно. У Славянъ были свои эры, которыя они начинали съ главныхъ происшествій, на примѣръ, они считали эру съ 367 года по Рождествѣ Христовѣ, взявши въ основаніе знаменитую побѣду, одержанную вождемъ ихъ, Трояномъ, надъ Римлянами [20], какъ показываетъ то г. Кухарскій, объясняя одно самое темное мѣсто въ пѣсьни о полку Игоревомъ. Г. Бѣлевскій совершенно другаго мнѣнія объ этомъ; онъ думаетъ, что подъ именемъ Трояна скрывается имя Русскаго князя, Владиміра В. Славяне, сдѣлавшись Христіанами, и потомъ распавшись на послѣдователей Восточной и Латинской Церкви, вели свое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра (и этого лѣтосчисленія особенно придерживался Несторъ)

---

16 Стр. 241.

17 Ut vir eloquens et peritus. Gallus, стр. 97.

18 Рѣчь Саллюстія, начинающуюся словами: *Ni virtus fidesque vestra*, Збигнѣвъ, по словамъ Галла (стр. 164), разукрасилъ ученымъ образомъ (ut literatus et major etate rhetorice coloravit).

19 Gesta Zethei procul dubio Jugurtino volumini coequamus, Gall. стр. 167.

20 Dziennik Powszechny, 1834. No. 213.

а также и отъ Рождества Христова. Они раздѣляли годы на мѣсяцы, недѣли и дни, давая дѣленію времени народныя названія, которыя имѣло и имѣетъ каждое Славянское нарѣчіе, не исключая даже мѣсяцевъ Марта и Мая. Названіе перваго мѣсяца или Марта встрѣчаемъ уже у Вацерада; онъ называетъ этотъ мѣсяцъ *Брезеномъ* (потому что въ Мартѣ развиваются березы). У него же Май названъ *Сибиномъ*, *Изокомъ* (Siban, Yzok): первое напоминаетъ *посѣвъ* (siewy), который бываетъ именно въ этомъ мѣсяцѣ, значенія же другаго слова я не понимаю. Въ исчисленіи древнихъ мѣсяцовъ, помѣщенномъ во всеобщемъ Варшавскомъ Календарѣ на 1838 годъ, по справедливости мѣсяцъ Май названъ *Травнымъ*, но неизвѣстно, къ какому вѣку относится это названіе: я не встрѣчалъ его ни въ одномъ памятникѣ и не удостовѣрился, чтобы Славяне когданибудь, въ самомъ дѣлѣ, называли мѣсяцъ Май *травнымъ*; отсюда смѣю утверждать, что это названіе выдумано позднѣе, безъ всякаго соображенія (потому что земля, обитаемая Славянами, покрывалась и покрывается зеленью ранѣе мѣсяца Мая), и по этой причинѣ оно не перешло въ народный языкъ. Въ отрывкахъ древнихъ Чешскихъ Словарей (*Bohemarius*, *Розкоханый*) и въ Польскихъ рукописяхъ XIV, XVI вѣка[21] встрѣчаемъ мы названія мѣсяцевъ у Чеховъ и Поляковъ; чѣмъ древнѣе сіи названія, тѣмъ болѣе замѣтно въ нихъ однообразіе. Днямъ недѣльнымъ давали названіе по порядку, въ какомъ каждый слѣдовалъ послѣ другаго.

3. *Клехды* (*сказки*).

Народныя преданія (сказки), или, какъ называютъ ихъ въ Польшѣ, по чужестранному, *Клехды*, сохранили память о важнѣйшихъ происшествіяхъ, которыя, переходя изъ устъ въ уста, передѣлывались, теряли съ теченіемъ времени свой историческій колоритъ и служили только для удовольствія, какъ нынѣшніе романы. Такимъ образомъ, первоначальная исторія каждаго Славянскаго народа замѣнялась сказками (клехдами). Историческая критика, не могши доискаться въ нихъ правды, почитала ихъ выдумками необузданнаго воображенія. Г. Палацкій и его предшественники исключили изъ исторіи древнія Чешскія преданія, которыя Косма[22] называетъ сказками стариковъ и въ которыхъ Гаекъ видитъ отпечатокъ правдоподобія. Но онѣ живутъ и будутъ жить въ историческихъ пѣсняхъ, пока кропотливому трудолюбію не удастся открыть памятниковъ, подобныхъ *Суду Любуши* и другимъ. У Поляковъ нѣтъ такого памятника, какъ Краледворская рукопись; но, хотя ихъ исторія и основана на исторической правдѣ, однако жъ въ ней столько привлекательнаго, что она кажется безпрерывнымъ романомъ. Въ исторіи другихъ Славянскихъ народовъ

21 Въ вышеупомянутомъ календарѣ названія Польскихъ мѣсяцевъ взяты изъ рукописей г. Луки Голембёвскаго; также см. въ двухъ библіографическихъ книгахъ Лелевеля; Вильно 1823, I. стр. 46.

22 Стр. 3. Perpauca quae didici senum fabulosa narratione.

нѣтъ столько поэзіи; впрочемъ, въ каждой изъ нихъ замѣтна любимая сказка Славянъ о битвахъ, происходившихъ когда-то между ними и Александромъ Македонскимъ. Ее повторяли Польскіе Славяне, повторялъ [23] Польскій Кадлубекъ, повторяли Русскія лѣтописи, расказывая о людяхъ, заклятыхъ нѣкогда Греческимъ богатыремъ въ Сѣверовосточномъ краю Руси и находящихся въ такомъ состояніи еще до сихъ поръ [24]. Въ этомъ періодѣ у Славянъ были сказки, и чужеземныя и отечественныя, описывающія богатырскія дѣянія нашихъ женщинъ, также бѣдствіе и притѣсненіе народа. Къ первымъ принадлежитъ сказка о Вальгерѣ и Гельгундѣ, повторявшаяся въ Польшѣ. Весьма въ древнее время забрела она туда съ Запада. Въ X в. эта древняя Нѣмецкая сказка переведена была Латинскими стихами въ монастырѣ св. Галла въ Швейцаріи [25]. Должно быть, ее занесли въ Чехію пилигримы Чешскіе, откуда она попала въ Польшу. Извѣстно, что уже въ X и XI в. набожные Чехи и Поляки ходили на богомолье въ этѣ страны. У Русскихъ повторялись сказки, занесенныя къ нимъ съ Востока [26], о чудовищахъ въ половину съ человѣческимъ и собачьимъ тѣломъ, о рыбахъ съ золотою кровію, о звѣряхъ съ пятью ногами, о великолѣпныхъ городахъ съ улицами, вымощенными дорогими каменьями, и о благочестивой жизни Индійскихъ мужей, или же о томъ, какъ солгавшій, непремѣнно блѣднѣлъ, какъ трупъ. Къ собственно народнымъ сказкамъ принадлежитъ повѣсть, повторяемая въ Угріи и на Лабѣ о бѣлой княжнѣ или, какъ ее называютъ Полабскіе Славяне, о дѣвицѣ, которая скачетъ на борзомъ конѣ на высотахъ Карпатскихъ горъ и охотится въ дебряхъ Полабіи [27]. Народныя бѣдствія описаны въ сказкѣ *о моровомъ повѣтріи*, столько извѣстной у Славянъ, живущихъ около Балтійскаго моря; она также происхожденія чужеземнаго. Такъ какъ она очень давно повторялась у другихъ народовъ, то я смѣло отношу ее къ древнѣйшимъ временамъ. Моровое повѣтріе представлялось то въ видѣ женщины, то въ видѣ мущины. Быстро распространяя всюду истребленіе, оно часто теряло силы, и тогда-то умоляло прохожаго, чтобы онъ унесъ его съ собою, обѣщая за то сохранить ему жизнь; оно любило поболтать и часто проговаривалось, какъ отъ него избавиться; люди спѣшили воспользоваться этимъ и заграждали моровому повѣтрію путь въ свои жилища. Будучи жадно на деньги, оно часто позволяло себя подкупать и, получивши денежную плату, оставляло людей въ покоѣ [28]. Сказка о волколакахъ (объ оборотняхъ), или о людяхъ, превратившихся въ волковъ, есть народно-Славянская. У Нѣмцевъ не было волколаковъ, и Гриммъ ничего не говоритъ объ нихъ въ Германско-языческой миѳологіи. Уже Ге-

23 Ист. Трои, у Калайд. стр. 14, 15.
24 Никон. Лѣтоп. I. стр. 231.
25 Walthar und Hildegund, см. Гримма Deutsche Mytholog. стр. 7.
26 См. письмо Яна Попа въ хрон. Угорской и Чешской, стр. 146 и слѣд.

27 Zpěwanki Kollara, I. стр. 13. Гриммъ Deutsche Mytholog. стр 706.
28 Гриммъ Deutsche Mytholog. стр. 685—687.

родотъ (IV. 105) упоминаетъ о томъ, что *Нуры* и *Будины* (два Славянскіе народа, по мнѣнію г. Шафарика) знали искуство обращаться или заклинаться въ волковъ и потомъ снимать заклятіе. Словаки и Чехи называли волколаками развратныхъ людей, нападающихъ съ намѣреніемъ удовлетворить свое желаніе. Они имѣли отвратительную наружность, потому что у нихъ были козьи ноги, какъ у Греческихъ Сатировъ. Точно такимъ образомъ волколаки описаны въ древней Словацкой пѣсни и у Вацерада [29]. Изъ этого видно, что сказка о подобныхъ оборотняхъ есть древняя, и что народъ Славянскій различно представлялъ себѣ сихъ чудовищъ, безъ сомнѣнія, приписывая имъ звѣрство, а не волчью наружность. Можетъ быть, вообще думали, что, если кто былъ обращенъ въ волка, то сохранялъ въ себѣ волчью натуру даже и тогда, когда снималось съ него заклятіе и возвращалась человѣческая наружность. Такъ Словачка въ упомянутой пѣсни называетъ своего лѣниваго, развратнаго и пьянаго мужа волколакомъ. Поляки, Словаки и Сербы представляли бѣдствіе немилосердно притѣсняемаго народа въ видѣ рогатой козы, до половины ободранной и изъ подтишка растерзанной волкомъ. Еще до сихъ поръ въ Польшѣ няньки любятъ разсказывать дѣтямъ эту сказку, которая, конечно, принадлежитъ глубокой древности, потому что она повторяется вездѣ по сю и по ту сторону Карпатъ [30].

29 Zpěwanki Kollara, I. стр. 11. Вацерадъ, см. сл. *faunus*, *incubi*.

30 Wýklad Kollara, стр. 428, 429.

4. *Ученость, мудрость, пословицы.*

Уже очень давно Славяне стали различать знаніе, или ученость, отъ мудрости, или разума: первая пріобрѣталась чтеніемъ книгъ, другая размышленіемъ и познаніемъ, или сужденіемъ о предметахъ умственныхъ и чувственныхъ. Слово, оглашенное устами, показывало практическаго или книжнаго человѣка; мудрецъ обнаруживало сужденіе о предметѣ, или, какъ было сказано, познаніе. Мысль или догадка (сужденіе о предметѣ, основанное на правдоподобіи или на предположеніи), выраженная просто или въ переносномъ смыслѣ и, обыкновенно, обращаемая въ пословицу [31], показывала, умѣетъ ли мыслить и практическій ли человѣкъ тотъ, кто говоритъ; или онъ только сказочникъ, знающій науки безъ всякой пользы для другихъ, будучи мудрымъ столько, сколько научился изъ книгъ.

Это различіе между человѣкомъ мудрымъ и ученымъ, описанное словами, взятыми изъ древнихъ памятниковъ Славянскаго языка [32], показываетъ, что предки наши здраво судили о вещахъ. Если мы послѣдуемъ г. Каминскому въ его произведеніи о Польскомъ языкѣ (въ Галичанинѣ) и станемъ разбирать и разсматривать всѣ подробности о познаніяхъ нашихъ предковъ, сохраненныя исторіею, то мы сами въ себѣ найдемъ средства для составленія собственной фило-

31 Въ Остром. Еванг. и вообще у всѣхъ Славянъ Греч. испов. *притча*, у Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ *pořekadla*.

32 Изъ Вацерада и Словаря Копитара.

софіи. Какъ нѣкогда Греческій мудрецъ свелъ съ небесъ на землю философію, такъ и Славяне, имѣя свою собственную философію, не станутъ повторять чужой, своимъ умомъ и по своему основавши мудрость на народныхъ началахъ. Славяне, изучивши внѣшнюю и внутреннюю жизнь, узнаютъ, что ихъ предки, черпая мудрость изъ книгъ, или изъ опыта, болѣе всего старались высказывать свое сужденіе въ пословицахъ, что́ они почитали руководствомъ благонравія и вмѣстѣ основаніемъ благоразумнаго дѣйствованія. Такимъ образомъ, пословицы можно было бы назвать скорописью мысли Славянина; онъ выражалъ въ нихъ вкратцѣ то, о чемъ наиболѣе размышлялъ, обращая вниманіе на отечественныя или чужеземныя происшествія, или разсматривая свои частныя отношенія. Короче сказать, въ пословицахъ заключается философія Славянъ, сокрытая въ нихъ, какъ искра въ твердѣйшемъ тѣлѣ. Эту искру еще не могла, и до тѣхъ поръ не можетъ, добыть и обнаружить умственная сила Славянскихъ ученыхъ, пока не явится знаменитый талантъ и приличнымъ орудіемъ, имъ же изобрѣтеннымъ, не извлечетъ огня изъ сего камня, который твердѣе алмаза; до тѣхъ поръ, пока онъ не выведетъ общаго правила изъ пословицъ, собранныхъ въ одно цѣлое и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Для достиженія этой цѣли, мы должны очистить путь будущему Славянскому философу, что́ требуетъ много труда; мы должны собрать древнія пословицы, притчи и сравненія и показать, къ какому времени относится каждая изъ нихъ. Такимъ образомъ, мы дадимъ ему средства разгадать, какъ народъ постепенно развивалъ свои умственныя силы, какъ онъ создавалъ пословицы, углубляясь въ предметы, подлежащіе его чувствамъ; какъ онъ слагалъ притчи, обращая свою мысль на важныя происшествія и почерпая изъ нихъ правоученіе; наконецъ, какъ онъ дѣлалъ сравненія одного предмета съ другимъ и, выводя изъ него заключеніе, составлялъ для себя правило жизни. Слѣдуя этимъ путемъ и не прибавляя своихъ мыслей къ содержанію предмета, но добывая изъ него искру разума, которая, со временемъ, должна зажечь для Славянскихъ народовъ свѣтило философіи, будущій изыскатель замѣтитъ, что въ пословицахъ виденъ тотъ же самый отпечатокъ, который знаменуетъ характеръ и поэзію сего народа. Пословицы представляютъ народу мысли, то нѣжныя, то сатирическія; разбираютъ достоинства и недостатки каждаго человѣка и каждаго семейства порознь, и предписываютъ, чего должно избѣгать и чего придерживаться. Упоминая о пословицахъ, притчахъ и сравненіяхъ Польскаго, Чешскаго и Русскаго народа (за недостаткомъ источниковъ, мы мало что можемъ сказать здѣсь о Закарпатскихъ Славянахъ), я старался собрать ихъ вмѣстѣ, не дѣлая строгаго раздѣленія (при указаніи источниковъ можно замѣтить, какому народу принадлежитъ каждая изъ нихъ). Читатель, разсматривая ихъ и вникая въ источникъ, откуда онѣ произошли, убѣдится въ томъ, что многія пословицы цѣликомъ взяты Славянами у чужеземцевъ; такимъ образомъ у Русскихъ уже въ XII в., какъ это

видно изъ Нестора, были переведены на отечественный языкъ изрѣченія Соломона [33]; тоже самое и у Чеховъ, которые присвоили себѣ нравоученія Римскаго Катона, примѣнивши ихъ къ своимъ обычаямъ, и которые очень любили заниматься нравственными предметами, какъ свидѣтельствуютъ то сочиненія этого рода, заключающіяся въ собраніи древнихъ Чешскихъ стихотвореній (Starobylá skladánie). Особенно замѣчательны разсужденія *о правдѣ*, *смерти*, о *семидесяти дуракахъ*, о шести колодцахъ, вмѣщающихъ въ себѣ человѣческіе грѣхи, и т. п. Всѣ они пропущены мною, какъ чуждаго и не Славянскаго происхожденія.

Русскія пословицы [34] суть: ,,Бѣша бо Обры (насильники Руси) велицы тѣломъ и сильны зѣло; погибоша яко Обры, ихъ же нѣсть ни племене, ни наслѣдка; отважный и мудрый; бѣда, аки въ Роднѣ: человѣкъ говоритъ не по своей волѣ, но по изволенію Божіему; когда волкъ ворвется въ овчарню, то погубитъ все стадо; обдираетъ и грабитъ, какъ воинъ; желая чужаго, потеряешь свое; и до сего дне льстивы Греки; при жизни заботься о славѣ, послѣ смерти она уже не нужна (мертвые бо срама не имутъ); воинъ не бѣжать, но смѣло стоять долженъ; гдѣ вождь, тамъ и воинъ долженъ положить свою голову; если хочешь узнать человѣка, то смотри ему въ лице и глаза, и разгадаешь, что̀ онъ думаетъ; тотъ истинный воинъ, кто отнимаетъ у непріятеля не имѣніе, но оружіе; грѣхъ рождаетъ зло; худо головѣ безъ плечь, худо плечамъ безъ головы [35]; Радимичи убѣгаютъ отъ Волчья Хвоста; разумъ есть свѣтлое око души, обитающей въ головѣ; кто старъ, тотъ отецъ, кто молодъ, тотъ братъ [36]; пока свѣтитъ солнце, до тѣхъ поръ и свѣтъ стоять будетъ [37]; что дѣлается съ доброю вѣрою, то и пойдетъ съ доброю вѣрою [38]; слово противъ слова [39].“

Чешскія [40] пословицы суть слѣдующія: тихъ, какъ монахъ; онъ заботливо ходилъ за ними, какъ курица за цыплятами; бѣлъ какъ снѣгъ; его разумъ такъ былъ ясенъ, что все могъ разгадать, въ землѣ, въ морѣ и на звѣздахъ; когда мужикъ разбогатѣетъ, то никто съ нимъ ни сладитъ; колесо найболѣе скрыпитъ, малая гадина найболѣе шипитъ; пастухъ, который убѣгаетъ отъ волка, не стоитъ стада; тотъ грѣшитъ, кто склоняется подъ ярмо неволи [41]; Чехи какъ обезьяны [42].

Польскія пословицы суть слѣдующія: уменъ Полякъ послѣ бѣды [43]; Чехи непостоянны въ мнѣніи: ихъ мысли вертятся, какъ спицы колеса [44]; лучше наслѣдство послѣ отца, чѣмъ послѣ дяди

33 Шафарика Geschichte стр. 95.
34 Несторъ у Шлецера, II. стр. 113, 136, 212. IV. стр. 192. V. стр. 28, 137, 146, 166, 205, 208.

35 Въ пѣсни о полку Игор.
36 У Карамз. I. прим. 435. II. прим. 243. III. прим. 338.
37 Въ договорѣ Игоря.
38 Въ договорѣ Мстислава Давидовича.
39 Правда Русская, стр. 54, изд. Раковецкаго.
40 Starobylá skladánie I. стр. 5, 36, 41. II. стр. 151, 161, 164.
41 Въ Краледвор. рукописи пѣснь *Ярославъ*.
42 Шафар., Geschichte стр. 309.
43 Бѣльскій, изд. 1597 г. стр. 70.
44 Галль, стр. 287.

[45]; Русскіе не умѣютъ молчать, все выболтаютъ [46]; воронъ ворону глазъ не выклюетъ [47]; если имѣешь добрую жену, то уважай ее: добрыхъ мало на свѣтѣ; рѣдко братъ брату причиняетъ зло; если хочешь ѣсть медъ, то выгони изъ улья пчелъ [48]; я баринъ, ты баринъ, а кто же будетъ пасть свиней [49]? кто любитъ пѣніе псалмовъ, тотъ удаленъ отъ грѣховъ; кто скрываетъ въ сердцѣ своемъ славу Божію, тотъ получитъ радость отъ Бога, переселивши душу свою на небо [50]; правому [51] пріятнѣе малое, нежели многое отъ грѣшныхъ богатствъ; кто раскаевается, тотъ уже прощенъ [52].

Пословицы Закарпатскихъ Славянъ: кто въ тебя камнемъ, ты въ него хлѣбомъ [53]; Чехи сумазброды и пьяницы; Угры мстительны и бурливы, какъ соленое море [54].

ГЛАВА VII.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

Художественныя произведенія Славянъ, рѣзныя и живописныя, были плодомъ Византійскаго искуства. Они издавна существовали въ Славянскихъ монастыряхъ; даже самъ апостолъ Славянскій, Кириллъ, былъ живописцемъ. Изящныя искуства въ Чехіи дошли въ этомъ періодѣ до высочайшей степени совершенства. Божитѣхъ, четвертый игуменъ Славянскаго монастыря на Сазавѣ, былъ превосходнымъ живописцемъ, дѣлалъ мозаическія картины и рѣзныя работы изъ слоновой кости [1]. Въ Чешскихъ рукописяхъ XI в. встрѣчаются Византійскія картины [2]. Въ древнѣйшихъ Чешскихъ Словаряхъ находятся техническія выраженія, указывающія на токарство [3]. Въ XIV в. въ Прагѣ были братства живописцевъ, подобныя нынѣшнимъ академіямъ, какъ говоритъ о томъ г. Палацкій [4]. Безъ сомнѣнія, и Закарпатскія страны отличались этимъ, потому что въ Угріи находимъ несомнѣнныя свидѣтельства о Византійскихъ изящныхъ искуствахъ. Въ государственныхъ актахъ [5] упоминается о драгоцѣнныхъ мужескихъ и женскихъ одеждахъ, что свидѣтельствуетъ о роскоши, которая господствовала у Угорскихъ вельможъ. У Козаровъ замѣчательны строенія, на которыя употреблялись кирпичь и рѣчной песокъ вмѣсто песку обыкновеннаго, какъ замѣчаетъ о томъ Константинъ Багрянородный [6]. На Руси также издавна, уже въ X в., строили большія каменныя зданія, которыя не только назначались для богослуженія, но и для

45 Галлъ, стр. 92.
46 Длугошъ, I. стр. 437.
47 Кадлубекъ, II. стр. 52.
48 Богухв. у Сом. II. стр. 41. 47. 53.
49 Пословица Кашубовъ, въ Jahresbericht, стр. 33.
50 Псалт. Март. стр. 1.
51 Пс. М. стр. 29.
52 У переводчиковъ Польск законовъ, 1503 г. у Лелев. стр. 36.
53 Любимая пословица Илирцевъ, Дурихъ, стр. 332.
54 Творoч. у Швандти. I. стр. 139, 143.

1 Юнгманнъ въ Ист. стр. 18.
2 Zbirka стр. 8.
3 У Вацер. *struchar*, Польск. *strugać*, означаетъ токаря.
4 Casop. V. 2. стр. 169.
5 1137, 1220 г. у Фейера III. стр. 93, 303.
6 Въ 42 гл.

жилища людей. Длугошъ [7] описалъ церковь св. Софіи, которую построилъ изъ камня Ярославъ въ Кіевѣ, украсилъ ее сосудами изъ дорогаго металла, книгами и богатыми ризами, и всю покрылъ золоченою бляхою. Византійскую живопись наиболѣе распространяли здѣсь Греческіе монахи; древнѣйшимъ изъ нихъ былъ Алимпій [8].

Объ изящныхъ искуствахъ и Греческомъ огнѣ у Полабскихъ Славянъ упоминается въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ [9]. Вообще, замѣчаетъ г. Нейманнъ [10], тамошніе Славяне опередили Нѣмцевъ въ ремеслахъ и искуствахъ, уже издавна имѣя обширнѣйшую торговлю и хорошо устроенные города, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Птоломея, еще во второмъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ Нѣмецкіе народы едва имѣли нѣсколько десятковъ городовъ, да и тѣ частью были Римскими поселеніями, частью же селами въ оборонительномъ положеніи.

Дитмаръ [11], описывая языческій храмъ, стоявшій въ Радагостѣ (Riedegost), городѣ Лютиковъ, говоритъ, что онъ искусно сдѣланъ былъ изъ дерева и поддерживался звѣриными рогами, вмѣсто деревянныхъ подпорокъ; внутри же храма стояли статуи боговъ и богинь съ надписями внизу; другія божества были вырѣзаны въ наружныхъ стѣнахъ церкви и очень искусно позолочены, или посеребрены. Жизнеописатель св. Оттона говоритъ [12], что въ Поморскомъ городѣ, Щетинѣ, стояли четыре храма; одинъ изъ нихъ отличался великолѣпіемъ и художественною отдѣлкою (mirabili cultu et artificio constructa): снаружи и внутри стояли въ стѣнахъ вырѣзаныя изображенія людей, четвероногихъ (bestiarum) и птицъ; они такъ прекрасно и искусно были сдѣланы, что казались живыми. Нѣмцы, видѣвшіе этѣ рѣдкости, наиболѣе удивлялись живости и прочности красокъ до такой степени, что даже, будучи выставлены на наружныхъ стѣнахъ и подвержены вліянію дождя и снѣга, не могли быть повреждены, по причинѣ твердости красокъ и совершенства живописи (id agente industria pictorum). Саксонъ Грамматикъ [13] также описываетъ подобный деревянный храмъ въ Арконѣ, украшенный живописью и рѣзьбою.

Въ Польшѣ, въ древнѣйшія времена, замѣтны слѣды зодчества и живописи. Есть преданіе о церкви св. Георгія подъ Гнѣздномъ, построенной въ Греческомъ вкусѣ, также и о Греческой живописи въ Гнѣздненской церкви [14]. Галлъ [15] разсказываетъ, что даже художники и другіе работники, оплакивая смерть Мечислава (сына Болеслава Смѣлаго), бросали свои занятія. Въ Вислицѣ (этотъ городъ, должно быть, существовалъ въ Польшѣ уже во времена языческія), какъ говоритъ Богухвалъ [16], стоялъ въ

7 I. стр. 184.
8 Ист. Греча и прибавленія къ оной I. стр. 25, 388. Карамзинъ, III. прим. 259.
9 Адам Брем., V. стр. XII.
10 Beyträge, стр. 7.
11 Стр. 150, 151.
12 II. гл 31, по изданію Людевига.
13 Карамз. I. прим. 223.
14 Сярчинскій, Czasopis Lwowsky 1818 г. II. стр. 60, 61.
15 Галлъ, стр. 118: artifices studia, operatores opera postponebant.

его время камень, на которомъ вырѣзаны были романическія приключенія Гелигунды и Вальгера. Позднѣйшіе лѣтописцы упоминаютъ о барельефахъ, искусно сдѣланныхъ на церквахъ и замкахъ; въ особенности Казиміръ В. украшалъ ими публичныя зданія [17]. Слѣды ихъ сохранились даже до нашихъ временъ, какъ-то: окна въ церкви Пр. Д. Маріи въ Краковѣ, расписанныя способомъ, уже неизвѣстнымъ для нынѣшнихъ художниковъ. Изъ одиннадцати оконъ уцѣлѣло отъ времени только три. Они описаны священникомъ Малишевскимъ [18]. Въ зодчествѣ и въ математическихъ наукахъ, имѣющихъ съ нимъ связь, мы превышали своихъ сосѣдей уже въ XII и XIII в. Доказательствомъ тому служитъ то, что еще въ 1144 году приглашенъ былъ изъ Кракова въ Вѣну зодчій Октавіанъ Вольцнеръ для построенія тамъ церкви, и теперь еще извѣстной подъ именемъ св. Стефана. Цѣлекъ (Vitellion), также, должно быть, Краковянинъ, жившій во второй половинѣ XIII в., пріобрѣлъ Европейскую славу, какъ воскреситель оптики [19].

Славяне очень любили пѣніе и музыку и издавна имѣли выраженія *гусли* и *струны* [20] для означенія музыкальнаго инструмента и навязки на немъ для игры [21]. Галлъ разсказываетъ (стр. 80), что по смерти Болеслава Храбраго въ домахъ, посвященныхъ публичнымъ увеселеніямъ, не было слышно ни одной лютни [22] во время траура.

У Поляковъ, какъ говоритъ Богухвалъ, любовникъ музыкою и пѣснями будилъ свою возлюбленную [23]. Анна Гедиминовна [24] прохаживалась пѣшкомъ, а впереди ея шли музыканты, игравшіе на разныхъ инструментахъ [25]. Лѣтописецъ порицаетъ это, называя такую жизнь языческою, отъ которой не могла отвыкнуть Литовка, сдѣлавшаяся Христіанкою.

У насъ есть свидѣтельства о танцахъ или, какъ выражается Несторъ, о *плясках*, относящіяся ко временамъ языческимъ. Одна изъ этѣхъ плясокъ, называвшаяся *стадомъ*, была въ употребленіи въ Польшѣ еще въ XVI в.; ее плясали около Троицина дня [26]. Тризна (или игры въ честь умершей особы) совершались еще во времена Христіанскія, ибо ристаніе было однимъ изъ любимѣйшихъ увеселеній Славянъ. Косма разсказываетъ [27], что въ XII в. Чехи опозорили своего князя, поваливши его на землю и перескакивая чрезъ него верхомъ на лошадяхъ.

---

16 У Соммерсб. II. стр. 39.

17 Sculpturis, picturis ac tectis mirificis constru-it, сказано въ хроникѣ у Соммерсберга, II. стр. 97, также у архид. Гнѣздн., тамъ же стр. 82.

18 Powszechny pamiętnik nauk i umiejętności, Krak. 1835, кн. I. стр. 310 и слѣд.

19 Л. Лукашевичь, истор. стр. 4.

20 Въ словарѣ Копитара и у Ванерада.

21 Wykład Колара, стр. 32 и слѣд.

22 Nullus cytharae sonus audiebatur in tabernis.

23 Dulci melodia perstrepuit, quod ad hujus dulcem vocis sonitum regis filiae sompno excitatae, Богухв. у Соммерсб. II. стр, 37.

24 Длугошъ, стр. 1056.

25 Sine equo, sine curru vehebatur, timpana, sambuce, fiale, et varii generis harmonia modulando canendoque illam praecedebat.

26 Бѣльскій, стр. 52.

27 Стр. 68: Saltant, saltu ludentes militari, saltantes in equis trans corpus sui heri.

ГЛАВА VIII.

ВЛІЯНІЕ ЧУЖЕЗЕМНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ.

Древніе Греки умѣли усвоить себѣ образованность Азіи и Европы, давши ей отпечатокъ своей народности, и изъ просвѣщенія чуждаго, несвойственнаго имъ, создали просвѣщеніе новое, собственное, и каждому понятное. Такимъ образомъ Греки были просвѣтителями народовъ всего древняго міра; потомъ, по возрожденіи наукъ въ средніе, а еще болѣе въ новѣйшіе, вѣки, сдѣлались наставниками Европейскихъ народовъ. Сѣверные народы также рано, а можетъ быть, еще ранѣе, чѣмъ Западная Европа, имѣя сношеніе съ образованною Элладою, должны были, если не прежде, то, по крайней мѣрѣ, въ одно время, просвѣтиться отъ Грековъ. Хотя науки и искуства Эллиновъ переходили къ нимъ въ глубокой древности, однако жъ не могли найдти у нихъ постояннаго мѣста по причинѣ, совершенно намъ неизвѣстной; развѣ допустимъ, что, по опредѣленію непостижимыхъ судебъ, просвѣщеніе должно было совершить назначенный ему Творцомъ путь, переходя съ Востока къ Грекамъ, отъ нихъ на Западъ, отсюда опять къ Восточно-Европейскимъ народамъ и, наконецъ, посредствомъ ихъ же возвратиться въ прежнія свои обиталища, въ Азію и Америку. Отсюда Славяне, образованные Греками, должны были отпечатокъ совершенной образованности принять только отъ народовъ Западной Европы. Впрочемъ, имъ надобно было проходить разные пути, пока-то удавалось схватить искру свѣта. Они должны были видѣть, какъ эта искра то яснѣла, то угасала, то снова возвращалась и снова исчезала, не могши долго оставаться на избранномъ ею мѣстѣ. Кто только внимательнѣе разсмотритъ исторію просвѣщенія Славянскихъ народовъ, тотъ легко увѣрится въ истинѣ моего замѣчанія. Кто же разгадаетъ причины такого измѣненія? Можно предполагать, что такимъ образомъ, то отдаляясь отъ просвѣщенія, то сближаясь съ нимъ, Славяне, всѣ вообще, болѣе или менѣе, со временемъ, должны будутъ стать на одинакой степени просвѣщенія и имѣть у себя одинакую гражданственность.

Нападенія Азіатскихъ народовъ на Славянъ, упадокъ просвѣщенія въ Византіи, наконецъ, раздѣленіе Каѳолической Церкви на Восточную и Западную, все это было причиной, что у однихъ Славянскихъ народовъ гражданственность мало имѣла успѣховъ, у другихъ же подвержена была вліянію разнороднаго просвѣщенія Западной Европы. Любопытно бы узнать всѣ подробности этого, но невозможно совершенно ихъ исчислить, потому, чтобы истолковать ихъ, надобно коротко ознакомиться съ исторіею Христіанства у Славянъ. Такимъ образомъ, все, что мы здѣсь опустимъ, читатель можетъ найдти въ первоначальной исторіи Христіанской Церкви у Славянскихъ народовъ.

Во время императора Людвика II, прибыли на островъ Рюсенъ Французскіе монахи изъ Кор-

веи, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ Святовита, построили Христіанскую церковь во имя Св. Вита, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сходствомъ сихъ именъ скорѣе обратить Славянъ въ Христіанскую вѣру [1]. Между тѣмъ въ Полабскія страны прибывали Нѣмецкіе миссіонеры вмѣстѣ съ своими родственницами. Выдавая ихъ замужъ за Славянскихъ князей, они надѣялись скорѣе распространить тамъ Христіанство и вмѣстѣ съ этимъ возвысить свой родъ. Такимъ образомъ священникъ Ваго выдалъ сестру свою за Билуга, Князя Бодричей, который, прижитую съ нею дочь, Годигу, долженъ былъ, по неотступнымъ просьбамъ ея дяди, посвятить на служеніе Богу. Въ этомъ упрекалъ его сынъ его, Мечиславъ, прижитый съ первою женою, и упрекалъ по двумъ причинамъ, во первыхъ, что онъ поступилъ противъ отечественнаго права, женившись на Нѣмкѣ, и во вторыхъ, что позволилъ дочь свою сдѣлать монахинею [2].

По заключеніи Гнѣздненскаго договора Болеславомъ Храбрымъ съ императоромъ Оттономъ, священники, пріѣзжавшіе въ Польшу, вводили западные обычаи. Около 1005 года епископъ Урбанъ I, родомъ Итальянецъ, прибылъ въ Смогоржевъ вмѣстѣ съ Итальянскими священниками и книгами, необходимыми для службы Божіей [3]. Въ послѣдствіи, около 1176 года, епископъ Вальтеръ ввелъ богослуженіе по образцу Ліонской Церкви, которую онъ узналъ во Франціи, когда учился въ Парижѣ богословію [4]. Вскорѣ послѣ сего въ Польшѣ распространился и Нѣмецкій языкъ. Когда, во время Болеслава Кривоустаго, Оттонъ, посвященный въ епископы Бамбергскіе, вторично пріѣхалъ въ Польшу и отправился въ Поморье для распространенія тамъ Христіанства, то король съ вельможами, босикомъ, вышелъ къ нему на встрѣчу, за двѣсти шаговъ, съ большими почестями ввелъ его въ церковь въ Гнѣзднѣ и далъ ему въ переводчики Поляковъ, хорошо знавшихъ Нѣмецкій языкъ, потому что Оттонъ, выѣхавши изъ Польши, позабылъ Польскій языкъ и долженъ былъ разговаривать съ Поморянами посредствомъ переводчика [5]. Находясь прежде въ Польшѣ, онъ такъ изучилъ Польскій языкъ, что, по словамъ Хроники [6], каждый принималъ его не за Нѣмца, а за Варвара (Славянина), когда онъ говорилъ по Польски. Западное духовенство приносило съ собою въ Польшу свѣтъ новѣйшей образованности. Въ Польшѣ являлись люди, возбуждавшіе удивленіе въ народѣ своими познаніями [7], что раждало охоту соревновать имъ на семъ поприщѣ и заставляло уважать науки, какъ средство къ полученію высшихъ духовныхъ должностей. И потому въ Польшѣ, въ это время, крестьянскія дѣти часто бывали епископами,

---

1 Гельмольдъ, I. 6.
2 Гельмольдъ, I. 13.
3 Соммерсб. II. стр. 159.

4 У Соммерсб. II. стр. 184.
5 Vita S. Otton. II. 9. V. 111.
6 Vita S. Otton. V. I, 2.
7 Во время Владислава Германа прибылъ на епископство Познанское Діонисій, Итальянецъ, хорошо знавшій Греческ. языкъ (Длуг. I. стр. 310).

какъ, на пр., Лаврентій, епископъ Познанскій [8]. Сверхъ того Польское духовенство славилось въ ученомъ мірѣ своими познаніями. Такъ Кадлубекъ, по своимъ обширнымъ познаніямъ, по истинѣ достоинъ былъ удивленія; его Польскую исторію народъ читалъ съ жадностію. Духовенство возбуждало охоту къ наукамъ и въ свѣтскомъ сословіи, которое, даже на публичныхъ совѣщаніяхъ [9], любило подтверждать свои мнѣнія ссылками на Священное Писаніе; оно пользовалось расположеніемъ къ нимъ королей, которые покупали книги и учреждали библіотеки при духовныхъ заведеніяхъ [10], какъ это сдѣлалъ, на примѣръ, Казиміръ В.; замѣчательнѣе всего то, что духовенство заботилось о чистотѣ народнаго языка. Впрочемъ, все это было дѣлано только соотечественниками: чужеземные священники совершенно онѣмечили бы Польшу, если бы не встрѣтили сопротивленія въ народѣ.

Хотя народъ, слѣдуя въ этомъ собственному влеченію, любилъ обращаться съ чужестранцами и говорить на ихъ языкѣ, даже въ то время, когда охранялъ свой родной уголокъ (Владиміръ Всеволодовичъ, Мономахъ, говоритъ о своемъ сынѣ, что онъ, никогда не выѣзжая изъ отечества, говорилъ на пяти языкахъ), однако жъ всегда заботился о своемъ языкѣ, и этимъ доказалъ, что народность его не совсѣмъ упала; напротивъ, оживляемая чужеземнымъ просвѣщеніемъ, она получала новыя силы, образуясь со всѣхъ сторонъ. Нѣмецкіе миссіонеры, присылаемые въ Полабскія страны для введенія Христіанства, должны были говорить съ народомъ по Славянски; такъ священникъ Бруно всѣ свои проповѣди писалъ по Славянски (verbis Slavicis). Если же случалось, что миссіонеръ былъ несвѣдущъ въ Славянскомъ языкѣ, или говорилъ на немъ такъ не ясно, что народъ не могъ понимать его, то сами Славянскіе князья, которые, обыкновенно, при отечественнымъ языкѣ, знали и Нѣмецкій, объясняли народу слова священника [11]. Послѣ порабощенія Полабскихъ Славянъ, не только графы, но даже и Нѣмецкіе императоры старались изучать Славянскій языкъ, что и поддерживало жизнь его [12]. Почему еще во время Длугоша, слѣдовательно, въ XV в., въ мѣстечкахъ и деревняхъ на Лабѣ, обыкновенно говорили по Польски. Польскіе короли строго наблюдали, чтобы иностранные священники, какъ люди, находящіеся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ народомъ, непремѣнно знали Польскій языкъ, какъ, на пр., Гомпо (Gompo), котораго Болеславъ Храбрый сдѣлалъ Краковскимъ епископомъ [13]. Эти иностранцы привыкли къ новому своему отечеству и сами послѣ наблюдали, чтобы низшіе церков-

---

8 Длуг. I стр. 360.

9 По кончинѣ Казиміра Справедливаго, когда разсуждали объ избраніи новаго государя, то, по поводу малолѣтія наслѣдника престола, одинъ изъ пановъ сказалъ: „Cum verbum sit Sapientis, ve terrae, cujus princeps puer est!“ Богухв. у Соммерсб. II. стр. 50.

10 Архид. Гнѣздн. у Соммерсб. II. стр. 97.

11 Quae mystice dicebantur cupiens Slavicis verbis reddere pleniora. Гельмольдъ. II. 20, 43.

12 Сл. Древн. Шафар. I. стр. 868.

13 Длуг. I. стр. 172.

ные служители, какъ то: Каноники, непремѣнно знали Польскій языкъ. Они знали, что Поляки не охотно принимали къ себѣ священника, съ которымъ должны были разговаривать на чужестранномъ языкѣ. Итальянецъ, или Нѣмецъ, говорилъ въ Польшѣ, хотя испорченнымъ [14], однако жь Польскимъ языкомъ. Иногда даже эти иностранцы, разговаривая съ Полякомъ по своему, нарочно коверкали языкъ. Одинъ Крестоносецъ, по просьбѣ Польскаго священника, отвѣчалъ *ne vrsth* (вмѣсто *ich verstehe nicht*); иногда, по незнанію, въ Польскій языкъ вмѣшивали Нѣмецкіе обороты. Нѣмка Петруша, первая Требницкая монахиня, на вопросъ св. Ядвиги и Генриха Бородатаго, (основателей этого же монастыря), не нуждается ли въ чемъ либо монастырь, отвѣчала Нѣмецкимъ оборотомъ: *Trzeba nic* (какъ бы по Русски: *надобно ничего*); князья, принявши это за остроту, дали основанному ими монастырю названіе Требницкаго (*Trzebnicy*). Другія доказательства [15] представляютъ намъ древнѣйшія хроники. Однако жь, во время сношеній съ Силезіею, отторгнутою отъ Польской Короны, также со временемъ разрыва съ Чехами и вліянія ихъ на Польшу, Польскіе короли измѣнились въ этомъ отношеніи и Нѣмецкую народность предпочитали своей.

Чехи, Селезцы и Поморяне испытали самую горестную участь относительно онѣмеченія, будучи лишаемы народности своими королями и вельможами. Съ XIII ст. въ Чехіи писали стихи по Латынѣ и по Нѣмецки; ибо сами Чешскіе короли, а именно: Премыслъ II и Вечеславъ II, любили сочинять Нѣмецкіи пѣсни, за что Нѣмцы помѣстили ихъ въ числѣ своихъ миннезингеровъ (die Minnesänger). Эти монархи и ихъ супруги сдѣлали то, что Нѣмецкій языкъ былъ въ Чехіи языкомъ придворнымъ, и что Нѣмецкая народность начала брать верхъ надъ Славянскою. Премыслъ II выгналъ, въ 1257 году, Чеховъ изъ Пражскаго предмѣстья и поселилъ тамъ Нѣмцевъ. Края: Локетскій, Тросновскій и Гладскій заселили они также Нѣмцами, а Чешскіе господа, пренебрегая Славянскія прозвища, принимали Нѣмецкія. Такъ *Витки* и *Ральскіе* назвались Розенбергами, а *Стражи* Вартенбергами. Вмѣсто Славянскихъ стали употреблять Нѣмецкія слова, называя судью *Рихтаремъ*, *Коншеломъ* [16]. Уже въ 1334 году игуменъ Збраславскій (de Koenigssaal) замѣтилъ, что въ городахъ почти во всеобщемъ употребленіи Нѣмецкій языкъ, а не Чешскій [17].

Силезскіе князья наперерывъ старались, съ своимъ духовенствомъ, проникнуться чужеземнымъ духомъ, истребить у себя все Славянское и онѣмечить свой народъ. Они очень любили пощеголять Нѣмецкимъ языкомъ, хотя дурно на немъ говорили, на примѣръ, Болеславъ Лысый, князь Вратиславскій, который, хотя очень ху-

---

14 Etsi non integre, corrupte tamen, говорятъ лѣтописцы.

15 1027, 1036, 1072. г. у Соммерсб. II. стр. 161, 172, 181. Длуг. I. стр. 594, 1012.

16 Вацерадъ, 262, Богемарій, сл. praetor praetorium, judex, Scabinus.

17 I. С. Бандтке, I. стр. 294, 295.

до говорилъ по Нѣмецки и возбуждалъ этимъ смѣхъ въ слушателяхъ, однако жь любилъ разговаривать на семъ языкѣ [18]. Гораздо менѣе худыхъ послѣдствій оказалось въ семъ отношеніи въ верхней Силезіи, гдѣ владѣтельные князья женились на Славянкахъ [19]; но въ нижней Силезіи все способствовало тому, чтобъ истребить въ ней народность. Тамошніе князья уничтожали или притѣсняли народныя учрежденія, какъ-то: *земскіе суды* или *чуды*, давали Нѣмцамъ привилегіи и сами приводили народъ Славянскій въ такое положеніе, что онъ домогался Нѣмецкихъ законовъ. Это еще ничего, что какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица, жадныя къ пріобрѣтеніямъ, поселяли Нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ, но замѣчательно то, что даже и тѣхъ крестьянъ, которые имъ приносили такой же доходъ, какъ и чужеземцы, не хотѣли держать у себя, если они не знали Нѣмецкаго языка. Іоаннъ, епископъ Вратиславскій, еще въ XV вѣкѣ грозилъ своимъ поселянамъ выгнать ихъ, если они въ пять лѣтъ не выучатся по Нѣмецки. Такимъ образомъ упадало народное просвѣщеніе, а чужеземное возвышалось, между тѣмъ какъ народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ, проклиная и себя, и тѣхъ, которые отняли у него народность. Не смотря на это, думали (даже и теперь такъ думаетъ Штенцель), что, посредствомъ онѣмеченія, въ Селезіи начала процвѣтать образованность, и что только Нѣмцы учредили тамъ порядокъ въ сельскомъ хозяйствѣ, научивши Славянъ лучше пахать землю. Возможно ли, чтобы Славяне научились у нихъ сельскому хозяйству, когда они сами были образцомъ въ земледѣльческой промышленности для Нѣмцевъ, которыхъ, еще въ XIII в. по Рождествѣ Христовѣ, призвали къ себѣ, чтобы выучиться у нихъ земледѣлію; они же дали названіе плугу и научили Нѣмцевъ употреблять его [20]. Не говоря о Поморянахъ, ибо изъ исторіи Славянъ видно, что, нѣкоторымъ образомъ, сами Поляки были причиною истребленія ихъ народности, я обращу еще вниманіе на Польшу. Я сказалъ уже выше, кому обязаны Поляки за сохраненіе своей народности. Со времени отторженія отъ Польши Силезіи и сношеній ея пястовъ съ пястами Силезскими, Польскіе короли чрезвычайно уважали все Нѣмецкое. Даже при дворѣ Владислава Локетка, которому Польская народность столько обязана, много было Нѣмецкаго. Папроцкій говоритъ (стр. 386), что этому королю, во время его странствованія, понравился какой-то Нѣмецкій мальчикъ и что онъ, вступивши совершенно на Польскій престолъ, сдѣлалъ его своимъ стольникомъ, или, какъ называли его по отправляемой имъ должности, Форлегеромъ (отъ vorlegen). Этотъ Нѣмчикъ, ополячившись въ послѣдствіи, былъ предкомъ столь знаменитаго въ Польшѣ дома *Фирлеевъ*. Менѣе всѣхъ подверглись вліянію чужеземщины Славяне Греческаго исповѣданія, а именно Русскіе и Сербы. Надобно замѣтить, что языкъ Гре-

18 Chronic. princip. Polonor. у Штенц. I. стр. 112.

19 Штенц. стр. 135.

20 Штенцель, стр. 133, 140, 177. и т. д. Неймана Beyträge стр. 8.

ческій не столь вреденъ для Славянской народности и не столь пагубное вліяніе произвелъ на нее, какъ языкъ Латинскій. Безъ сомнѣнія, въ Славянскій языкъ должны были вмѣшаться и Греческіе обороты, но они не такъ разительны, какъ Латинскіе; притомъ Греческіе слова съ Славянскимъ окончаніемъ звучатъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ Латинскіе. Греческій языкъ, ограниченный въ тѣсномъ кругу и даже мало извѣстный Славянскому духовенству Греческаго исповѣданія, не могъ производить рѣшительнаго вліянія на общественныя дѣла; отсюда Русины и Сербы принуждены были совершенствовать отечественный языкъ, въ чемъ они и успѣли вполнѣ; вотъ отъ чего они имѣютъ памятники языка и народнаго законодательства, ознаменованные глубокой древностью.

Самое спасительное вліяніе произвела чужеземная образованность на Славянъ посредствомъ древней письменности. Римская письменность, созданная по Греческимъ образцамъ, сдѣлалась Европейскою чрезъ могущество папъ и значеніе Западной имперіи; притомъ, сама находясь подъ вліяніемъ Христіанства, она породила новыя формы въ поэзіи среднихъ вѣковъ и открыла современникамъ новыя понятія о просвѣщеніи. Забыты были Греческіе образцы, какъ написанные языкомъ, въ то время мало употребительнымъ у Европейскихъ народовъ, особенно, когда сталъ упадать Царьградъ и когда Восточная Церковь почти не имѣла никакого значенія въ Европейскомъ Христіанствѣ. И такъ, Греческая письменность предана была забвенію до тѣхъ поръ, пока снова, по той же самой причинѣ, какъ и Римляне, то есть, по ея внутреннему достоинству, Европейскіе народы въ XVI в., а именно, Итальянцы, Французы, потомъ Голландцы, Англичане и Нѣмцы, не возвратили ее къ жизни, основавши на ней изящный вкусъ и начала науки.

Вообще у всѣхъ Славянъ Греческія науки никогда не имѣли хорошаго успѣха; лучшій успѣхъ имѣли Римскія науки у тѣхъ Славянъ, которые, въ то время, находясь на высокой степени могущества, могли сохранить свою народность и вмѣстѣ питать отечественное просвѣщеніе чуждою стихіею, не покаряясь, однако жь, чужеземцамъ. Памятники Чешской письменности сего періода убѣждаютъ насъ въ благопріятномъ вліяніи Римскихъ наукъ на просвѣщеніе этой страны; а Польскія лѣтописи, обыкновенно писанныя по Латинѣ, свидѣтельствуютъ, что въ Польшѣ очень любили читать древнихъ Римскихъ писателей. Исключая Мартына Галла, о которомъ сказано было выше, видно изъ лѣтописцевъ, писавшихъ послѣ него, а именно, изъ Кадлубка, что онъ зналъ Трога Помпея, или просто сказать, сократителя его, Юстина; безъ сомнѣнія онъ зналъ также Плинія, или, по крайней мѣрѣ, Солина; наконецъ, зналъ Виргилія, съ, его истолкователемъ, Сервіемъ. Дополнитель Кадлубка въ слѣдующемъ вѣкѣ приводитъ изъ древнихъ писателей: Аристотеля, Цицерона, Макробія, Овидія, Сенеку, Валерія Максима, Григорія Назіанзина, Августина, Іеронима и другихъ, а изъ разныхъ народовъ: Итальян-

цевъ, Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ [21]. Сравнивая просвѣщеніе Чеховъ и Поляковъ съ тогдашнимъ просвѣщеніемъ другихъ Славянскихъ народовъ, должно признаться, что оно, особенно у Славянъ Греческаго исповѣданія, или было незначительно, или, не имѣя постояннаго средоточія и твердыхъ основаній, блуждало по неизмѣримому океану тогдашней Европейской учености, не зная, куда и какъ пристать: потому-то нельзя получить вѣрнаго понятія объ образованности Русскихъ и Сербовъ по памятникамъ ихъ просвѣщенія. Это особенно затѣтно, если мы разсмотримъ ихъ общественную жизнь, въ чемъ лучше всего убѣдитъ насъ слѣдующая глава сего сочиненія. Читая сказанное мною тамъ, и сравнивая нравы и обычаи Славянъ обоихъ исповѣданій съ мнѣніемъ моимъ въ исторіи Славянскаго законодательства о первоначальной образованности Славянъ, легко замѣтите вліяніе чужеземцевъ и на частную жизнь Поляковъ. Эта жизнь должна была колебаться тамъ, гдѣ чуждая стихія соприкасалась родной, особенно, когда духъ собственнаго просвѣщенія не былъ еще такъ силенъ, чтобы, занимая хорошее у чужеземной образованности, могъ не заразиться худыми его качествами. Однако жь, какъ въ мірѣ физическомъ, борьба стихій, производя по всюду или ненастье, или ведро, печалитъ и утѣшаетъ смертныхъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ, борьба зла съ добромъ, то тревожа, то развеселяя человѣка, оставляетъ яркій отпечатокъ на его образованности и признаки зла или добра, смотря потому, что выстрадалъ смертный въ борьбѣ съ страстями. Но какъ борьба стихій очищаетъ воздухъ и приноситъ здоровье физическому міру, а борьба страстей образуетъ человѣка, такъ и соприкосновеніе съ чужеземнымъ просвѣщеніемъ развиваетъ народность націй всегда болѣе въ ея пользу, чѣмъ во вредъ, если только самъ народъ умѣетъ уважать себя и не унизитъ своей народности, предпочитая ей чуждую.

---

21 Tygodn. Wil. I. стр. 54, 225.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВЛІЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ НА НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ НАРОДА.

ГЛАВА I.

ВЗГЛЯДЪ НА СЛАВЯНСКУЮ МИѲОЛОГІЮ.

Полабскіе и другіе Славяне отличались одинъ отъ другаго, какъ политическими учрежденіями, такъ и религіозными обрядами, хотя главные догматы религіи, у тѣхъ и у другихъ, были одинаковы. Закарпатскіе Славяне, по свидѣтельству Прокопія, вѣрили въ одно существо, виновника всего сущаго, управляющее міромъ посредствомъ подвластныхъ ему боговъ нисшаго разряда, а Славяне Полабскіе, говоритъ Гельмольдъ, вѣрили, что Богъ, единый и высочайшій, будучи занятъ дѣлами небесными, управляетъ міромъ посредствомъ меньшихъ боговъ, рожденныхъ отъ его крови, изъ коихъ пользуется особеннымъ уваженіемъ тотъ, кто ближе къ сему, единому Богу [1]. Это не что иное, какъ древніе догматы, которые были распространены Греческими мудрецами уже во времена языческія и потомъ перешли къ ихъ сосѣдямъ Славянамъ, сохраняясь вмѣстѣ съ колдовствомъ и суевѣріями, и будучи смѣшаны съ понятіями о многобожіи, какъ это было и у Грековъ. Кромѣ единаго, высочайшаго Бога, властителя громовъ (котораго отъ дѣйствія главной его силы, называли *Перуномъ* и, должно быть, вообще *Богомъ*), всѣ Славяне воздавали честъ водѣ, главной стихіи смертныхъ. Антонъ замѣчаетъ [2]: какъ Греки называли небесныя свѣтила *богами* (θέος) по теченію ихъ, такъ и Славяне, дословно переводя Греческое выраженіе, называли своихъ боговъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можетъ служить сказанное Страбономъ о *Гетахъ* (такъ иногда ошибочно называли Славянъ Византійскіе лѣтописцы) [3]. Страбонъ прямо говоритъ, что Геты называли рѣки также *богами*, какъ бы для того, что онѣ находятся въ безпрестанномъ *бѣгѣ*. Хотя рукописи Страбона [4] (ибо онъ передалъ намъ извѣстіе объ этомъ) несогласны въ семъ мѣстѣ, однако жъ свидѣтельство его подтверждается самымъ названіемъ, которое давали и до сихъ поръ даютъ нѣкоторымъ рѣкамъ на Руси и въ Польшѣ (*Boh*, *Bug*). Такъ какъ ни въ одномъ Славянскомъ нарѣчіи не пишется *beg*, *бѣгъ* (отъ древняго Славянскаго слова), но

1 Прокоп. у Визант. II. стр 132. Гельмольдъ I. 43.

2 Erste Linien, I. стр. 39.

3 Theophylact. у Визант. III. стр. 175, 182.

4 Шафарикъ Ueber die Abkunft der Slawen, стр. 222.

bog, *богъ* то, потому, и не льзя такимъ образомъ производить его, напротивъ, начала его надобно искать въ Восточныхъ языкахъ [5].

Языческіе Славяне сходились въ понятіяхъ о Высочайшемъ существѣ, также въ понятіяхъ о чародѣйствѣ, суевѣріяхъ и религіозныхъ обрядахъ, но они имѣли чрезвычайно различныя понятія о нѣкоторыхъ богахъ. Миѳологія нашихъ предковъ представляетъ до сихъ поръ еще необработанное поле, не смотря на то, что многіе занимались ею. Правда, она слишкомъ обширна, но все же объяснить ее дѣло возможное; нужно только заняться тѣмъ, пролагая себѣ новую дорогу и откладывая въ сторону все, что ученые до сихъ поръ написали о семъ предметѣ. Исключая изысканія Зоріяна Ходаковскаго, также труды г. Шафарика (а именно разсужденіе о Русалкахъ) [6], все прочее, написанное до сихъ поръ о Славянской миѳологіи, исполнено погрѣшностей. Чтобы достигнуть цѣли, надобно сперва собрать народныя преданія о чародѣйствѣ и суевѣріяхъ, сравнить ихъ съ тѣмъ, что упоминается въ народныхъ пѣсняхъ о праздникахъ и обрядахъ, о боготворимыхъ звѣряхъ и деревьяхъ, о растеніяхъ, скалахъ, мѣстахъ, болѣзняхъ и предразсудкахъ; наконецъ, обратить вниманіе на названія языческой миѳологіи, сохранившіяся въ памятникахъ нашего языка. Когда мы вникнемъ въ этотъ предметъ и изучимъ миѳологію Нѣмецкихъ народовъ, недавно только изданную г. Гриммомъ [7], то намъ легко будетъ отличить, что у насъ есть свое собственное, народное, а что Нѣмецкое. Обращаю вниманіе будущаго изыскателя на нѣкоторыя подробности касательно этого.

Разсмотрѣвши первоначальную исторію Христіанской церкви у Славянъ обоихъ исповѣданій, не трудно будетъ понять, отъ чего за Карпатами гораздо ранѣе исчезли слѣды язычества до такой степени, что оно сохраняло еще нѣкоторую жизнь только въ кудесничествѣ и суевѣріяхъ народа. По эту сторону Карпатъ язычество держалось долѣе, но смѣшалось съ Нѣмецкими и потомъ Христіанскими понятіями. Это смѣшеніе увѣковѣчила поэзія, а именно, Чешская, которая, во времена Христіанства, воспѣвала остатки язычества и, такъ сказать, смотрѣла на язычество Христіанскими глазами. Сверхъ того, Христіанско-языческимъ обычаямъ на Лабѣ придавало жизнь притѣсненіе тамошнихъ народовъ, произведенное Латинской Церковію. Памятники Чешскаго язычества, упомянутые въ Краледворской рукописи (въ пѣсни *Забой*) и у Космы (я привелъ ихъ выше, говоря о театрѣ), въ самомъ дѣлѣ свидѣтельствуютъ объ языческихъ народныхъ обрядахъ (ибо слова Космы относятся къ празднику Русалокъ), но творецъ этой пѣсни употребилъ выраженія, которыя были во всеобщемъ употребленіи во времена Христіанства. Это видно изъ слова *обѣтъ* (obiet), употребленнаго вмѣсто прежняго язы-

5 *Bhaga*, Богъ, счастіе, изобиліе; см. слов. Юнгм. подъ словомъ *buh*.

6 Časopis.

7 Deutsche Mythologie.

ческаго выраженія *жертва* (žirtwa) [8].

Дитмаръ говоритъ (на 11 стр.), что Славяне не вѣрили въ безсмертіе души, но это мнѣніе не было Греческо-Славянское языческихъ временъ, слѣдовательно, не народное и, можетъ быть, принято только малымъ числомъ Славянъ, потому что прочіе Славане, жившіе на Лабѣ, еще въ XII в., вѣрили въ безсмертіе человѣческой души. Въ государственномъ актѣ [9] 1240 г. сказано, что языческіе жрецы у Поморянъ показывали народу, что они видятъ, какъ душа благочестиваго человѣка переносится на небо къ другой жизни, сопровождаемая многочисленною дружиною.

Лѣтописцы [10] XI и XII в. говорятъ объ истуканахъ, стоявшихъ въ храмѣ, или тамъ же лежавшихъ на пурпурномъ ложѣ, о воинственномъ убранствѣ боговъ, о коняхъ, посвященныхъ богамъ, о военныхъ принадлежностяхъ, объ убіеніи Христіанъ въ жертву; приводятъ также названія боговъ: Святовида, Радагоста, Прове, Сивы. Но кто и здѣсь не замѣтитъ Нѣмецко-языческихъ религіозныхъ вѣрованій, которыя присвоены этими Славянами, также чужихъ и народныхъ, переиначеныхъ боговъ (Святовитъ, божество воинственное, не было народно-Славянское), которые, лучше сказать, представляли свойства единаго Бога (гостепріимство, справедливость, красоту), а не отдѣльныхъ боговъ? Прочіе Славяне не знали ихъ, представляя себѣ, разумѣется, подъ другимъ именемъ сіи свойства великаго Бога. Тоже самое должно сказать о раздѣленіи боговъ на *бѣлыхъ* и *черныхъ* (по Гельмольду), безпрестанно враждующихъ между собою. Это раздѣленіе тоже неизвѣстно прочимъ Славянамъ. Еще болѣе запутали этотъ предметъ позднѣйшіе лѣтописцы и составители словарей (именно Длугошъ и Вацерадъ); они давали чуждое названіе Славянскимъ богамъ, примѣривали на нихъ маску, снятую съ Римскихъ, Греческихъ, Скандинавскихѣ и Индійскихъ боговъ, и потому, обрывки, такъ сказать, оставшіеся намъ отъ языческо-Славянской миѳологіи, суть не что иное, какъ слова безъ дѣла, названія безъ значенія, замокъ, къ которому надобно пріискать ключъ, изучивши нашу народность и, особенно, народныя преданія и духъ языка.

Объясняя свою миѳологію, мы должны будемъ запастись надлежащимъ грузомъ наукъ, чтобы законнымъ образомъ можно было возвратить то, что присвоили себѣ Нѣмцы и почитали своимъ; кромѣ того, будемъ помнить, что обѣ стороны, они и мы, еще до сихъ поръ исторически не изучили Славянскаго языка. Такъ г-нъ Гриммъ [11], принимая слово *zoper* (чародѣй) за Нѣмецкое, не обратилъ вниманія на то, что оно од-

8 Вацерадъ говоритъ: Sacrificium sirtwi, quod Christiani offerunt obet. Древніе Славяне, будучи язычниками, въ честь божества сжигали тѣла, которыя *пожиралъ* огонь, а мѣсто, на которомъ *требушили* звѣря, называли *требищемъ* или жертвенникомъ, отъ *треба* или *требити*, также трьбухъ, (См. Glag. Clos. стр. 94.)

9 У Дрегера I. стр. 287.

10 Дитмаръ, стр. 150, 151, 239, 242. Гельмольдъ, I. 21, 52. Адам. Бремен. гл. XI. Vita S. Otton. V. II. 11.

11 Deutsche Mythologie, стр. 581.

ного корня съ словомъ жупа, и потому оно скорѣе Славянское, чѣмъ Нѣмецкое. Такимъ образомъ *zoper* дословно значитъ тоже самое, что и Латинское *paganus*. Ибо только въ жупахъ (рудокопняхъ) таились еще остатки Славянской миѳологіи, которые, съ теченіемъ времени, совершенно оставили города.

Кудесничество и предразсудки описаны будутъ ниже. Теперь поговорю о Тризнѣ, которую вообще почитаютъ народно - Славянскимъ обрядомъ.

Корень слова *Тризна* неизвѣстенъ, но, по значенію, оно подходитъ къ Латинскому *tristitia* [12]. Несторъ говоритъ [31], что тѣло умершаго сжигали на кострѣ; оставшійся пепелъ и кости клали въ урну, которую ставили на столбахъ при дорогѣ.

Изъ Іорнанда (гл. 49) видно, что Гунны такимъ же образомъ погребали Атиллу. Такъ какъ лѣтописецъ называетъ сей обрядъ *яствами*, то очевидно, что послѣ похоронъ совершалось пиршество въ честь умершаго. Косма (стр. 197), описывая языческіе обряды Чешскихъ поселянъ въ честь умершихъ, прибавляетъ также, что въ это же время они совершали игры, выражая плачемъ и стономъ свою печаль по умершемъ. Въ отрывкѣ изъ путешествія одного Англичанина надъ Вислою до 900 г. по Р. Х. упоминается объ Эстонцахъ, что если кто нибудь умретъ изъ нихъ, то тѣло его остается не похороненнымъ нѣсколько времени, потомъ его сожигаютъ и совершаютъ пиршество, издерживая на то собственность умершаго, остатки же отъ имѣнія раздѣляютъ на нѣсколько частей и раскладываютъ въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи; наконецъ, наѣздники начинаютъ ристаніе, и тотъ забираетъ себѣ разложенныя части, кто скорѣе всѣхъ прискакиваетъ къ нимъ [14]. Мнѣ кажется, что этотъ обычай существовалъ и у Славянъ. Закапываніе мертвыхъ тѣлъ въ землю [15] введено было только со временъ Христіанства [16].

12 Trizn ot pohanow trpiechu, glossa passionalis, стр. 271.

13 У Шлецера, I. стр. 125.

14 Chroniques, memoires et recherches par Jean Potocki, Varsovie, 1793. стр. 138.

15 *Погребсньe*, въ Словарѣ Копитара.

16 Гельмольдъ I. 83.

ГЛАВА II.

ХРИСТІАНСКОЕ БЛАГОЧЕСТІЕ И ДОМАШНІЯ ЗАНЯТІЯ.

Христіанство, будучи распространено у Славянъ, сперва въ смѣшеніи съ язычествомъ, потомъ во всей чистотѣ своей, пришлось по душѣ народу, который любилъ таинственность, и уже имѣлъ ясныя понятія о религіи, когда еще жилъ въ язычествѣ. Это утвердило въ народѣ набожность, которой онъ былъ очень преданъ; если же иногда выходилъ изъ ея границъ, то болѣе по привычкѣ, нежели изъ фанатизма.

„Молись и трудись!" было зовомъ Славянина. Отъ Бога начиналъ онъ и Богомъ же оканчивалъ всѣ свои занятія; въ религіи искалъ утѣшенія всѣмъ сво-

своимъ страданіямъ. Упомянутый государственный актъ 966 г. говоритъ, что Болгары, во время засухи, въ постѣ и молитвѣ упрашивали небо, чтобы оно послало на землю дождь. Угорское дворянство носило съ собою древо Св. Креста, какъ талисманъ. Короли поручали свои государства покровительству Богородицы и почитали ее своею главною заступницею [1]. Такое стремленіе къ набожности иногда выходило изъ границъ. Коломанъ, король Галицкій, женившись на сестрѣ Лешка Бѣлаго, Саломоніи, сохранилъ супружескую непорочность, а жена его унесла съ собою въ гробъ свою дѣвственность. Извѣстно, что такую же жизнь вели Болеславъ Стыдливый и, жена его, Кунегунда, Угорская королевна, внука св. Ядвиги, княгини Вратиславской. Эта же св. Ядвига, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружескаго сожитія, заключилась въ, основанномъ ею, Требницкомъ монастырѣ и навсегда отказалась отъ свѣта. Ея мужъ, Генрихъ Бородатый, усильно просилъ ее, чтобы она, хотя еще разъ, увидѣлась съ нимъ, но, уже умершая для свѣта, отказала ему въ томъ [2].

Славянинъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ всегда былъ дѣятеленъ и смѣтливъ. Обработывая всѣ отрасли домашняго хозяйства, съ усердіемъ занимаясь торговлею, находя пользу въ ремеслахъ и искусствахъ, и воздѣлывая науки, какія только были доступны ему, онъ пріобрѣлъ умѣнье, легкость и вмѣстѣ постоянство труда, которому всегда удивлялись и удивляются въ Славянскомъ дворянствѣ и народѣ. Время, свободное отъ трудовъ, онъ посвящалъ удовольствіямъ, которыя опишу ниже, или предавался занятіямъ легкимъ, которыя служили ему отдохновеніемъ. Мужчины высшаго сословія посвящали время отдохновенія охотѣ, а женщины занимались пряжею, тканьемъ матерій и вышиваньемъ. Древнѣйшіе придворные чины занимались рыцарскимъ искуствомъ или охотою, о чемъ мы уже говорили въ исторіи законодательства Славянъ. Славянинъ, занимаясь охотою, укрѣплялъ свое тѣло и пріучалъ его переносить всѣ невыгоды военной жизни. Мужество нѣкоторыхъ Славянскихъ воиновъ доходило до высочайшей степени; таковъ былъ Святославъ, кн. Русскій, о которомъ Несторъ говоритъ, что въ походѣ съ нимъ не было ни возовъ, ни котла; что онъ не варилъ мяса, но разрѣзывая дичину, или кобылятину, на тонкія куски, пекъ ее на угольяхъ и употреблялъ въ пищу; что ни у него, ни у его воиновъ, не было шатровъ, а постелью имъ служило сѣдло, положенное подъ голову. Прялка, кудель, веретено и нитки были главныя слова, [3] такъ сказать, въ туалетномъ языкѣ проворной Славянки, даже изъ княжескаго рода. Въ 1330 г. прибылъ въ Марбургъ, въ Германіи, знаменитый Угорецъ [4] и засталъ, что дочь Андрея II, Елисавета, выданная за мужъ за Нѣмецкаго князя, пряла въ кругу своихъ служанокъ. Пряжею занималась так-

1 1220—1272 г. у Фейера III. стр. 304. V. I. стр. 206.

2 Длугошъ, I. стр. 605, 660, 661, 663.

3 Они приведены у Вацерада и въ Слов. Копитара.

4 У Фейера, III. 2. стр. 215.

же св. княгиня Ядвига, супруга одного изъ могущественныхъ Пястовъ того вѣка [5]. Это не было признакомъ грубыхъ обычаевъ и сельской простоты тогдашняго вѣка, ибо, исключая названія убранствъ, показывающія высокое образованіе того времени, въ туалетномъ языкѣ древнихъ Славянокъ также было названіе зеркала (у Вацерада); уже тогда они думали, что при трудахъ можетъ быть легко допущена роскошь въ убранствѣ, если и то, и другое употреблено будетъ съ умѣренностію и благоразуміемъ.

На Поморьѣ уже во времена языческія посвящали свободное время забавамъ въ публичныхъ зданіяхъ. Лѣтописцы, изображая жизнь св. Оттона, разсказываютъ, что народъ въ этихъ зданіяхъ исполнялъ всѣ свои дѣла и предавался удовольствіямъ, и съ этой цѣлію всегда сходился тамъ въ извѣстные дни и часы [6]. Также, въ свободное время, онъ ходилъ въ баню. Въ упомянутомъ государственномъ актѣ 866 г. говорится о баняхъ у Болгаровъ; извѣстно также, что св. Андрей, прибывши на Русь (см. Нестора), видѣлъ множество народа, который, подъ открытымъ небомъ, употреблялъ баню. Польскіе короли также любили ее, но нѣкоторые несчастно окончили въ ней жизнь [7]. Лѣтописцы рѣдко упоминаютъ о томъ, чтобы Славяне веселились за чарками; такъ, на примѣръ, Дитмаръ (стр. 219) говоритъ о бѣлой княгинѣ, которая (его слова), вмѣсто того, чтобы сучить веретеномъ и вести скромную жизнь, ѣздила верхомъ по рыцарскому обычаю, неумѣренно пила и, наконецъ, колотила всякаго, кто ей ни попадался. Однажды, въ гнѣвѣ, она собственноручно убила человѣка. Для удовольствія занимались также разведеніемъ цвѣтовъ, такъ, на примѣръ, Лаврентій, [8] епископъ Вратиславскій, былъ большой охотникъ до розъ, которыя онъ часто нюхалъ и, получивши отъ этого ревматизмъ въ носу, умеръ. Вечеромъ сбирались передъ каминомъ слушать сказки, или играть въ деньги, что встрѣчаемъ уже въ древнѣйшія времена. Одинъ панъ очень забавно разсказывалъ о Казимірѣ Великомъ, какъ этотъ государь, будучи еще Сандомірскимъ княземъ, игралъ до самой ночи съ какимъ-то шляхтичемъ, который, разгорячившись виномъ и разсердившись, что много проигралъ денегъ князю, ударилъ его въ лицо, однако жъ государь не разгнѣвался и не принялъ этой дерзости за оскорбленіе своего Величества; онъ простилъ виновника, какъ пьянаго [9]. У Чеховъ было постановленіе [10], что никто не могъ проиграть болѣе того, что носилъ въ поясѣ. Чаще всего играли въ шашки и кости, ставя на счастіе лошадей и разныя утвари [11]; также играли, перегоняя другъ друга и назначая награду тому, кто первый станетъ у цѣли. Даже женщины любили

---

5 І. С. Бандтке, Ист. 1. стр. 263.

6 Nam sive potare, sive ludere, sive seria sua tractare vellent, in easdem aedes certibus (certis) diebus conveniebant et horis.

7 Длугошъ, І. стр. 869.

8 Длуг. І. стр. 648.

Длуг. І, стр. 533.

10 Статутъ Иглавскій, у Добн. IV. стр. 219.

11 Архид. Гнѣзд. у Сомм. II. стр. 107. Статутъ Каз. стр. 90.

такого рода забавы. Стефанъ II, король Угорскій [12], далъ въ награду одной знатной дѣвицѣ кусокъ тонкаго сукна за то, что она перегнала дочь его. *Игрищемъ* [13] назывались также всякія умственныя и физическія упражненія.

ГЛАВА III.

УБРАНСТВО, ПИЩА, ПИРЫ.

Славянинъ, приходя въ храмъ Божій, навѣщая друзей, являясь на пиры или принимая у себя гостей, всегда любилъ показаться опрятнымъ и даже роскошнымъ. Доказательствомъ тому служатъ слова, означающія убранства, или выгоды жизни, которыми Славянинъ никогда не пренебрегалъ, впрочемъ, не слишкомъ гоняясь за ними. Вацерадъ и Словарь Копитара представляютъ намъ много выраженій, изъ которыхъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторыя понятія объ этомъ, разсмотрѣвши и сравнивши ихъ съ тѣмъ [1], что представилъ намъ Ганка де Ганкенштейнъ, заимствованное имъ изъ неизвѣстнаго источника.

Прокопій говоритъ, что древніе Славяне были грязны и неопрятны и жили въ лачужкахъ, которыя они называли халупами (ἐν καλύβαις). Мы не станемъ разбирать, точно ли такъ жили всѣ Славяне въ VI в. по Р. Х., т. е., во времена Прокопія, но достовѣрно только то, что въ позднѣйшемъ ихъ языкѣ встрѣчается много словъ, показывающихъ совершенно другой образъ жизни. Ихъ домы, которыя назывались или дворами (храминами), или клѣтями, или халупами, какъ видно, были обширны, потому что они имѣли ворота, стеклянныя окна и украшались утварями; изъ числа послѣднихъ приводятся ложе, тазъ или, какъ его называли, умывальница, сундуки (Skrnie) и полки, на которыхъ помѣщались ложки, чаши или кубки, и миски. Они выѣзжали изъ дому въ возкѣ, или въ саняхъ (слова, извѣстныя Нестору), надѣвали на голову шапку (чепица, чепецъ); носили исподнее платье, на ноги надѣвали *кирпы* или *кирпцы* (kyrpie, kyrpce), (такъ и теперь еще жители Карпатъ называютъ черевики и сапоги); на пальцы надѣвали перстни [2], на голое тѣло рубашку [3], а все тѣло покрывали плахтою [4] или плащемъ, т. е., какъ я думаю, лѣтнимъ, или зимнимъ верхнимъ платьемъ. Этотъ плащь у женщинъ назывался ризою, также употреблялся, какъ нынѣшніе салопы и, какъ видно, былъ цвѣта бѣлаго, всегда чистый и опрятный, отъ чего Славяне и называли женщинъ *бѣлою плетью*, (по Польски płeć biała), а отъ бѣлыхъ платковъ, которыми они повязывали голову, *бѣлыми головами* (по Польски biała

---

12 1263 г. у Фейера, IV. 3. стр. 158.

13 У Вацерада *ihrisce*, гимназія.

1 Recension der aeltesten Urkunde der Slavichen Kirchengeschichte, Literatur und Sprache.

2 Остром. Еванг. стр. 129 у Добровскаго Cyrill u. Meth.

3 Прежде *serkr*, *sraka*, потомъ *rubass*, *ruszka* (Древн. Шафар. 1. стр. 436).

4 *Plahta* у Грим. Deutsche Mytholog., стр. 121. Славянское ли это слово, или Германское?

głowa) [5]. Въ томъ же упомянутомъ государственномъ актѣ, 866 года, сказано, что мужчины у Болгаръ покрывали голову *завойкою* (это слово сохранилось у Вацерада), или чалмою, какъ мнѣ кажется, по обычаю Восточныхъ народовъ, и употребляли также исподнее платье. [6] Константинъ Багрянородный (въ 37 гл.) говоритъ, что верхнее платье Печенѣговъ состояло изъ кафтана безъ рукавовъ, спускающагося по самыя колѣни. Я думаю, что и Славяне, занимаясь земледѣліемъ и войною, носили сперва короткое платье, потомъ широкое или, какъ говоритъ Тацитъ [7], присвоили себѣ Сарматскую одежду. Вацерадъ назвалъ теплую женскую одежду *карпачкомъ* (не каначекъ ли, kanaczek, по Польски дорогое платье?), а мужскую *парусным сукномъ* (по Польски Rantuch, покрывало, sukno, сукно); сверху она перевязывалась, у женщинъ поясомъ, а у мужчинъ кушакомъ. Изъ приведеннаго Вацерадомъ Латинскаго слова *marsupium* я заключаю, что въ этомъ поясѣ, какъ и теперь еще дѣлаютъ Польскіе крестьяне, прятали также деньги. Самое теплое платье, или шуба, у бѣдныхъ называлась *козою* (кожа, кожухъ), потому что оно дѣлалось изъ козьяго (бараньяго) мѣха. Еще въ XIV в. Чехи [8] называли шубы *козами*, а нѣкоторые даже выводятъ отъ этого слова названіе Кашубовъ, Еще до сихъ поръ этотъ народъ называетъ Коазами и Кашпами тѣхъ изъ своихъ земляковъ, которые носятъ шубы, а Кабатками, которые употребляютъ суконное платье [9].

Нарядъ дѣвицъ неизвѣстенъ. Можно предполагать, что онѣ на головѣ носили вѣнокъ, потому, что въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ часто упоминается о вѣнкахъ. Такъ и древняя пѣсня Полабскихъ Славянъ [10] почитаетъ вѣнокъ украшеніемъ дѣвицъ.

Польскіе лѣтописцы [11], разсуждая о новѣйшихъ временахъ, говорятъ, что Польская шляхта тратила деньги на собакъ, лошадей и убранство. Если шляхтичь имѣлъ одну только лошадь и одѣвался полотнянымъ плащемъ [12], то это означало бѣдность. Вообще одежда была пышная, если судить потому, что говоритъ Галлъ, описывая дворъ Болеслава Храбраго. Обыкновенная одежда высшагo класса людей сходна была съ Нѣмецкою: носили кафтанъ, исподнее платье, а сверху плащъ; на ноги надѣвали сапоги [13]; пунцовый же цвѣтъ принадлежалъ къ красивымъ, а тѣмъ, которые осуждены были на лишеніе чести, запрещено было носить этотъ цвѣтъ [14]. Отпускать бороду также почиталось украшеніемъ, а кому-нибудь погладить ее значило оказать ласку, или милость [15]. Чехи до XIV в. одѣвались также, какъ и

5 Колара Wyklad стр. 484.
6 У Вацерада *hlacze*, *skorne*, у Ганки изъ Ганкенштейна также въ §. 22. R. Z. C. *nohavice*.
7 Germania, гл. 17.
8 Богемарій, 146.

9 Jahresbericht, стр. 66.
10 Beytrage и т. д. I. стр. 141.
11 Галлъ, стр. 152, 153. Vita S. Stan. стр. 346 и 348.
12 Длуг. I. стр. 970.
13 Camusia, femoralia, ocreae, Богухв. у Сомм. II, стр, 69.
14 Длуг. I. стр. 882.
15 Галлъ, стр. 101.

прочіе Славяне. „Тогда, говоритъ лѣтописецъ [16], произошла большая перемѣна въ обычаяхъ и одеждѣ; сперва носили бороду, потомъ стали ее брить, а теперь опять запускаютъ ее, съ волосами же на головѣ дѣлали разныя чудеса. Одни завивали ихъ въ локоны и закладывали за уши, другіе опускали ихъ назадъ, покрывая свои плечи длинными кудрями. Шапокъ не было въ употребленіи, а ходили съ открытою головою. Введенъ былъ обычай напѣвать пѣсню, идя по улицѣ, а въ танцахъ употреблять присѣсты и небольшіе прыжки. Каждый наперерывъ старался изобрѣсти новую моду на платье и выказать въ этомъ свое остроуміе. Носили короткія платья съ длинными рукавами, которые забрасывались назадъ, такъ, что спадали на плечи и висѣли, какъ ослиныя уши [17]. Двое слугъ, съ большимъ трудомъ, едва могли натянуть на своего господина преузкое платье. Другіе, вмѣсто шапки, носили длинной капишонъ, оканчивающійся длинной кистью и спадающій до земли. Даже мужичьё полюбило эти глупости. Обувь была тѣсная, а пояса широкіе, окованные металлическими кольцами; иногда, вмѣсто пояса, носили веревку, какъ монахи ордена св. Франциска, и обвивали ею не только бедра, но и ляжки, по самыя косточки. Женскій головной уборъ состоялъ изъ повязки, испещренной множествомъ лентъ. Платье было узкое, обшитое широкими лентами, все въ складкахъ, и тащилось по землѣ; башмаки тѣсные, въ которыхъ женщины ходили, какъ въ оковахъ. Вообще, справедливо сказано объ насъ, Чехахъ (говоритъ лѣтописецъ), что мы сдѣлались обезьянами, которыя подражаютъ всему, что увидятъ. Старики ропщутъ на это, но про себя, потому что, если бы кто вслухъ смѣялся надъ этѣми глупостями, то подвергнулся бы такой же участи, какъ и тотъ *хулитель въ Горахъ* (in Montibus), который, въ наказаніе, былъ умерщвленъ за пристрастіе къ стариннымъ варварскимъ обычаямъ, по словамъ молодежи."

Пиры давались, или во время народныхъ празднествъ, изъ которыхъ извѣстны намъ два главнѣйшія, т. е., праздникъ Русалокъ и посѣва, также жатвы; [18] или во время частныхъ, семейныхъ празднествъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ была тризна. Эти праздники совершались подъ открытымъ небомъ. Намъ неизвѣстны подробности Славянскихъ пировъ; мы знаемъ только, что во время празднествъ кругомъ обносили чашу, подчивая другъ друга (какъ говоритъ Гельмольдъ у Галла, въ упомянутомъ мѣстѣ); знаемъ, также, какими они угощали кушаньями и напитками. Во время дождливой погоды пировали подъ крышею, о чемъ я уже упомянулъ, говоря о гонтинахъ.

Въ древнее время любимымъ кушаньемъ Славянъ было вареное пшено, называвшееся въ XIV в. у Чеховъ *яглами* [19]. Пришедша-

---

16 Franc. de Weitemil, около 1329 г. S. R. B. II. стр. 162.

17 Quasi auris asinina aliquibus dependens usque ad terram.

18 О Русалкахъ я уже говорилъ выше, а о жатвѣ говоритъ Саксонъ Грам., Галлъ, въ *Beytrage* и т. д. I. стр. 55.

19 Древн. Шаф. I. стр. 210. Bohemarius, 293.

го гостя хозяинъ подчивалъ хлѣбомъ и солью!, потомъ сажалъ его за столъ, накрытый скатертью [20]; на столѣ лежалъ хлѣбъ (древнее Славянское слово, какъ сказано, занятое у Славянъ Готами, которые называли его chlaibs), разрѣзанный или цѣлый, въ небольшомъ видѣ (кружками, говоритъ Вацерадъ). Какъ теперь, по окончаніи жатвы, земледѣльцы приносятъ въ даръ хозяину вѣнокъ изъ колосьевъ, такъ и во времена языческія, по словамъ Саксона Грамматика [21], приносили Богу огромный колачъ, которымъ жрецъ закрывался, какъ щитомъ, спрашивалъ у народа, видно ли его за этимъ колачемъ? Когда ему отвѣчали, что видно, то онъ обращался къ алтарю и просилъ Бога даровать въ будущемъ году столь обильную жатву, чтобы набожный народъ могъ ему принести въ жертву гораздо большій колачъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ приготовляли колачъ во времена языческія. Во времена же Христіанскія колачъ дѣлали съ изюмомъ и кореньями, по Восточному обыкновенію. Имъ угощали особенно тогда, когда хотѣли кого-нибудь почтить, отъ этого и даваемыя въ подарокъ лакомства называли также колачемъ. Ставили еще на столъ множество разныхъ кушаньевъ, которыхъ названія частію намъ извѣстны. По словамъ Гельмольда (I. 82) Славяне много издерживали на хорошое угощенье, зная, что тотъ пользуется большею милостію у народа, кто окажетъ болѣе въ этомъ щедрости. Когда Премыслъ, князь Бодричей, принималъ у себя Гельмольда, то наставилъ для него болѣе двадцати кушаньевъ, къ величайшему удивленію Нѣмца.

Въ древней Чешской пѣсни [22] упоминаются: рыба, дичина, творогъ, каша, рубцы, кислое молоко, клецки съ макомъ, дыня, горохъ, какъ лучшія кушанья, которыя подавались, кажется мнѣ, на столъ богачей и бѣдныхъ. Въ отрывкахъ Чешскихъ словарей упоминается множество разныхъ кушаньевъ, приправленныхъ шафраномъ, перцомъ и хрѣномъ (слово, уже извѣстное Вацераду). Въ лѣтописяхъ и государственныхъ актахъ также упоминается о разныхъ яствахъ; все это показываетъ, что у Славянъ подавались на столъ вкусныя кушанья, и что у богачей, въ этомъ отношеніи, господствовало величайшее изобиліе.

Любимый напитокъ назывался пивомъ, которое употреблялось каждый день, какъ теперь у Русскихъ квасъ. Кажется, что гораздо позднѣе стали употреблять вино, хотя въ Остромировомъ Евангеліи и встрѣчается это слово. Вмѣстѣ съ пивомъ, древнимъ любимымъ напиткомъ, былъ медъ. Вино употреблялось, какъ лакомство.

Уже въ древнѣйшія времена на Руси предписано было давать гостямъ помѣсячно хлѣбъ, вино, мясо, рыбу и овощи [23], а въ Силезскомъ государственномъ актѣ предписывалось [24], чтобы землемѣру, пріѣзжающему на межеванье, доставлять для прокормленія дичину, рыбу, пшеничный хлѣбъ и вино. Рыба, какъ обыкновенное кушанье, вино

20 Worbs Archiw, стр. 93.
21 Колара Wyklad, стр. III.

22 Časopis, I. Кн. 1. стр. 25.
23 Догопор. Олега, у Шлецера, стр. 17.
24 У Штенцеля, III. стр. 273.

и медъ, какъ напитки, упоминаются также въ Чешскихъ лѣтописяхъ [25]. Павлинъ, изжаренный по Римскому обыкновенію, почитался лакомствомъ на королевскихъ столахъ. Когда Св. Гутерій [26] былъ на обѣдѣ у св. Стефана, короля Угорскаго, и увидѣлъ на столѣ павлина, то, опасаясь при такомъ лакомомъ кушаньѣ впасть въ грѣхъ, благословилъ зажаренную птицу, которая сейчасъ же ожила и вылетѣла въ окно.

Въ Польшѣ небольшая закуска называлась *завтракомъ* (Sniadanie), а большая *обѣдомъ* [27]. Какія кушанья подавались за ними, неизвѣстно, или по крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось ничего читать объ этомъ. Кушанья же запивали медомъ, пивомъ и виномъ [28]. Лѣтописецъ, изображая жизнь св. Станислава [29], говоритъ, что столъ его не отличался изобиліемъ яствъ и что пиры не продолжались до ночи, какъ прежде, когда еще существовали языческіе обычаи. Силезцы предпочитали пиво всѣмъ напиткамъ. Когда Конрада Горбатаго, Штинавскаго князя, бывшаго Вратиславскимъ прелатомъ, сдѣлали Зальцбургскимъ архіепископомъ, и когда онъ, во время дороги, узналъ въ Вѣнѣ, что въ его епархіи нѣтъ хорошаго пива, то

25 Косм. стр. 152 и его дополнители, стр. 435.

26 Thesaurus absconditus in agro Brzevnoviensi, стр. 22.

27 Non ad prandium, sed ad gentaculum, запросилъ Пястъ гостей, какъ говоритъ Галлъ стр. 22, справляя постриженны своего сына.

28 Башко у Сомм. III. стр. 70. Archid. тамъ же стр. 100.

29 Vita S. Stan. стр. 331.

отказался отъ архіепископства и возвратился въ Силезію [30].

Впрочемъ, тогда люди жили долго. Слишкомъ полтора вѣка считали себѣ тѣ, которые когда-то, воевали подъ Пилавцами противъ Крестоносцевъ; не смотря на то, они сохранили присутствіе разсудка до такой степени, что въ состояніи были разсказать Длугошу исторію упомянутой войны [31], какъ онъ самъ говоритъ намъ о томъ.

ГЛАВА IV.

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ.

Тѣнь подлѣ свѣта ясно обозначаетъ предметы, представляющіеся глазамъ, а недостатки народа, противопоставленные его достоинствамъ, проявляютъ все его бытіе. Кто, изображая одно, скрываетъ другое, тотъ пишетъ сочиненіе, подобное Китайской картинѣ, которая не что иное, какъ рисунокъ безъ тѣней, остовъ безъ тѣла, предметъ безъ сердца и души, однообразный и скучный, лишенный выраженія и жизни. Внимательно всмотрѣвшись въ достоинства и недостатки Славянъ, легко замѣтить, что они, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, колебались между зломъ и добромъ, не склоняясь прямо ни на ту, ни другую, сторону. Когда они переступали предѣлы зла, то сами сознавались въ своемъ заблужденіи и опять исправлялись, становясь *мудръ послѣ бѣды* (mądrzy po szkodzie).

30 Кромеръ, Orig. у Пистор. I. стр.

31 I. стр. 1021.

Мужчины и женщины, богато одаренные природою, часто предавались разврату и своевольству, но не на долго. Разсмотримъ это подробнѣе.

Въ древнее время Славяне имѣли такое же понятіе о красотѣ, какъ и теперь. Прекрасною почитали женщину, [1] хорошо сложенную и взрослую, здоровую, съ бѣлыми плечами, съ прекрасными бровями, носомъ и лицемъ, далѣе съ бѣлокурыми волосами, большими глазами, веселаго нрава, съ прелестнымъ голосомъ и быстрымъ взглядомъ. Въ народныхъ пѣсняхъ [2] подобнымъ же образомъ представляется красота женщины: бѣлокурые волосы, черные или голубые глаза. Позднѣйшій лѣтописецъ [3], говоря о красотѣ Русскихъ дѣвицъ, хвалитъ ихъ высокій ростъ и бѣлокурые волосы, а Чешскій лѣтописецъ [4] почитаетъ въ женщинѣ выше всего величественную поступь и силу. Земледѣльческій и воинственный народъ имѣлъ, и долженъ былъ имѣть, другое понятіе о красотѣ, нежели мы о зефиролетныхъ красавицахъ нашихъ гостинныхъ. Народъ Славянскій, прельщаясь тѣлесною красотою, не забывалъ и внутренняго достоинства женщины, удивляясь мужеству ихъ характера, благоразумію и мудрости. Женщину, одаренную прекрасными качествами души и тѣла, Несторъ называетъ прекрасною [5].

Нравы Славянокъ иногда были необузданны, и лѣтописцы много говорятъ объ ихъ развращеніи. Иначе и не могло быть при тогдашнемъ воспитаніи женщинъ; притомъ Славяне не умѣли и не хотѣли ихъ обуздывать. У лѣтописцевъ есть множество разсказовъ о развращеніи Россіянокъ и Полекъ, и о сѣтяхъ, которыя онѣ разставляли мущинамъ, привлекая ихъ къ себѣ. Такъ одна Краковянка подала любовный напитокъ Казиміру Справедливому и отравила его такимъ образомъ. Онъ упалъ замертво въ то самое время, когда разговаривалъ съ епископомъ Краковскимъ о безсмертіи души и о будущемъ блаженствѣ [6]. Много также разсказываютъ о развращеніи Чешскихъ женщинъ [7]. „У насъ (говоритъ древній Чешскій правоучитель), противъ шестой заповѣди грѣшатъ болѣе женщины, чѣмъ мущины. Какъ птичникъ дудочкою заманиваетъ птицъ, такъ дьяволъ, посредствомъ женщинъ, завлекаетъ въ свои сѣти грѣшныя души. Женщина искусно обувшись, надѣвши на голову повязку, а на бѣлую шею золотое ожерелье, бѣжитъ въ корчму, гдѣ пляскою и прелестнымъ голосомъ завлекаетъ мужчинъ; или получивши отъ молодаго человѣка колачъ (подарокъ), выбираетъ ему хорошенькихъ любовницъ, употребляя для того всѣ возможныя хитрости, и увѣряетъ дѣвушекъ, что онѣ обратятся въ подлыхъ собакъ, если будутъ нечувствительны ко вздохамъ нѣжныхъ юношей. У Ветхозавѣтныхъ побивали камнями прелюбодѣевъ, но у насъ не достало бы камней, если бы пришлось каждаго нака-

1 Ист. Троп, у Калайд. стр. 178.
2 Zpěwanky, изд. Коларомъ, I стр. 71, 72.
3 Длуг. I. стр. 280.
4 S. R. B. II. стр. 409, 410.
5 У Щлец. III. стр. 247, 249. I. стр. 58.
6 Длуг. I. стр. 286. 567.
7 Десять заповѣдей, въ Starobyla Sklad. I. стр. 54—105.

зывать за этотъ тяжкій грѣхъ. Впрочемъ, грѣшники объ этомъ не заботятся, потому что легко получаютъ отпущеніе грѣховъ отъ корыстолюбиваго духовенства, которое, жалуясь, что ему нечѣмъ жить, исповѣдываетъ за деньги."

Красоту мужчины составляли [8] тѣлесная сила, привлекательной взглядъ и краснорѣчіе, соединенныя неразлучно съ молодостію и храбростію. Если они одарены были такими качествами, если отличались веселостію и шутками (двумя прекрасными качествами, которыя еще до сихъ поръ знаменуютъ Славянскій характеръ) и, особенно, мужествомъ и прекраснымъ тѣлосложеніемъ [9], то не удивительно, что женщины привязывались къ нимъ. Однако жъ они, по естественному влеченію, важныя занятія и свои обязанности цѣнили болѣе, чѣмъ волокитство за женщинами. Судя о прошедшемъ на основаніи того, что для насъ сохранилось въ пѣсняхъ позднѣйшихъ временъ, особенно въ пѣсняхъ Словацкихъ и Польскихъ, каждый убѣдится, что у Славянъ мужчины вели болѣе цѣломудренную жизнь, нежели женщины. Бросимъ взглядъ на Польскія пѣсни, собранныя г. Войцицкимъ, а именно, на думы, и мы убѣдимся, что Польскія дѣвицы очень скоро теряли вѣнокъ; но и безъ того имъ не легко было пріобрѣсть взаимность удалой молодежи, которая предпочитала обязанность воина женскимъ нѣжностямъ. Эта же любовь къ походной жизни причинила зло, столь же достойное порицанія въ мужчинѣ, какъ въ женщинѣ легкомысліе и развратъ. Я разумѣю здѣсь стремленіе къ грабежу и хищничеству, стремленіе, которому охотно предавались люди высшаго и низшаго сословія. Крестьянинъ, отягощенный барщиною, пускался въ разбой съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ говорятъ древнія пѣсни [10], потому что нѣжнѣйшія чувства, которыя даже въ простомъ народѣ были возвышеннѣе, чѣмъ у насъ, не одобряли рода жизни, часто избраннаго по нуждѣ. Обыкновенно, въ старости бросали это поприще, обращались къ разкаянію и остатокъ жизни проводили, питаясь милостынею [11]. Часто разбойники, ворвавшись въ убѣжища благочестивыхъ отшельниковъ и отнявши у нихъ все, что они имѣли, приказывали благословлять ихъ и отпускать имъ грѣхи [12]. Даже люди высшаго сословія занимались грабительствомъ, если не было стычекъ съ непріятелемъ. Въ Польшѣ Болеславъ Храбрый [13] строго наказывалъ за такое своевольство; тоже дѣлали и другіе государи, а именно, Казиміръ В. Трудно согласить вмѣстѣ столько противуположностей, сколько мы встрѣчаемъ ихъ въ характерѣ Славянъ. Будучи готовы ко всему злому, они легко обращались къ добродѣтели, если кто пробуждалъ въ нихъ совѣсть. Враги, ненавистные одинъ другому, съ пожатіемъ руки и съ словами: „Будь мнѣ другомъ!" мирились и, какъ герои Гомеровы, мѣнялись

8 Ист. Трои, у Калайд. стр. 179.

9 *Chrabrost*, *udastwo*, у Вацерада.

10 Zpěwanky, изд. Колара, I. стр. 11.

11 У Колара I. стр. 355, пѣснь: *Нищій и разбойникъ*.

12 Косма, стр. 38.

13 Галлъ, стр. 67.

на память тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ лучшаго [14].

Въ древнихъ Чешскихъ пѣсняхъ встрѣчаются упреки ремесленникамъ. „Сапожникъ (говорится въ сатирахъ, въ Starobylá skladánie) безпрестанно сидитъ въ корчмѣ, играя въ кости, когда же придетъ домой, то ссорится и дерется съ своею женою, а иногда топчетъ ее и ногами. Кузнецы дѣлаютъ острыя пилы и ножи для воровъ, съ которыми послѣ дѣлятся кражею. Рудокопы и бородобрѣи сущія пьяницы; послѣдніе, брѣютъ ли бороду, или пускаютъ кровь, всегда калѣчатъ людей, не зная своего ремесла. Хлѣбники говорятъ, что ихъ колачи солоны и хорошо испечены, а они только взбиты на дрожжахъ, снаружи корка, а внутри такія дыры, что можетъ помѣститься кулакъ. Солодовники покупаютъ солодъ большими мѣрками, а продаютъ малыми; мясники таскаются по деревнямъ, дешево покупаютъ тамъ скотъ, а продаютъ дорого. Что же сказать о колдунахъ, которые, бродя между народомъ, ворожатъ и этимъ еще болѣе вкореняютъ въ немъ предразсудки [15]?“

Соображая то, что я здѣсь написалъ, и сравнивая его съ жизнію народа, замѣчаемъ, что такіе недостатки, или, лучше сказать, проступки, непростительные въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно, нисколько не относились къ Славянамъ вообще. Наши предки заботились о хорошемъ воспитаніи юношества. Русская Правда въ § 10 даетъ почетное мѣсто въ домашнемъ кругу тѣмъ, которые ходили за дѣтьми, а именно пѣстунамъ и *дойкамъ*, какъ выражались Чехи, или кормилицамъ [16]. Въ Чехіи также (еще въ XIV в.) называли пѣстуномъ домашняго учителя [17]. Славянскихъ дѣвицъ упрекали въ вѣтренности, и слово *блудница* (burwa) уже извѣстно было Вацераду; но мужнія жены вели добродѣтельную жизнь и не смѣшивали любви [18] съ развратомъ. Доказательства этому представляютъ величайшіе враги Славянъ, св. Бонифацій и Дитмаръ, которые говорятъ, что Славянки обыкновенно обрекали себя смерти по кончинѣ своихъ мужей и сжигали себя на одномъ кострѣ съ ними [19]; тоже самое говоритъ о Закарпатскихъ Славянахъ императоръ Мавривій, который жилъ гораздо ранѣе, еще въ VI в. по Р. Х. Этоже доказываютъ новѣйшіе писатели, приведенные г. Коларомъ [20]; доказываетъ также народный обычай не употреблять блюстителей за чистотою женщинъ, какъ было у Восточныхъ народовъ. Въ вышеупомянутомъ государственномъ актѣ, 886 г., сказано, что у Болгаръ были скопцы [21], или евнухи

14 Несторъ у Шлец. V. стр. 134.

15 Starob. Skl. I. стр. 54.

16 Bohemar. 476.

17 Bohemar. 369.

18 *Kohat*, *роскошь*, въ Слов. Конит.

19 Et laudabilis mulier inter illos esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo, говоритъ св. Бонифацій, у Раковец. I. стр. 7. Unaquaeque mulier post viri exsequias sui igne cremati, decollata subsequitur, говоритъ Дитмаръ, стр. 248.

20 Wyklad, стр. 23 и слѣд.

21 *Скоповъ*, какъ говоритъ Вацерадъ.

мужи [22], какъ значится въ Словарѣ г. Копитара; но это не были Славяне; они сперва исповѣдывали Магометанскую вѣру, а потомъ уже сдѣлались христіанами.

ГЛАВА V.

НАРОДНЫЕ ПРЕДРАЗСУДКИ.

Народъ съ такимъ нравственнымъ образованіемъ, какъ Славяне, легко могъ просвѣтиться, слѣдуя нравамъ и обычаямъ другихъ народовъ, и занимая у нихъ лучшее, хотя и не обошлось безъ того, чтобы они сколько-нибудь не заразились ихъ погрѣшностями.

Но образованіе, по большой части чужеземное, господствовало въ высшемъ сословіи, а отечественное не могло развиться, потому что тогда пренебрегали народомъ и подражали чуждымъ обычаямъ. Основываясь на томъ, что говорится въ исторіи о первоначальномъ правленіи у Славянъ, мы можемъ заключить, что глава семейства, раздѣляя все по поламъ съ челядью, или съ своими домочадцами, жилъ съ ними, относительно права, въ совершенномъ равенствѣ, сильно дѣйствуя своимъ умомъ и важностію старшинства на ихъ нравственное образованіе; тоже было въ первыя времена Христіанства и монархическаго правленія. Отецъ давая пиръ по случаю возвращенія блуднаго сына, приказалъ участвовать въ немъ и своей челяди [1].

22 Тамъ же находится и слово *скопити*, обрѣзывать.

1 Остр. Еванг. у Добровск. Cyrill und Meth. стр. 120.

По свидѣтельству Галла (стр. 24), земледѣлецъ Пястъ пригласилъ также и монарха своего, Попела, на пострижины сына. Русскіе князья [2] часто давали народу пиры и вмѣстѣ съ нимъ бесѣдовали. Но съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе чужеземщины болѣе и болѣе начало распространяться, а различіе сословій нарушило равновѣсіе въ народѣ, съ тѣхъ поръ и отечественные законы стали отнимать у народа политическое значеніе и не допускали его сноситься съ высшими сословіями. Не смотря на то, что народъ составлялъ главную силу отечества, государь старался показаться передъ вельможами, а вельможи передъ шляхтою; такимъ образомъ народъ, не имѣвшій сношеній съ просвѣщеннымъ классомъ общества и лишенный всѣхъ средствъ къ образованію, по прежнему жилъ въ простотѣ и невѣжествѣ, занимаясь кудесничествомъ и ворожбою. По свидѣтельству Прокопія, Славяне, принося жертвы богамъ, гадали, чтобы узнать будущее. Они гадали также, сдѣлавшись Христіанами. Константинъ Багрянородный говоритъ, что Русскіе, приплывавшіе по Днѣпру въ Царьградъ, приносили жертвы и гадали подъ священнымъ дубомъ, который охранялъ ихъ отъ зноя и непогоды (откуда, можетъ быть, произошло названіе *храма*, которое Славяне давали всѣмъ зданіямъ и святилищамъ) [3]. Еще въ XIII в., когда Поляки отправлялись воевать противъ Нѣмцевъ, то впереди шла колдунья, которая держала въ рукахъ сито, наполненное водою и, такимъ образомъ, пред-

2 См. Карамз. II. примѣч. 315.

3 Дурихъ, biblioth. slavica, стр. 342, 343.

сказывала имъ успѣхъ въ походѣ, что, однако же, не сбылось [4]. Предѣлы моего сочиненія не позволяютъ мнѣ распространиться о семъ предметѣ. Будущій изыскатель Славянской миѳологіи, обходя съ этою цѣлію сельскія хаты, соберетъ народныя преданія о чародѣйствѣ и, вооруженный историческою критикою, довершитъ зданіе, которое уже начато гг. Ходаковскимъ, Лукою Голембёвскимъ [5] и Казиміромъ Войцицкимъ [6]. Тогда-то сіи изысканія покажутъ, что у насъ было народное, и что чужое; какое значеніе имѣлъ до сихъ поръ, упоминаемый въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ [7], обычай ставить умершему въ гробъ кушанье и напитки; какія лекарства употреблялись противъ болѣзней, которымъ подвергались Славяне, и какое отношеніе все это имѣло къ религіи.

О лекарствахъ говоритъ Вацерадъ, а о ворожбѣ противъ болѣзней упоминается въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ упомянутомъ государственномъ актѣ, 886 г., сказано, что Болгары, какъ до принятія Христіанства, такъ и послѣ, употребляли противъ всѣхъ болѣзней чудотворный камень, и что во время недуга носили на шеѣ полотняный узелъ и, такимъ оброзомъ, вылечивались. Болѣе всего (что видно изъ словъ, приведенныхъ Вацерадомъ) страдали поносомъ или, какъ его называли, *уплавицею*, лихорадкою, которая была обыкновенная и трехдневная, кашлемъ и другими болѣзнями, о которыхъ упоминается [8] въ позднѣйшихъ памятникахъ.

4 Chronicon Montis sereni, у Менкена, Script. rer. germ. II. стр. 228.

5 Въ соч. Lud polski i ruski i iego obyczaje.

6 Въ Польскихъ и Руськихъ древностяхъ, еще находящихся въ рукописи.

7 У Колара I. стр. 26.

8 *Розкоханый*, 291 и слѣд.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ГЛАВА I.

УЧИЛИЩА И РАСПОЛОЖЕНІЕ НАУКЪ.

Уже въ началѣ сего періода Славянское юношество проходило науки, или въ общенародныхъ училищахъ, отечественныхъ и заграничныхъ, или въ частныхъ заведеніяхъ. Приведемъ здѣсь то, что мы почерпнули изъ источниковъ, касающихся этого предмета.

О Славянскихъ училищахъ въ первый разъ упоминается въ Чешской исторіи. У Чеховъ было преданіе, что вскорѣ послѣ введенія въ ихъ страну Христіанства по Славянскому обряду, основаны были и училища, въ которыхъ преподавалась Кирилловская грамота. Полагаютъ, что первое училище было на Вышеградѣ, въ Прагѣ, и что тамъ же, уже въ XI в., учили Славянскимъ письменамъ [1]. Въ житіи святаго Вячеслава, открытомъ г. Востоковымъ, говорится, что когда этотъ святой выучился по Славянски, то былъ посланъ своею бабкою, Людмилою, въ Будечь учиться Латинскому языку. Тамъ, т. е., въ Будцѣ, издавна уже существовало училище, гдѣ дочери Крока и мудрый Премыслъ прошли науки, которыя рыцарскій народъ почиталъ для себя приличными (въ Судѣ Любуши: wyučené wěščbam wjězowým), но неизвѣстно, какія именно науки здѣсь подразумѣвались. Въ древней пѣсни [2] XIII или XIV в. сохранилось преданіе о главныхъ учебныхъ предметахъ, преподавшихся въ училищахъ, съ краткимъ описаніемъ каждаго изъ нихъ. Въ этомъ, такъ сказать, расположеніи училищныхъ наукъ выступаетъ впередъ грамматика, въ приличной одеждѣ, какъ сказано тамъ, держа въ правой рукѣ розгу, а въ лѣвой Доната; она учитъ Латыни, какъ основанію всякой науки, необходимой для дѣтей. За нею слѣдуетъ діалектика, съ блѣднымъ лицемъ, держащая въ правой рукѣ голубя, а въ лѣвой змѣю, въ знакъ того, что она какъ о правдѣ, такъ и о злѣ, умѣетъ говорить и кратко, и строго. Третьею является разряженная риторика, которая пріятными выраженіями смягчаетъ все то, что сурово сказано первыми. Четвертая ариѳметика, которая умѣетъ сосчитать звѣзды на небѣ и песокъ въ морѣ. Пятая геометрія, которая умѣетъ измѣрять небеса и землю За нею слѣдуетъ музыка; она въ правой

1 Staroh. I. стр. 4.

2 *Alan*, въ Staroh. I. стр. 140 и слѣд.

рукѣ держитъ гусли, а лѣвою перебираетъ на нихъ струны, проникая своимъ голосомъ и пѣснею въ сокровенные тайники сердца. Наконецъ, астрономія, знающая мѣсяцъ, солнце и всѣ планеты, она научаетъ, что и подъ какою звѣздою должно дѣлать. Помощію наукъ (слова пѣсни) человѣкъ разгадываетъ свойство всѣхъ вещей, постигаетъ, кто правитъ міромъ, узнаетъ сущность жителей земли и ада, убѣждается въ томъ, что Творецъ всѣхъ вещей управляетъ симъ міромъ посредствомъ четырехъ своихъ дочерей: милосердія, вѣры, правды и мира. Человѣкъ, основательно изучившій сіи науки, постигаетъ, какимъ образомъ Богъ сотворилъ Адама, какъ сей Адамъ впалъ въ прегрѣшеніе и какъ родъ человѣческій спасенъ былъ страданіями сына Божія.

ГЛАВА II.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Изъ этого видно, что Чехи и, безъ сомнѣнія, прочіе Славяне, все начиная и оканчивая именемъ Бога, воспитывали своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ и готовили ихъ быть добрыми и полезными отечеству гражданами. Вѣрно, тоже самое имѣлъ въ виду и Русскій князь, Владиміръ, основывая въ X в. для мальчиковъ училище [1], также и Угорскіе короли [2], когда, по образцу заграничныхъ училищъ, они завели у себя учебныя заведенія. Наконецъ, тоже имѣли въ виду и въ Польшѣ, гдѣ уже въ 1005 г. основано было училище (въ Смогоржевѣ, въ Силезіи), въ которомъ юношество, приготовлявшее себя къ духовному званію, болѣе всего училось Латинскому языку. [3] Галлъ разсказываетъ, [4] что Казиміръ, сынъ Мечислава Нерадиваго, учился въ монастырской школѣ, а Кадлубекъ [5] упоминаетъ о школьникахъ, которые гонялись за Жидами съ камнями въ рукахъ. Позднѣйшія лѣтописи говорятъ объ учителяхъ [6], которые хвалили школьниковъ за то, что они молились св. Станиславу. По свидѣтельству Длугоша [7], въ Краковѣ, на канонизаціи (причтеніи къ лику святыхъ) этого же святаго, находились и ректоры приходскихъ училищъ. Объ нихъ также часто упоминается въ дипломахъ и лѣтописяхъ. У Накѣльскаго (стр. 110) сказано, что городской пробстъ долженъ былъ изъ своихъ доходовъ, а именно, изъ слѣдуемой ему десятины съ придворныхъ и крестьянскихъ имѣній, давать ежегодно по восьми золотыхъ жалованья ректору сельскаго училища. Изъ этого видно, что и въ Польшѣ духовенство заботилось о воспитаніи юношества, но только трудно отгадать, по какому плану и чему особенно учили въ школахъ. Кромѣ того, въ

1 См. Греча. Ист. Лит.

2 1276 г. у Фейера, V. 2 стр. 347. Noticiae pateat universorum, quod in Vesprimiensi civitate, a tempore quo in Hungaria catholica, Dei dono, liberalium arcium studia, per quae mandata maxime divina manifestius declarantur, prout Parisiis in Francia doctrinae docencium praeeminencia....

3 Лѣтопись у Сомм. II. стр. 159, 177.

4 Стр. 98, 139.

5 Стр. 369, изд. Добромил.

6 Vita S. Stanisl. стр. 359.

7 I. стр. 735, 696.

приходскихъ училищахъ были еще нисшіе классы, а при соборахъ и аббатствахъ высшіе. Такъ, въ Краковѣ [8], при церкви Пр. Д. Маріи, кажется, преподавали философію, пока не была учреждена академія въ семъ городѣ. Впрочемъ, хотя одно только духовенство основательно знало свѣтскія науки [9], и хотя наставники, безъ сомнѣнія, должны были знать Польскій языкъ, однако жъ трудно допустить, чтобы тамъ, кромѣ Латыни и наукъ, необходимыхъ въ то время для духовнаго званія, учили чему-нибудь другому, потому что старались искоренять и истреблять все народное, изъ опасенія, чтобы Польскій народъ не склонялся на сторону язычества [10]. Немедленно хлынуло въ Польшу разнородное образованіе, Итальянское, Французское, потомъ и Нѣмецкое, ограничивающееся Латинскимъ языкомъ [11]. Оно было исключительнымъ достояніемъ духовенства, которое прилежно заботилось о немъ, но, вмѣстѣ съ этимъ, берегло его только для себя. Лѣтописцы, въ семъ отношеніи, уважительно относятся о Богухвалѣ, епископѣ Познанскомъ [12] Г. Лелевель представилъ множество другихъ доказательствъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи. Вообще можно сказать, что ученое духовенство, если не изустно, то письменно, передавало народу свѣтскія науки, по крайней мѣрѣ такія, которыми оно занималось съ любовію. Это подтверждаютъ лѣтописи Галла, Кадлубка и Богухвала. Сказанное о Польшѣ и Силезіи, относится также къ Поморью и Полабскимъ Славянамъ. Множество доказательствъ тому находится въ небольшомъ сочиненіи Мартина Рангона, также въ сочиненіяхъ, приведенныхъ въ началѣ сей книги. Богатые ѣздили учиться въ чужіе края, а бѣдные воспитывались въ отечественныхъ училищахъ [13]. Даже положено было основать на Поморьѣ свѣтскую школу, чему, однако жъ, воспротивилось духовенство, утверждая, что только оно имѣетъ право распоряжаться народнымъ просвѣщеніемъ. Доказательствомъ этому служитъ упомянутое сочиненіе Рангона.

Славяне уже съ давнихъ временъ ѣздили за границу учиться. Гельмольдъ говоритъ (I. 19, 45) о княжескихъ сыновьяхъ Полабскихъ Славянъ, которые учились въ Люнебургѣ, также о лицахъ, посвятившихъ себя духовному званію и ѣздившихъ для образованія своего во Францію. У Чеховъ

---

8 Лукашевича Rys dziejów, стр. 4.

9 Лѣтописецъ говоритъ, подъ 1035 г., объ одномъ епископѣ: vir Italicus.... studiosus et literatus, divinis et humanis doctrinis die noctuque operam dans. Cui rei plures sibi ex Italia libros coacervabat. Сомм. I. стр. 169. Въ другомъ мѣстѣ, на пр., у Сомм. стр. 161., прилежно вникая въ жизнь епископовъ, упоминаетъ объ ихъ учености и о томъ, кто изъ нихъ принадлежалъ къ сословію *litteratorum*, а кто къ людямъ *literaturae simplicis*.

10 Подъ 1027 г. лѣтописецъ говоритъ у Сомм. (стр. 159) объ епископѣ: qui praecipue operam dabat, ut a sua dioecesi ritus gentiles, quos Poloni neophitici nondum ex integro deposuerant, depelleret. Такое же направленіе и въ Чехіи, см. Раковец. I. стр. 74. II. стр. 183.

11 Доказательства этому приводятъ лѣтописцы у Сомм. II. стр. 159, 163; но еще болѣе приводитъ ихъ Лелевель, въ сочиненіи, выше упомянутомъ.

12 Сомм. II. стр. 65.

13 Март. Ранг. стр. 92.

гораздо еще ранѣе, именно, въ X в., св. Вячеславъ учился въ Дѣвинѣ (Магдебургѣ), гдѣ (по словамъ его жизнеописателя) онъ вскорѣ научился по Латынѣ, рѣдко употребляя варварскій, т. е., Славянскій языкъ. Въ послѣдствіи времени, Чешскіе князья отдавали своихъ сыновей ко двору Нѣмецкихъ императоровъ, чтобы они тамъ научились [14] отъ нихъ ловкости и узнали языкъ. Въ 1125 г. знатный Чехъ учился въ Леодіи (Ліешѣ) грамматикѣ и діалектикѣ [15]. Во Францію и другія страны ѣздили учиться философіи. Сами короли свѣдущи были въ ней; впрочемъ, они знали и другія науки. Король Вячеславъ бесѣдовалъ съ учеными (1290) объ исторіи, правѣ, физикѣ и медицинѣ [16]. Внучата св. Ядвиги ѣздили учиться въ Италію [17]; туда же отправлялись и Угорскіе прелаты. Гдѣ только упоминается въ историческихъ памятникахъ объ учености, все то относится прямо къ духовенству. Разсказываютъ [18] объ епископахъ, которые оставляли свои каѳедры и отправлялись за границу заниматься науками; также о книгахъ, которыя покупаемы были цѣною одной деревни, и о большихъ издержкахъ, употребляемыхъ родителями на воспитаніе своихъ дѣтей [19].

Болѣе всѣхъ ѣзжали за границу богатые Поляки, не довольствуясь образованіемъ, пріобрѣтаемымъ въ отечествѣ. Владиславъ Германъ отдалъ своего побочнаго сына въ какое-то монастырское училище, въ Саксоніи, желая укрыть его отъ гнѣва своей супруги [20]. Станиславъ, епископъ Краковскій, когда-то учился въ университетѣ по отдѣленію наукъ и изящныхъ искуствъ, безъ сомнѣнія, въ Италіи, а не Германіи (in Allemania), какъ утверждаетъ лѣтописецъ, ибо въ то время тамъ еще не было подобныхъ заведеній [21]. Въ послѣдствіи, знатные Поляки учились въ Парижѣ и въ Бононіи. Тамъ учился Иво, тотъ самый, который послѣ Кадлубка принялъ Краковское епископство, гдѣ потомъ тѣсно подружился съ Уголиномъ, епископомъ Остійскимъ (Ostium). Тамъ же учился Ярославъ, архіепископъ Гнѣздненскій. Лѣтописецъ разсказываетъ, что во время ректорства сего архіепископа, въ Бононіи, одинъ изъ учениковъ, родомъ Англичанинъ, осужденъ былъ тамошнимъ магистратомъ на смерть за прелюбодѣяніе; Ярославъ, по этому случаю, перенесъ юридическое отдѣленіе (studium juris Canonici) въ другой городъ [22].

Въ Польшѣ богачи наиболѣе учились частнымъ образомъ, и то съ давнихъ временъ, ибо, по свидѣтельству Длугоша [22], уже Мечиславъ Нерадивый для образованія своего сына, Казиміра, принялъ къ себѣ ученыхъ наставниковъ. Впро-

14 По словамъ Космы, стр. 67.

15 Продолжатели Космы, стр. 277, 278, 413. Франц. де Вайтемиль, стр. 37.

16 Длуг. I. стр. 688.

17 1221, 1263 г. у Фейера III. IV. 3. стр. 309, 179.

18 1231 г. у Фейера III. 2. стр. 230.

19 Галлъ, стр. 139.

20 Ad locum, ubi forte tunc generale florebat studium convolavit et in facultate liberalium arcium studuit, Vita S. Stan. стр. 324, 328.

21 Длуг. I. стр. 622. Архид. Гнѣдз. у Сомм. II. стр. 116.

22 I. стр. 181, 182.

чемъ этотъ же Казиміръ послѣ учился въ Парижѣ и, должно быть, посланъ былъ туда матерью своею, Риксою, родомъ Нѣмкою [23]. Основываясь на томъ, что мы выше сказали о просвѣщеніи Славянъ, трудно согласиться съ Длугошомъ, будто бы между Польскими государями Казиміръ былъ первый, занимавшійся науками. Св. Оттонъ [24], выучившись въ Германіи грамматикѣ и Латинскому стихосложенію, также нѣсколько ознакомившись съ Латинскими поэтами и философическими сочиненіями, прибылъ въ Польшу, во время Болеслава Кривоустаго, гдѣ, какъ онъ думалъ, былъ недостатокъ въ ученыхъ. Научившись тамъ Польскому языку, онъ открылъ школу, которая доставила ему значительныя деньги [25]. Здѣсь онъ достигъ успѣха, какого еще въ наше время обыкновенно достигаютъ иностранцы, заводящіе въ Славянскихъ земляхъ частныя училища, т. е., вельможи наперерывъ отдавали къ нему учиться своихъ дѣтей [26]. Лѣтописецъ говоритъ, что Оттонъ не очень былъ свѣдущъ въ наукахъ, но уча другихъ, и самъ учился; притомъ прекрасное тѣлосложеніе и умѣнье, съ какимъ онъ принялся за свой предметъ, произвели то, что Польскій народъ почиталъ его мудрецомъ. Оттонъ, какъ говоритъ преданіе, прилежно изучалъ Польскій языкъ; это доказываетъ, что въ Польшѣ издавна требовалось отъ учителей знаніе отечественнаго языка. Въ послѣдствіи времени архіепископъ Фулько также старался остановить вліяніе Нѣмцевъ, которые стекались въ Польшу заводить училища, особенно со времени раздѣленія сего края по смерти Болеслава Кривоустаго. Въ 1237 г. этотъ архіепископъ предписалъ приходскимъ священникамъ, чтобы они не допускали Нѣмцевъ къ должности училищныхъ начальниковъ, развѣ только такихъ, которые хорошо знаютъ Польскій языкъ, и чтобы учители переводили по Польски ученикамъ классическихъ Римскихъ писателей. Въ 1285 г. тоже самое одобрилъ синодъ подъ предсѣдательствомъ Свинки, архіепископа Гнѣзднѣнскаго. Онъ же, въ 1313 г., возобновилъ это постановленіе, чтобы сохранить чистоту Польскаго языка [27]. Архіепископъ Ярославъ (въ 1357г.), слѣдуя ему, вторично подтвердилъ давнее постановленіе, чтобы школьные учители непремѣнно основательно знали отечественный языкъ.

---

23 По словамъ Длугоша, I. стр. 198.

24 I. 1, 2.

25 Non mediocriter dives esse caepit in possessione auri et argenti, *brevi tempore ditatus atque honori habitus est*, замѣчаетъ лѣтописецъ, а въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ: *magnus valde et nominatus in illa regione factus est*.

26 Sed et nobiles quique et potentes illius terrae, certatim ei filios suos ad erudiendum offerebant.

27 Лелевель, Tygodn. Wil. I. стр. 86, 87, 124.

